

Анастасия Бойцова

ЛЕГЕНДЫ И АПОКРИФЫ

ЛИРИКА

«С тех пор...»

Высокомерие

«Земную оболочку, как наряд...»

«Блажен, кто целый мир окинул взглядом...»

«Земное плавание – пробоины без днищ...»

«Когда в груди дыхание стынет...»

«Так изменяют Луне – лунатики...»

Кошка

Возраст

Десятая казнь

Мой капитан

АПОКРИФЫ

Виса для Эллисив

Рахиль

Медея

– «Время, что в скитаньях несло потоками...»

– «Хуже поединка, страшной экзамена...»

Книга Царств

– «Не загадывай на сто лет...»

– «Раз-делили...»

ПОЭМЫ

Мелхола

Коловрат

Видение

Елена

Троянский цикл

Дон Жуан

Три поэмы о Робин Гуде

Легенда о Вис и Рамине

ЛИРИКА

Дар напрасный, дар случайный...
Пушкин

С тех пор, как в то, а не иное
Пространство ветром занесло,
Не знаю, что тому виною –
Упрямство, лень, иль ремесло,

Но мир, тобою, мой Всевышний,
На долю данный сгоряча,
Со мной играет в «третий лишний»
Который год, который час.

Кого винить за этот карцер –
Тебя иль собственный талант –
Но сколько можно спотыкаться
О пятый угол у стола?

Служа за то, чтобы кормили,
Нести похлебку мимо рта?
И сколько можно в этом мире
Сменять в нахлебниках шута,

И называть дурное - ложью
Своим глазам в противовес,
И сколько можно, сколько можно,
Помилуй Бог, помилуй Век,

Во всяком деле быть некстати,
Как лишний камень у межи...
Благословен Твой дар, Создатель,
Но что с ним делать, подскажи?

2003

Высокомерие

Высокомерие? – Трепка нервов –
Спорить с приземистым обвинителем!
Вы бы какой отмеряли мерой,
Если б сам Бог от рожденья вытянул?

Если бы ветер дышал в висок вам,
А под ногами – Прокрусты с рожами?
Высокоумие, и высоко-

Стилие (лучше – высоко-сложие):

Так сложены. И ни мы, ни вы не
Сами слагали строенье костное.
Если с рожденья высоковыен,
Не совладаешь с поступью!

Полную грудь набери. А ну-ка,
Не зацепись – проводов напутано!
Джек-На-Ходулях протянет руку,
Не нагибаясь с двадцатифутовых.

Высокомерье? – Какою мерой
Мерите – сказано бе апостолам!
Полкаблука до небес Гомера:
Роста Саула и Маяковского.

2003

Земную оболочку, как наряд,
Нося недопустимо и неможно,
Я, как одна из тысячи наложниц,
Дразню великолепного царя.

Сбежавшая из сада на базар,
Где каждый плод заманчиво лоснится, -
На чьи еще смущенные ресницы
Я вскину ненасытные глаза?

И даже в самой оторопи чувств
Я грежу в замирании недолгом,
Какую казнь мне приготовил дома
Единственный, которому я мщу

За холодность. Отбросив голоса
Всех радостей своих и всех неравенств
Трепещущей воровкой пробираюсь
В запущенный и оскверненный сад:

Домой, под опаляющий огонь
Блистательного гнева голубого...
Блаженны те, кто знает ревность бога
И колебанье тверди под ногой!

День гнева предо мною расстелив,
Покуда я играю в тварь земную, -
Благодарю за то, что ты ревнуешь,
Мой грозный и лукавый властелин!

2003

Блажен, кто целый мир окинул глазом
И отпил по глотку из разных рек;
Блажен, кто мог влюбляться раз за разом,
Не позабыв о брате и сестре;

Блажен, кому гроза и ветер с моря
Вспахали котловины впалых щек;
Блажен не тот, кто видел мало горя,
А тот, кто видел что-нибудь еще,

Кому до срока выбелило брови,
Кто жил, долготерпению не учась...
Хвала тому, с кем выстрадано вровень,
А пережито – тысячная часть.

Блажен, кто шел, как жил: за милей миля,
Кто был один, не принимая мук;
Кто всем дарил: улыбку, ночь, полмира –
Но жизнь свою не отдал никому;

Кто вечно запивал губами - губы,
Вино – вином, до нового пути...
Он избежал Проклятья Однолюба –
Будь счастлив, кто его не ощутил.

Будь счастлив. Как судьба ни истрепала
И душу, и черты его лица –
Он знал лишь пену с этого бокала,
И проклят тот, кто выпил до конца.

И проклят тот, на чьем тщедушном теле
Зюйд-Вест не положил свои кресты;
Кто по ночам на собственной постели
Познал жаровни всех земных пустынь;

Кто не постиг науку странствий дальних,
Пространствовав в аду своей души...
Будь проклят осужденный на страданья.
Он жил. Он ничего не совершил.

Блажен, кто будет хвастаться, что пожил,
Покинув наши бранные места!
А сердце что? – Шагреневая кожа.
И той осталось ровно на пятак.

2001

Земное плаванье – пробоины без днищ,
Плюс убеждение, что не тонувший – не жил.

Бог, покидающий любого, кто не нищ,
А впрочем, нищих покидающий не реже;

Зевок толпы, не ожидающей мессий,
Да почитателей внезапные отливы;
Бог, отвергающий любого, кто не сир,
И так карающий попытки быть счастливым,

На всех земных, на всех заманчивых стезях
Располагая непонятные трясины,
Что даже жаловаться попросту нельзя,
Поскольку слушатель сочувствовать не в силах.

И так далек ближайший друг или сосед,
Как два отшельника по берегам расселин;
И нет страшней, чем искушение быть как все;
И нет сильней, чем искушение быть со всеми;

И в те часы, когда дозволено ласкать,
Хоть на мгновение забыв, что происходит, -
Вновь подступающая тошная тоска:
Тоска по равенству во всей его свободе.

И как ни ласкова мирская карусель,
И как ни дороги единственные лица,
У горбуна и великана в жизни сей
Одна мечта – хоть на секунду распрявиться!

Но в самый миг, когда почти уже, вот-вот
Все расстоянья сокращаются до щели,
Бог перекроет звуковой воздуховод,
Грозя оставить без надежд на возвращенье.

Увы, не слишком ли высокая цена
За дом с картинами и шницеля по-венски?
И вместо равенства опять дается нам
Неоспоримое, постылое главенство.

2004

Когда в груди дыханье стынет
От подступающих теней,
Глас вопиющего в пустыне
Звучит иначе – и сильней.

А мне - от пушечного жерла
До гильотины в смертный час –
Один ответ – пренебреженье,
За неимением меча.

На все, чей образ так веществен,
 Вплоть до подробностей и дат:
 Народ, кичащийся бесчестьем,
 Страна, лишенная стыда,

И пустота плебейской спеси,
 Как распустившийся кочан,
 И все пятнающая плесень,
 С таким, до крика по ночам,

Знакомым цветом (запах дыма,
 Берлин, тридцатые года...)
 На все, на все, до лиц любимых,
 Вновь искаженных, как тогда,

Как будто теми же путями
 Все туже стягивая сеть, -
 Звериной маской общей тяги:
 Не рассуждать и быть как все.

Все легионы адских армий
 В рубцах немислимых боев,
 И все бесстыдство жизни тварной,
 И вся навязчивость ее, -

На все, чего не замечая,
 Уже не в силах отрицать,
 Могу ответить лишь молчаньем
 И отведением лица.

Одной в покорствующем мире
 Даны из всех Твоих даров
 Не трубный глас Иеремии,
 А только взгляд и поворот.

Вдвойне беспомощное вето,
 Старо, как пудренный парик...
 Немой протест Антуанетты
 На появленье Дюбарри.

2004

И вот сегодня я, предпоследний из людей твоего избрания, стою перед тобой,
 последним из богов истинных, стою и прощаюсь навсегда.

3. Жаботинский, «Самсон Назорей»

Так изменяют Луне – лунатики;
 Так изменяет волнам – Луна...
 Локсий! Мой Локсий! Я неверна тебе;

Пусть – на секундочку неверна...

Всею спиной ожидая выстрела,
 Чувствуя твой золотой прищур,
 Локсий! Единственный и двусмысленный!
 В каждой измене – тебя ищу.

Тема и песня весьма не новая!
 Или не веришь мне, что могу
 Отсвет улыбки твоей сцеловывать
 С чьих-то почти незнакомых губ?

Все отрезвляющие утра мои
 Знаешь, и знаешь, что сталь крепка:
 Пусть и скудельный сосуд – но храмовый!
 Твой – до последнего черепка!

За однодневных не упрекай меня:
 Все мы – трепещущие листы.
 Их – поцелуй, но чье – дыхание?
 Локсий! Быть может, подскажешь ты –

Ты, упоенный моими бреднями,
 Ты, мне выламывающий хребет...
 Локсий! Возможно, что я – последняя,
 Т а к изменяющая тебе:

Цельному, с песней, устами, листьями
 На потаенных твоих стезях...
 Та, для кого ты – живой и истинный:
 Мраморному – изменить нельзя.

Мрамор и бронза – пустые почести;
 Идол без жертвенника – нелеп.
 Локсий! Возможно, что мною кончится
 Все твое странствие на Земле –

Бремя тоски, что тебе единому
 Было под силу в моем миру...
 Кто позовет тебя: «Господине мой!» -
 Локсий, как только и я умру?

Кто твое имя в невнятном говоре
 Станет ласкать на своих устах?
 Кто на ладонь тебе сложит голову,
 Локсий, как только отдышит та,

Та, что умеет (рабыней лыщусь к тебе!)
 Предошущать роковую зыбь;
 Та, что плечом твою руку чувствует
 И позвоночным столбом – призыв;

Та, в ком от эха до эха спишь еще
 Кроме алтарной твоей плиты;
 Та, для кого ты – живой и дышащий,
 А не классический, как латынь!

Та, что ковром тебе ляжет под ноги,
 Та, что в разлуке черней вдовы...
 Та, без кого ты – король без подданных
 И полководец без рядовых.

И у бессмертных свое везение,
 Свой подступающий неолит:
 Лучше руинами, чем музеями
 Быть бы святилищам без молитв!

Лучше разбитыми, чем распитыми –
 Чашам, где плавилась кровь небес...
 Локсий! Твоя последняя пифия
 Плачет и молится о тебе.

2005

Кошка

Деловитые, как на экзамене,
 Обернувшись в профиль к телевизору,
 Восседаем в кресле. Делом заняты:
 Хвост вылизываем.

Атавизм от существа пещерного
 В мире городской бетонной нечисти.
 Как там в Библии про сеть прельщения
 Человеческого?

Семь тысячелетий, точно мячики,
 Канули в неведомые низменности.
 Мы с тобой у очага дымящегося...
 Ты вылизываешься.

Время растянулось, как резиновое,
 Мы с тобой в лесу на мягком дягиле...
 Почему же так гипнотизирует?
 Так затягивает?

Предки-обезьяны мирно спят еще,
 Свет огня не потревожил детства их...
 (Ты теперь вылизываешь пяточку;
 Вещь ответственная.)

Древняя, как все непредуказанное,
 Бесполезная, как все божественное,
 Кошка! Беспричинная привязанность

Вечной женственности.

Лакомый кусок мяса оленьего,
Место у огня в ближайшей близости
За одно лишь чувство умиления:
Ты вылизываешься...

Тянет бархатистые конечности,
Щуря на огонь зрачки топазовые
Первое в сознание человечества
Торжество эстетики над разумом.

И пока вокруг столетья буйствуют,
Грохоча бессмысленными вызовами,
Сотни тысяч лет уже люблюсь, как
Ты вылизываешься.

2007

Возраст

Атрофия желаний. Синдром остановки роста.
Рецидивы сварливости, яростные, как Гера.
Ничему этот возраст не учит – разве бороться
С ненормированными приливами эстрагена.

Поджимаются губы. Виски упорно редеют.
Что не прошлого века – уже в другом государстве.
Но уже не желается – ни за какие деньги! –
Уступить, отоварить последнее, сдать, сдать...

Тяжелее шагается – да; но дышится выше
Без привычного шлейфа в толпе, где мужские лица.
Красота – краткосрочный талон. Срок действия вышел.
Первородство, уже неподвластное чечевице.

И плевать на первые боли: каменной шее
Придается незыблемость. Хватит стеблей цветочных.
Может быть, полчетвертого – возраст без искушений,
Но уж то, что терять ему нечего – это точно.

Все проклятое время! И в нас, как в горных породах,
Наносные слои подгребают под водомет свой.
Юный пыл иссякает – а с ним и юная робость;
Остается... Эх, знать бы заранее, что остается.

Угасают мечты. В тридцать пять уже не стремятся
К неизвестной судьбе – результаты спят на диване.
Юный жар остывает – а с ним и юная мягкость;
Мы уже не меняемся – просто затвердеваем.

Без кокетства, без вечного страха, что забракуют,

Мы впервые способны одни оставаться в поле.
 Бог отлил меня в форму – пока не знаю, в какую,
 Ибо, в сущности, что, кроме смерти, ее расколет?

И в мозгу, осознав эту истину прописную,
 Кровь замедлила ток, и сердце больше не ноет...
 Соки жизни еще не иссякли – просто уснули,
 Словно в кокон, укрытые первою сединою.

Красота приувяла, отвага поизносилась
 (Жанне д`Арк – восемнадцать, и спорить с этим не стоит),
 Но еще под порошею тлеют такие силы,
 Как под слоем земли; как под вечною мерзлотою;

От которых пасуют твердыни, знамена вянут,
 Позабыты законы, не слыхано о запрете!
 Весь Париж содрогнулся от грохота деревянных
 Башмаков – как потом не дрожал в девяносто третьем –

Это вышло на улицы грозное и лихое –
 И не верьте, что время заставило заржаветь их!
 Жанне д`Арк – восемнадцать, да; но уж в Версальском походе
 Шла, гремя башмачищами, сила сорокалетних!

2005

Десятая казнь

- Не хватит всех моих молитв –
 Спасти мое дитя.
 Я дочь египетской земли,
 Я семя египтян.

Мой дом бесплотен и убог
 И бедностью клеймен.
 В моей каморке нет рабов
 Ни из каких племен.

Так отчего к Тебе на суд,
 Оглохшая от войн,
 Я тело первенца несу
 По взрытой мостовой?

За что судил мне этот час
 Блуждать среди могил?
 - За то, что ты могла молчать,
 Покуда бьют других.

Покуда гнев мой не достиг
 Порога и ворот,
 Ты не сказала: «Отпусти
 Домой чужой народ!»

Покуда твой злосчастный дом
 Еще щадила смерть,
 Чужою тронута бедой,
 Хоть раз на возглас: «Бей жидов!»
 Ты крикнула: «Не смей!»?

О, как я ждал среди скорбей,
 Чтоб ты в подобный час
 Хоть раз, без выгоды себе,
 В ответ на чей-то выкрик: «Бей!»
 Воскликнула: «Молчать!»

Хоть раз за столько тысяч лет –
 Не отводи лица! –
 Ты запретила злобе тлеть?
 Ты непустила сына вслед
 Ушедшим беглецам?

Те сыновья, что Я дарю...
 Ты зренья лишена?
 Ты отдала его царю
 В наемники, жена!

От сотворения времен
 Покорные, как скот...
 Да что бы сделал фараон,
 Когда б не ты, когда б не он,
 Когда б не сотни сот!

Хоть раз ты отказала лжи
 В правах на власть и трон?
 Будь мусульманин или жид,
 Пусть убивают – но чужих!
 Лишь твоего не тронь!

Есть племена, чей грех велик,
 Чьи слезы мне претят.
 Ты дочь египетской земли,
 Ты семья египтян.

Ну так не ставь же мне в вину,
 О милости моля,
 Ни морг в Ростове-на-Дону,
 Ни сотни сгинувших в плену,
 Ни мертвые поля.

Не Я подвел вас к десяти
 Погибельным ночам;
 Не Я на стенах начертил
 Эмблему палача;

И вот сегодня срок истек,
 Исписаны листы! –
 И я сказала: «Ты жесток».
 И Он спросил: «А ты?»

2005

Мой капитан
Посвящается Э.С.Менделевичу

Куда собрался, капитан,
 Куда ты, брат, собрался?
 Ю. Ким

Наша везде пропадала. Но где бы она не пропала бы,
 Как бы безумный ветер жизни нас не крутил,
 Дай нам Господь капитанов, что не покинут палубу
 И не позволят сбить себя с истинного пути!

Тот, кто всегда один – но за каждого против тысячи,
 Выброшенного на палубу волей житейских вод;
 Кто бы не звал такого на помощь – помощь отыщется,
 Хоть все Армады мира будут против него!

Тот, к кому приползаешь разбитый, усталый, раненый,
 Чтобы опять, воскреснув, плыть навстречу заре;
 Тот, кто – лишь попроси – назовет тебе звезды на небе
 И расскажет предания ста двадцати морей.

И для любых свершений в сердце достанет дерзости,
 И, как скала, - справедливость среди кипения вод...
 Может, на трех китах, действительно, мир и держится;
 Ну, если так, выходит – мы видели одного.

Наша везде пропадала. И где бы она ни пропала бы,
 В старой знакомой луже или в краях чужих,
 Дай нам Господь капитанов, что не покинут палубу,
 И... сохрани нас Бог однажды их пережить.

Так вот оно бывает. Шторм снастей не выламывал,
 Ветер из парусины мокрых не рвал полос...
 Сердце – то, что вмещало всех утопавших на море,
 Что, по словам врача, на кусочки разорвалось.

Но направляя судно в житейскую несусветицу,
 Правя к пиратским отмелям или к иным местам,
 Я почему-то знаю, что мы когда-нибудь встретимся.
 Ваш караван в дороге. Ждите, мой Капитан!

2007

АПОКРИФЫ

Виса для Эллисив

...А дева русская Гаральда презирает.
К.Батюшков

Грома клокотали, как битвенный лязг,
И волны из туч языками лакали,
Когда мы летели на старом драккаре,
Как сельди в бочонке, в морях просолясь.

Наш конь до Вальгаллы едва не долез,
Вздымаясь над пенным кипением кружев!
*...И все-таки Герд золотых колец
Делает вид, что я ей не нужен.*

Все небо клубилось, как жертвенный дым,
И Норны свой клич над холмами катили,
Когда мы со стаей моих побратимов
Тараном врубались во вражьи ряды,

И вражеских копий сверкающий лес
Пускали на ветер, как пригоршню стружек...
*...И все-таки Герд золотых колец
Делает вид, что я ей не нужен.*

Я брал города над уступами скал
И земли, которым не знаю названья;
Я шел и холмами горящих развалин,
И льдами морей, и морями песка.

Ни злата, ни крови не мерил на вес,
Огнями испытан и выдублен стужей...
*... Но делает вид, что я ей не нужен,
Русская Герд золотых колец.*

Волнами взлелеян и бурей рожден
Для ратного братства, для грозного боя.
Лишь звезды водили меня за собою,
Лишь ветер бывал надо мною вождем.

И ворон, Вальгаллы бессмертный жилец,
Моею судьбою не правит, а служит...
*...И все-таки Герд золотых колец
Делает вид, что я ей не нужен.*

Не долгая жизнь, а соленый прибой
Мне в бороду вплел серебристые нити –
Я вождь, я бродяга, я скальд, я воитель –
Таким я рожден и стою пред тобой.

И в дар я принес не бесплодную лесть,
 А все, что в бою добывают оружием!
...И все-таки Герд золотых колец
Делает вид, что я ей не нужен.

Затем ли дошел я до края земель?
 Весь мир перевернут. Весь путь перечеркнут.
 Терплю поражение от вздорной девчонки,
 Не знающей, что у нее на уме!

Так да или нет? Говори наконец!
 А сердце все шире, а горло все уже...
...Но делает вид, что я ей не нужен,
Русская Герд золотых колец.

2007

Рахиль

Оскорбленный Иаков на тестя орал: «На кой мне
 Твои боги? Их сделал горшечник! Они из глины!»
 А Рахиль улыбалась насмешливо и спокойно,
 Восседавая царицей на ложе своем невинном.

С затаенной отвагой гордилась каждым мгновеньем,
 Упивалась сознанием, что так провела обоих...
 А Лаван в исступленья на зятя ревел: «Не верю!»
 И раздор о покраже катился к спорам о Боге.

А Рахиль не вставала, Рахиль спокойно сидела
 И блестела насмешка в глазах, подведенных синим...
 Ибо в доводы мести мужей посвящать – не дело,
 А отцы в справедливости смыслят, как в апельсине.

Ибо час ее мести был свеж, как благостный ливень,
 И опасность была ей легка, и обман несложен...
 Ибо прежде отец не спросил ни ее, ни Лию,
 Жениху подменяя награду на брачном ложе.

Но и Лии она, свою тайну оберегая,
 Не сказала ни слова, прокрадываясь в молельню.
 Ничего не поправишь – отец их сделал врагами
 На беду сыновьям, на проклятье ста поколений.

Проживем без наперсников! Темень – хоть искупайся;
 Может статься, сообщник бы струсил на полдороге...
 У нее у одной не дрожали смуглые пальцы,
 У нее у одной не скользили легкие ноги,

Для нее для единственной – нет незнакомой щели
 В потаенном подвале среди кладовых и житниц...

Это час ее славы, дорога женского мщенья,
И она не отступится. Так что лучше держитесь,

Господин и отец мой, супруг мой и повелитель!
Поругаетесь вволю – вам есть о чем побалакать!
А Рахиль не промолвит ни слова – хоть заколите –
В час, когда Вафуилов сын пойдет по палаткам.

Полетят и посуда, и тряпки – будет красиво!
И наполнится воздух бурленьем брани и плевел...
А Рахиль не привстанет – едва ли сдвинете силой! –
На себя горделиво приняв свое преступленье.

Потому что наш жребий суров, а жены терпимы,
И кротки, и покорны мужьям, отцам и закону...
Но почти что у каждой отцовские терафимы
Греют душу и плоть под верблюжьей старой попоной.

2007

Медея

1

Время, что в скитаньях несло потоками,
Засочилось каплями в этот час.
(У Медеи пальцы такие тонкие,
Кажется, дотронься – и зазвучат...)

Словно кладенец, облеченный ножнами,
Молчалив и скрытен отец-старик.
(У Медеи волосы так уложены –
Раковина в море не повторит...)

Если через год отвечать потребуют,
С нетерпеньем в сердце, с огнем в крови:
Были вы в гостях у Ээта? – Не были, -
Скажешь ты, душою не покривив.

Не носил вас по морю ветер-труженик,
Белый вал не взметывал на лету...
(У Медеи пальцы – как будто кружево
В воздухе безмолвствующем плетут.)

Что руно – овечье ли, золотое ли –
Перед сетью воронова крыла?
Это значит, жизнь ничего не стоила,
Или даже попросту не была.

Так по приключениям и пропала бы,
Ничего на память не улучив...
У Медеи профиль такой опаловый,

Что насквозь просвечивают лучи.

И стоят с тобою толпой апостолов
Первые бродяги твоих земель –
Все-то им не по сердцу, все не попросту,
Даже подступиться поди сумей.

Кто ты перед нею? Дикарь без племени,
Даже слов не имущий – объяснить...
И стоишь, как каменный, как приклеенный
Пред стеной молчания – и ресниц.

Словно наклонясь над своими зельями,
Призраком колышется и течет
Красота невнятная, чужеземная,
Странно раздражающая зрачок.

Море между вас – или просто тридевять
Поколений крови, как соль, густых? –
Как же ты готов уже ненавидеть их,
Эти искусительные персты...

2

Хуже поединка, страшной экзамена,
Вчуже не представить твое смятение:
«Увези меня, чужеземец, за море», -
Из надменных уст – как веслом по темени.

Поглядеть на собственный ворот латаный
Или на затейливые виски ее...
Уж не издевается ли, проклятая?
Только что ведь глаз на тебя не вскинула!

И какой ты ей, недотроге, суженый,
Чтоб тебя допрашивать: «Украдешь меня?»
Ай, не по карману тебе жемчужина!
Быть того не может, чтоб так задешево.

И перед дружиной в холстах некрашенных,
Перед далью пройденной, кровью пролитой:
«А не побоишься ли?» - смеет спрашивать;
Это у Ясона-то, у героя-то!

А она, зрачком чародейным, дышащим
На единый миг опалив лицо тебе:
Удержать кормило, мол, - полбеда еще;
Слово удержать – потруднее всотеро!

А она, ресницы длиннее невода
Пологом склонив над очами-чашами:
Мол, мечом владеть – не большая невидаль;

Властвовать собою – судьба редчайшая!

Тысячи ли царств – или горы вешние
 Между небесами ее – и вашими?
 Да какое право у этой бешеной
 Спрашивать такое... Такое спрашивать...

Да бери в свидетели хоть Ахайю всю –
 Ни один не скажет, что славой сыты вы!
 Ладно, увезешь. Пусть потом не кается.
 Будет знать, надменная, как испытывать.

Годы миновали, как ночи зимние,
 А перед глазами стоят глаза ее.
 До сих пор мерещится: «Увези меня.
 Увези меня, чужеземец, за море...»
 2006

Книга Царств

1

Не загадывай на сто лет:
 Я – колена Вениаминова.
 Та стрела, что меня не минула,
 Зелена еще на стволе.

Та лесина еще пряма,
 Но прямее нее – спина моя.
 Голова, надо всеми – на голову,
 Все притягивает грома.

Все притягивает грехи,
 Все проклятия переманивает...
 Ах, красавица и карманница,
 Прародительница Рахиль,

Жизнь отдавшая на траве
 Близ подножия каменистого, -
 Как же сердце твое неистовое
 Закипает у сыновей!

Наших жил огневой налив –
 Виноград, на корню отравленный;
 И не дело потомству праведных –
 К сыну смерти благоволить.

Так не жди ж у моей двери –
 Не подвертывайся беде моей!
 Говорят, чем прямее дерево,
 Тем отчаяннее горит.

Ни игрой, ни делами рук
Ты у рока меня не выманил:
Для колена Вениаминова
Не бывает не на миру

Смерти. Вскормленники меча,
В разный срок умрем одинаково –
После-смертная месть Иакова
За праматери смертный час.

Но надменнейшие из Тех
Приподнимут верхи у двери нам
За святое высокомерие
Наших помыслов и страстей,

И за то, что не было жаль
Для других ни вина, ни крови нам;
И за то, что домов не строили –
По завалинкам возлежать;

И за то, что бремени царств
Не сдержали – да не осудят же!
И за то, что не знали удержу
Наши бешеные сердца.

И за то, что звенит в ушах
Вековое и нерушимое:
«Паче трона, паче души моей...»
(Что мне трон и что мне душа?)...

Не лови же мои слова,
Не смотри на меня в безмолвии:
Я же знаю – притянет молнию
Вознесенная голова.

Та стрела не оперена,
То копьё еще зреет в ясене,
Но колками перепоясана
Перетянутая струна;

Не обучены убивать,
Дремлют будущие враги мои, -
Но уже прозвенела гибелью
Струн безумная тетива.

Не напраслину и не ложь
Патриарх напророчил, вдовствуя:
Мы в любви выгораем до смерти –
Даже пепла не соберешь!

Не заглядывайся на дно –
Все равно голова закружится.

Ради страсти такого дружества
Не достанет тебе одной

Жизни. Выточена игла,
И лица не закроешь латами...
Чтобы ввек она не нашла тебя,
Чтоб во сне не подстерегла,

Чтоб не тронул твоей груди
Час колена Вениаминова –
Не ходи за мной. Не зови меня.
Не ходи за мной. Не ходи...

2

Раз-делили
Боги лихие:
Ты – от Лии,
Я – от Рахили.

На две доли,
Так – полосой:
Век твой долгий,
Мой – с волосок.

Две отравы
В темных глубинах:
Ты – от правой,
Я – от любимой.

На две части
Сердце разняв:
Ты – для счастья,
Я – для огня.

Срок считаться
Есть на базаре:
Ты – для царства,
Я – для сказанья;

Но приют мне –
Мир по края:
Ты здесь – лютня,
Музыка – я.

2003

ПОЭМЫ

МЕЛХОЛА

Горы Гелвуйские! Да не падет ни роса, ни дождь на вас,
да не будет на вас полей с плодами, ибо тут повержен щит сильных, щит Саула...

1 (Сестра)

- Для кого венки сплетала,
Дева с черной челкой?
- Для главы Ионатана,
Светлогривой, шелковой.

- Для кого на стан квадратный
Натянула нити?
- Для возлюбленного брата,
Смелого воителя.

- Отчего ж лицо в жасмины
Прячешь, отвечая?
- Отойди отсюда с миром,
Что тебе печаль моя?

Что за рать в дали высокохолмной?
Чья рука все окна распахнула?
И в очах двоится у Мелхолы,
Темнобровой дочери Саула.

Там, клубы с дороги поднимая,
Во главе усталых ополчений
Две звезды восходят над холмами
В час вечерний.

Светлая – как сон невозвратимый,
Темная – как пламя и как ветер...
Кто из вас прекрасней, побратимы,
Кто ответит?

Сладкие, как мед, на поле мирном,
Грозные, как пламя, в бранном деле:
Сын царя, краса Вениамина,
И пастух, надежда Иудеи.

И ничто еще не совершилось,
Вечность бестелесна и бескостна...
Две звезды – удача и решимость –
Об руку спускаются с откоса.

И ничто уже неодолимо,
Словно гаснет краткий сон походный...
Две души спускаются в долину,
Замирает сердце у Мелхолы.

Ах, понапрасну глаза твои – голуби –
Нежат меня: не горюй! Не горюй!
Брат мой... Ты выше на целую голову,
Чем – ты же знаешь, о ком говорю.

Ах, понапрасну рука твоя – война
Длань – отирает девичью слезу...
Ты не поможешь! Струною раздвоено
Сердце на бездны вверху и внизу.

Как я люблю твою львиную гривищу,
Кудри твои – золотистого льна...
Если же снятся мне – ах, не смотри еще
Ты с укоризной – моя ли вина,

Что мне приносит на волнах видения,
Волнах агатовой тьмы смоляной...
Брат мой! Виденья – владения девичьи,
Не существующие под луной!

Нежно – нежнее любой соночлежницы –
В очи целую. Тебе не понять,
Брат мой, какое безумие нежности
Обуревают сегодня меня.

Как оно сладко и как тяжело оно –
Счастье, губами считая стежки,
С братней груди потихоньку целовывать
Прикосновение смуглой щеки!

Ах, не брани и не смейся, что кружится
Все – в голове и в запавших глазах...
Брат, одолжи мне немножечко мужества
Ради того, что придется сказать.

Ради того, чтобы кровью хлеставшая
Речь – замерла в виноградной листве...
В жены отец отдает ему старшую –
Я опоздала явиться на свет.

Если бы мне с ним вовеки не видеться,
Я бы не знала, как кровь солона!
Брат мой! Безумие нашей провинности
Крепче родства опоясало нас.

Оба мы знаем про царскую ласковость,
Оба мы жертвы отравленных стрел...

Брат! Я же знаю – Мерова предаст его.
Брат, помоги одержимой сестре!

Не вспоминай этот час, что тебе дарован
Между заходом звезды и ее восходом:
Два драгоценные камня – глаза Меровы;
Два затуманенных утра – глаза Мелхолы.

Не расплескай этой чаши. Тебе впервые
Боязно пить – и стоишь, угадать не смея:
Царь и соперник высок и жестоковыен,
Милость его сокрушительна, как затмение...

В этот ли день, или в час рождества второго
В сердце впились аметисты ее заколок?
Две отшлифованных грани – глаза Меровы;
Две перепуганных птицы – глаза Мелхолы.

Не принимай этой ласки! Тебе два года
Крови в вино подливал роковой наперсник!
И мимо слуха скользит побратимов голос,
Не заглушая в ушах зазвеневшей песни:

«Сад мой жасминовый полон шмелиным гулом;
Жди, мой возлюбленный! Сокол, к тебе я выйду!»
Ах, не сошла еще в море звезда Саула!
Не занялась на востоке звезда Давида...

В час предгрозовой и нелюдимый
Кто войдет, царя не опасаясь?
Роковым недугом изнуренный,
Царь ничьей не жалуется беседе!
Кто шепнул отцу и господину:
«Старшая – красивее красавиц;
Перед разряженной зарею
Младшая – что жаворонок серый».

Царские колени! Кто обнять их
Смеет, не изыскивая часа?
Кто не повинуется гордыне
Брови, еле движимой доселе?
«Старший зять – как младшие из братьев.
Разрешите мне с ним не разлучаться!
Кто же упрекнет тебя отныне,
Если во дворце его поселишь?»

О Саул мой! Где твоя высокость?
 До земли согбен уже и сорван!
 Что пробудит голос твой суровый,
 Юности призывы заглушая?
 Из какого мутного истока
 Вырвется под зыбкостью дворцовой:
 «Я не обещал ему Меровы.
 Пусть за пастуха идет меньшая!»

- Ах, сестра, сестра! Комочек ты мой кровавый,
 Исцелят ли твое сердечко мои слова?
 Ты сегодня в последний раз меня целовала –
 Завтра будешь в губы любимого целовать.

- Брат мой, брат мой, только одна последняя милость –
 Пощади молчаньем краткость летней зари...
 Оттого, что в груди бы сердце остановилось,
 Если б ты еще только слово проговорил.

В пурпуре винном,
 В смуглых объятьях,
 Слава Давиду,
 Царскому зятю!

Радуйся, старость
 В стане отцовском! –
 Кудри металлом
 Блещут на солнце.

Радуйся, младость!
 Славой упейся!
 Взор его сладок,
 Слаще, чем песня.

Сотни попрал он
 Смуглой пятою.
 Есть ли оправа
 Перстня достойней?

В доблести львиной
 Перед толпою –
 Слава Давиду,
 Царской опоре!

Сказано сильным,
 Сказано гневным:

Сто филистимлян –
Вено царевны.

Воля отважных
Повсюду достигнет!
Умерло дважды
По сто филистимлян!

Без опасенья
На поле выйду!
Пляской весенней
Славьте Давида!

С веном кровавым,
С чашей медовой,
Честь он и слава
Царскому дому!

Было время – день рождался белым,
Ведал на закате, что содеял...
Кто же вздумал царские победы
Уравнять с отрядом иудеян?

Было время – год стремился к лету,
Плуг пахал и женщины рождали...
Кто же ход простого мирозданья
Вдруг перевернул одним куплетом?

По степям, по дальним караулам
Потекло, меж городами тычась:
«Тысячи повержены Саулом;
Победил Давид десятки тысяч».

И сказал Саул:
- Во сне я смерть мою видел.
Широки у нее глаза и взор ее светел.
Ее кудри темны, как туча; трепал их ветер
По багряной моей хламиде. –
И сказал Саул:
- Я сегодня смерть мою видел.

У него за спиной не дрогнул тяжелый полог...

И сказал Саул: - Как серебряные спирали,
Мои царские кольца легли перед ним на блюде. –
И добавил в молчанье: - А пальцы перебирали

Струны лютни. –

И вздох оборвался у каждой груди.

И сказал:

- Виноградник мой станет пустынным полем,
Я увидел тот ветер, что прах сыновей рассеет!

И сказал:

- Мне не будет мира, доколе
Жив на свете сын Иессея.

И опять за спиною не дрогнул сумрачный полог,
И склонились в глубоком поклоне царские стражи,
И услышали слово: до первой утренней пряжи
Пусть вдовою станет Мелхола!

И клонился к закату, рассеян и безучастен
Краткий день. И уже восходила луна с откоса...
А Мелхола беззвучно зубами впила в запястья,
А Мелхола рыдающим ртом закусила косы.

Уходи! Кровавой тебе невестой
Дочь царя была на миру.
Если ты уйдешь, я умру, и если
Не уйдешь – я умру.

Уходи! Так души, порвав с телами,
Замирают – словно с чужим!
Уходи. Как стрелу, тебя отсылаю
С тетивы из собственных жил.

Уходи! Так губы хрипят в оскале
До конца, себе вопреки, -
Уходи. Как песок, тебя упускаю
Между пальцев мертвой руки.

Уходи! – Это гром, поразивший с неба,
Это соли моей столбы.
Уходи. Это значит, что ты здесь не был,
Что забыл.

Уходи! – Это пламя в зеленой кроне,
Это рухнувшая скала.
Уходи. Я солгу. Он меня не тронет.
(Я сейчас уже солгала).

Уходи! – Это сердце чугуном билом
Смерть отсчитывает в висках –
Уходи, уходи, уходи, любимый!
Это – скальп

По живому сдирают! О, если б знали
 Уходящие в ранний час...
 Уходи. Вся вина за твое изгнание
 На покатых моих плечах.

Уходи! – Да ведь это же значит – душу
 Взять и выдохнуть из груди!
 Это – смерть, понимаешь ли ты? Не слушай!
 Уходи!

И воскресли дважды сто филистимлян,
 И смотрели, как на ветру
 В эту ночь из окна я тебя спустила
 По канату собственных рук.

- Как посмела, дитя, против отчей воли?
 - Чтобы сметь, надо быть живою.
 - Он грозил тебе смертью? - Угроза разве –
 Вынуть меч и вонзить под ребра?
 Угрожают ли умершим? - В час недобрый
 Родилась ты. Кто тебя сглазил?
 Как могла ты солгать мне, сосуд скудельный?
 Сам не знаю, убить ли, нет ли...
 Жилки шеи под пальцами холодеют,
 Как серебряные монетки...

- Только шаг между мной и смертью!

Для чего он души моей ищет?
 Разорву свое платье, пойду от порога нищим,
 Пропитала полынь мои свадебные одежды...
 Для чего он меня здесь держит?
 Словно вор, я бежал от руки его на рассвете...

Только шаг между мной и смертью!

- Нет, не умрешь ты!
 Замела мне пустыня глаза, как сухою крошкой,
 Затянула душу трясиной...
 В сердце – отравы...
 Голова разве держит секреты от длани правой?
 Разве царь мой, скажи, имеет тайны от сына?
 Что ни час моей жизни – то помысел о Давиде...

- Твой отец меня ненавидит!

Что я сделал? Расскажут камни,
 Как бежал из окна по узлам разорванной ткани,
 Как по улицам ночи размыкал свое бездолье...
 Стану ветром, стану водою –
 Пусть шакалы и бури мой прах по пустыне вертят...

Только шаг между мной и смертью!

- Жив Господь и жива душа в моем теле! Того не будет.
 Разве есть преграда, скажи, меж щитом и грудью?
 Между голосом и душою?
 Говорю, не затеет ни малое, ни большое
 Без меня. Говорю, что скорее в могилу кану!
 Испытай мое сердце камнем – скажут и камни:
 Эта крепость сильнее клинка и железа тверже...

- Для чего он меня здесь держит?

Стали руки – петлею, стал сетью – свадебный полог...
 Для чего мне отдал Мелхолу?
 Я не помню, как пахли в ночи душистые косы!
 Мой черный посох
 Не чернее тоски, что не знает даже отметин...

Только шаг между мной и смертью!

- Брат, успокойся...
 - Я не помню, как пахли в ночи душистые косы...
 - Брат мой, ответь мне...
 - Словно вор, я бежал от руки его на рассвете...

Только шаг между мной и смертью!

Утопи мою душу в пламени –
 Плоть и кровь моя предала меня!

Если бы даже хотел не заметить сразу –
 Выдал бы шепот среди родового стана:
 В первый же день на пиру оставалось праздным
 Место по правую руку Ионатана.

Праздное место. Покорные очи долу.
 Праздное место. Буруны в очах двоятся.
 Целые сутки молчал он. Молчал так долго,
 Что у гостей на устах замирали яства.

Целые сутки жестокости царской выи
 Не было дела, что дом в ожиданье замер.

Целые сутки, как будто глядел впервые,
Ионатана Саул пожирал глазами.

Целые сутки. Предательство длится доле,
Но поражается так, роковым ударом...
Целые сутки молчал. Со своею болью
Воля царя на вторые не совладала.

Голос раздался внезапно, едва расселись,
Одновременно с ответом достиг настила.
Голос Саула: «А где же сын Иессеев?»
Голос в ответ: «В Вифлеем его отпустил я».

Утопи мою душу в пламени –
Плоть и кровь моя предала меня!

Посох в длани моей обернулся терном,
Все поля расцвели цикутой –
Ты ли хочешь словами меня опутать,
Сын негодный и непокорный?

Я ль не знаю тебя? Берегись расплаты!
Я ль не знаю, кого ты братом
Называешь – на срам тебя породившей,
Мне и братьям твоим в насмешку?
Отчего мне в глаза до сих пор глядишь ты?
Или думаешь – станет мешкать

Истребить наше семя с лица земного?
Или думаешь в царстве новом
Быть слугою слуги и рабом холопа?
Или думаешь... -

Чашу об пол.

Вспрянул. Кулаки от гнева белы.
Тишина зависла ледяная.
Позвучало тихо: - Что он сделал?
В чем вина его?

И в ответ – как молния, как выстрел –
Воздух рассечен коротким свистом.

- Ах! – и тишина. И жилы стынют.
Словно в тишине еще поет
В ярости, что стену вместо сына
Пригвоздило – царское копьё.

А наутро расступились воды,
Пал на мирозданье тяжкий холод...

А наутро царь другому отдал
Младшее дитя свое, Мелхолу.

Отдал. Головы не наклонила,
Как спала, не двинула руками...
Словно полонянки в дельте Нила,
Нагружая на голову камень,

Под любую ношею прямая,
Траурной фаты своей льнянее,
Словно ничего не понимая,
Словно не о ней и не за нею,

Не спросив, за что или доколе,
Как рабыня, за руку ведома,
Царские покинула покои,
И в тени неведомого дома

Узкие следы ее простыли –
Растворилась, канула, погибла...
Только на краю своей могилы
Оглянулась в сторону пустыни.

Вот и смерть. Ледяной кристаллик
Чуть левее, чем посреди.
В чьих объятьях тебя застанет
Это утро, мой господин?

Словно птицу с кровавой грудью
Из сознания истребя –
В чьих объятьях меня забудешь,
Все забывшую для тебя?

Так судьба твоя алчный нож свой
Остудила в моей крови...
Даже если за мной вернешься –
У порога остановись.

Не входи. Навестив могилу,
Разве смотрят, что в глубине?
Ради той, что тебя любила.
Этой девочки больше нет.

Здесь могила. Намного боле,
Чем пустыня и чем река.
Ты не кликнул ее с собою
И не выкрал из-под замка.

Сколько раз на крышу ходила,

Что высматривала? – Вотще...
 Я могла тебе быть – единой.
 Первой быть – небольшая честь.

2 (Брат)

Есть в груди у царя Саула тайная рана,
 Есть покой у Саула, в который никто не вникнет...
 Говорят, высоки и стройны кедры Ливана –
 Тот, кто это сказал, тот должно быть, тебя не видел.

Есть в груди у Саула-отца роковая язва
 От очей, что в тоске неотрывно глядят на север...
 Оттого, что в глаза ты ему не взглянул ни разу
 С той поры, как ушел отсюда сын Иессеев.

Оттого, что мои день за днем багровей и мгlistей,
 А твои все яснее вдали прозирают что-то...
 Двадцать лет, мне отмеренных, канули словно листья,
 И за месяцем месяц не видно конца охоты.

Двадцать лет миновало, и год роковой двадцатый
 Пропитала змеиная горечь в груди под платьем...
 Насмеялись пророки – Саул не утратил царство;
 Душу сына Саул утратил!

Ради этой гноящейся раны незарастимой
 Помоги мне, Единый, которого чтит Израиль!
 Рассуди меня: сын Иессея меня ограбил,
 Все, что я имел, он унес с собой в Филистию!

Прокляни его, Господи! Да не вкусит покоя
 Ни в пустынных горах, ни в шатрах родной Иудеи,
 И за то, что сегодня содеял со мной такое,
 Да познает воочию, что он со мной содеял!

Но безжалостен слух Твой, пророки Твои солгали,
 И одни только скалы внимают царскому горю.
 И за месяцем месяц за ним я хожу кругами,
 И за месяцем месяц не видно конца погоне.

И за месяцем месяц, закидывая свой невод,
 Все мерещится лютня, звеня под шатровой крышей...
 Не щади его, Боже Израиля, Боже Гнева! –
 Но не слышишь, не слышишь, не слышишь, не хочешь слышать...

И за месяцем месяц все дальше в чужую землю
 Увлекает обоих невидимая трясина;
 И за вечером вечер, все этой же песне внемля,

Разрывается сердце сына.

И за месяцем месяц ты гибели ждешь – копья ли
Из отцовской руки? Стрелы ли в братнем колчане?
За луною луна тебе голос, от боли пьяный,
Все нашептывает ночами:

- Я тебя убивал за глядящие в землю очи,
А поднимешь – и снова теряются в дольней сини;
И за то, что – наследник – венца моего не хочешь;
И за то, что на это вся ярость моя бессильна;

И за то, что другие три сына со мною схожи,
Только ты среди них – как олень в овечьей отаре...
И за песню, что смуглый беглец с оливковой кожей
Пропоет об Ионатане.

- «Авенир!» - не сон на рассвете,
Не рога, не горн боевой;
- «Авенир!» - возглашает ветер
Имя верного твоего.

- «Авенир!» - Бог знает откуда
Издевается и звенит:
- «Авенир! Отчего так худо
Бережешь царя, Авенир?»

Высоко – не уметит лучник –
Через пропасть, с чашей в горсти:
- «Авенир! Я стерег бы лучше –
К изголовью не подпустил!»

- «Авенир!» - над каменной чашей,
Оглашая весь перевал:
- «Ты меня не застиг бы спящим,
А и спящим – не миновал!

Господине мой! Для меня лишь
Твой обычай пуще беды,
Что вернейших слуг изгоняешь,
Оставляя себе худых?

Господине! Прощай, будь ласков!»...
...Кто там ни был – те говорят:
На щеках Авенира – краска;
И ручьи – по щекам царя.

Правды ли глас грозовой, невыдуманный?
 Сон ли в крови бредовой?
 С миром оставив пути Давидовы,
 На полдороге к дому,

Утром, на всхолмии между чашами
 Поля, в льняном тумане
 Остановились, увидев мчащего
 Вестника меж холмами.

Встали. Сердца под броней ухают,
 Словно в костре поленья.
 И, добежавши, единым духом тот,
 Падая на колени,

Смерти бледнее, под солнцем утренним –
 Бледность ночи бессонной:
 - Царь мой! Филистимляне идут на тебя! –
 Словно Самсону.

Глянули. Дрогнули. Брони, кожами
 Крытые – разом сверкнули медью.
 Дрогнули, рыкнули – лев встревоженный!
 Только в последнем

Горько, покамест змеиным туловом –
 Войско в пыли клубами, -
 Сердце, смятеннее, чем Саулово,
 Грянуло, барабаня...

Конь или крылья сегодня меня домчали?
 Сон или буря уносят меня обратно?
 Сердце мое я принес тебе на прощанье,
 Боль моя, брат мой.

Если бы я за тобою – один из многих –
 Шел бы сегодня в изгнанье с земли постылой –
 Славой своей я устлал бы тебе дороги,
 Дланью своей мостил их.

Если теперь, провожая тебя в скитанья,
 Я не на час, а навеки с тобой прощаюсь, -
 Каждый из вздохов моих – да попутным станет
 Ветром тебе в печали.

Сила моя да смягчит чужеземный щебень,
 Грудь да укроет от раны в горниле боя,

Руки мои – да мостами через ущелья
Лягут перед тобою!

Если же стихнет дыханье мое, и если –
(Знаю, что так!) – не успею тебя увидеть –
Мертвые губы да станут живою песней:
Песнею о Давиде.

И да предстанет белей полотна и мела
Вся твоя жизнь – как любовь в моем сердце вещем!
Быть себе верным, как быть бы тебе сумел я,
Сможешь ли, человеке?

Если когда-нибудь грудь защемит тоскою,
Будешь ли знать, что из плена прошусь на волю?
Я – твоя юность, души твоей первый сколок,
Сердце твое живое.

Не вспоминай моих глаз. Не удержит память.
Не призывай мою тень – не предстану свыше!
Солнцем нагретого камня коснись руками –
В камне меня услышишь.

Пусть над моей головой шевелятся травы,
Пусть седина в голове твоей – белой ниткой;
Ты оглянись – за плечом твоим буду правым,
Ветром к щеке приникну.

Эхом откликнусь на зов боевого рога,
Зовом души моей – в каждом твоём солдате!
Сердце мое я принес для тебя в дорогу,
Нечего больше дать мне.

И да пребудет в тебе между ста путями
Это прощанье на гриве лесного спуска!
Сердце мое ты уносишь в ладони узкой,
Юный израильтянин.

В эти ладони падучей звездой сверкнула
Вся моя жизнь. За тебя из могилы встану.
Ты, что уносишь единственный щит Саула –
Сердце Ионатана.

В этот час у порога лицом к Востоку
Встал прохожий. Подглазий его пустоты
На лице казались чужими.
И спросила женщина: кто ты?
И сказал он: поворожи мне.

И сказала: не смею. Тогда поклялся,
 Что не выдаст. И тень его в странном плясе
 Все движенья ее ловила.
 И спросила: кого заклясть мне?
 И ответил он: Самуила.

И склонилась покорно над ворожбою...
 Но внезапно ударом боли
 Просветлели зрачки, и забились, сидя.
 И вскричала: Саул! – и сказал: не бойся.
 Что ты видишь?

И пришедший ответил ее устами:
 Кто тревожит мою усталость?
 Кто бы ни был, погрязший в мирской трясине,
 Отвечай, для чего насильно
 Отверзаешь землей сокрытые очи?
 И сказал Саул: тяжело мне очень...

Сорвана завеса, что таила
 Смерть мою – и схлынула вода.
 Предо мной проклятье Самуила
 Распахнуло двери в никуда.

Нет пути. В песок упало семя.
 Завтра, от бессонья побелев,
 Встречу без надежды на спасенье
 Свой рассвет – последний на земле.

Ни к чему ни молния, ни ливень,
 Ни полки.
 Дуб, который беды не свалили,
 От толчка невидимой руки

Пошатнулся, у корней надпилен,
 В грозовой и страшной духоте...
 Бог отринул, люди отступили,
 Что со мной осталось?
 - Я, отец.

Завтра. Нынче. Блики на востоке,
 Птичья тишина и шорох веток...
 Может статься, самым-самым стойким
 Не дано подобного рассвета.

Завтра. Нынче. Звезды чуть мерцают.

Серый сумрак кажется алее...
 Беспокойным сном забылся царь мой
 На моих коленях.

Спи. Ионатан сумеет встретить
 Все – и даже завтрашнее утро.
 Я один на страже. Я на свете
 Может быть, один сию минуту.

Самый непокорный твой осколок
 Молча стережет твою усталость...
 Спи, отец. Рассвет еще нескоро.
 Полчаса осталось.

Я один. Земли сухая кожа
 Да луны двойное ожерелье.
 Не о чем жалеть, и думать тоже.
 Я и не жалею.

Что немногосчетны были годы,
 Что рассвет, как вор, крадется следом...
 Кто и как – а я немного меда
 В этой жизни все-таки отведал:

Доблести дыхание и чудо
 Верности в земном ее пределе...
 Сердце не изведает остуды.
 Волосы уже не поседеют.

Но и на исходе этой ночи,
 Но и одному на страже мира,
 Нет пути прямее и короче,
 Чем у сыновей Вениамина!

На поле с тобой или на площадь,
 Или в смрад холерного сарая –
 Нет пути печальнее и проще
 Тех, что мы с тобой не выбирали,

Где, по воле ветреной планиды
 Завещаю, прежде чем прощаться:
 Жизнь моя – Саулу, а Давиду –
 Золото волос моих на счастье.

Алый – над волнами гор – корабль.
 - Солнце, отец. Пора.

Слушайте, слушайте голос Бога!
 Это случилось в горах Гильбоа.

Струны! Золотые нити песенные!
 Снов порабощенные края...
 О Саул! Саул! Отрада сердца моего!
 О Израиль, молодость твоя!

Расправляя плечи встреч неведомому,
 Ярость – как прорвавшийся нарыв;
 О Саул! Саул! От плеч – над преданными –
 Над врагами – над хребтом горы –

Выше! Наверху! Лови глазами его!
 Тыном – за спиною сыновья...
 О Саул! От плеч – над предсказаниями
 Удаль безоглядная твоя!

О Саул! Рука, до крови стиснутая!
 Смертное пожатие клинка...
 Слушайте! Отваге сына Кисова
 Равных – за года или века –

Двадцать – миновавшие без вымысла –
 Кольца на подрубленном стволе! –
 Равных, говорю – досель не выросло
 На земле двенадцати колен.

Словно в бурю небеса расчистились,
 Словно диво, что еще стоишь:
 Меж рядов по-прежнему бесчисленных
 Вражеских, редующих своих

Ты не снизойдешь ни к жизни отнятой,
 Ни к врагу, ни к милости небес...
 О Саул мой! Кроме самого тебя,
 Не было противника тебе!

О Саул, самим собой осиленный,
 Равного и в смерти не сыскав...
 Так косил бы гром. Косцы косили бы
 И не пропустили колоска.

Зрячие! Смотрите на победу его!
 День и час в свидетели зову:
 Смерть и поражение заведомое
 Как победу, празднует Саул!

И пока не онемееет кисть моя,

Голоса гортань не лишена,
 Слушайте: отваге сына Кисова...
 ...Вспышка света. Темень. Тишина.

Слушайте, слушайте голос Бога!
 Э т о с л у ч и л о с ь в г о р а х Г и л ь б о а.
 Слушайте голос земной пучины:
 Э т о с л у ч и л о с ь.

Слушайте стон, что горами сдавлен,
 Эхо, что камнем стало:
 - Мелхисуа мой... Аминадав мой... Сердце, Ионатан мой...
 - Здесь они, царь, на горе Гелвуйской –
 Больше не отзовутся.

Слышите отзвук последней речи?
 - Где Авенир? – Далече.
 - Что же гнездо мое, ратный мир мой –
 Войско Вениамина?
 - Алым окрасили луговую
 Ткань на горе, на горе Гелвуйе!
 ...Вздых, покачнувший земное ложе:
 - Дай мне мой меч. Поможешь?

(Стон, что уже у тебя исторгся!
 Рок, что уже над тобой занесся!
 Если откажут в единоборстве –
 Да не откажут в оруженосце!
 В час пораженья, у двери гроба –
 В оруженосце, чья длань не дрогнет!)

...И, рукоять уперев о камень,
 Тяжко, двумя руками,
 Стиснул в объятьях клинок двуострый,
 Ребрами приникая...
 Вы, отыскавшие смерть по росту,
 Пойте о великане!

Слушайте, слушайте голос Бога:
 Э т о с л у ч и л о с ь в г о р а х Г и л ь б о а.

Горы и воды, земля и камень!
 Слушайте вой шакалий,
 Ввысь уносящийся в полнолунье,
 Птицей спадая наземь:
 - О, не рассказывайте в Аскалуне,
 Не сообщайте им, в Аскалуне,

Не говорите в Газе!

Правнукам тех, кто рожден на Крите –
Не говорите!

Слышите голос, пробитый болью,
Голос с пронзенным горлом?
Слышите голос, пронзенный...
- Горы!
Горы Гильбоа!

(Болью утробной, грудной, подвздошной...)
- Да не падет ни роса, ни дождь на
Вас! Да не будет полей с плодами!
Да не цветете! Да не...

П о з д н о. Покрыты кровавым сбором
Склоны в горах Гильбоа.

Узнаешь ли, Саул, чей могильный саван
Из небесного свода ветрами сшит,
Узнаешь ли струну, что тебя спасала
От огня самовольной твоей души?

Через горы и пропасти смертной грани,
Из далекой земли тебя услышав,
Не в последний ли раз для тебя играет
Младший сын бет-лехемского пастуха?

Эти струны, что бурю в тебе раздули,
Этот голос, что снился каждую ночь...
Но уже отпылало твое безумье
И веки очнуться не суждено.

И звучит на изломе тоски и жеста,
Соловьиным рыданьем певчего рта:
«И была мне дороже любви женской
Твоя верность...» Ты слышишь, Ионатан?

Разрывая слои вековых туманов,
Разве ты не летишь к нему из глубин?
Если слышишь, то знаешь, как это мало
От того, кто сто женщин перелюбил.

Но душа его, чья роковая удаля
Забывала о святости стольких уз,
Одного не рекла тебе: не забуду.

Ибо знала: забуду и воцарюсь.

Через два только лета, от сладкого зноя ржавых,
 Все поймут, что звезда в небосводе – незаменима.
 Авенир поднесет, как на блюде, тебе державу,
 Иоав принесет тебе голову Авенира.

Будет голод на Севере, будет чума на Юге,
 За тебя и тобою прольются потоки крови...
 Но негибнувший город – тот, что ты завоюешь –
 Вознесет тебя ввысь на ладонях тысячи кровель.

И никто не поймет – оттого, что кровь негасима,
 Оттого, что слова прорицания песней станут, -
 Что сердца будет влечь к тебе та роковая сила,
 Что впервые блеснула во взоре Ионатана.

Ты забудешь, забудешь того, у кого ты отнял
 Его сердце – и минут столетья, как будто нет их...
 И останется только сиянье звезды субботней
 С небосклона моей планеты.

... На закате – отца ли спроси, певца ли:
 - А каков был на деле сын Киса, царь наш
 Самый первый? Сквозь годы дошло и войны –
 Над любым из народа от плеч привольных
 Возвышался?

- Как дуб над лесной омелой!

- Что же делал? – спроси, и ответят:

- Смел был,

Словно волк, обращающий в бегство стаю
 Псов бродячих; когда на поля слетали
 Филистимские гости – о, как же ноздри
 Раздувались в неистовстве! Ток венозный
 Замирает поныне, как только вспомнишь,
 Как мужам иорданских колен на помощь
 Вылетал – словно сокол на стан гусиный!
 Сам прямее копья, с ясноглазым сыном –
 Словно щит у плеча, защищавший сердце! –
 Как, под пламенем гнева его рассекшись,
 Поддавались и падали строй за строем...
 Как звенело по воздуху: «Шма, Исроэль!»
 В час победы...

- За что же тогда?

- Кто скажет?

Разве только в Эйн-Доре, в горах, все та же

Есть пещера – и женщина, белый локон...
 Если духу достанет, спроси пророка
 О царе, у которого отнял стадо...
 Мы же знаем одно: что прекрасен так был,
 Что – в двадцатом колене за все воздастся! –
 Дал рожденье красотке, звалась Хадасса,
 И очей ее зелень... А впрочем, что в ней?
 Так гордящийся терниями шиповник
 Дал садовую розу. Так ветер с моря
 Стал дыханием сада. Так стан, тесьмою
 Обвиваемый нежно, когда-то кедром
 Возвышался над всеми. Так хлыст в руке был
 Желтым бивнем, и кровь по нему стекала.
 Так и сердце когда-то волной о скалы
 Разбивалось – в начале начал, до первых
 Дней творенья, и вся наша кровь кипела
 В гуле моря дотварного. Нет спасенья!
 Если в с е уже было, и если в с е мы
 Пребываем вовеки – певец, пропой мне:
 Чье мы племя, - от плеч надо всей толпою
 Возносящиеся?..

2002

КОЛОВРАТ

Пролог

*И иде из Чернигова с малою
дружиною и гнаша скоро.*

Как мне поведать отчаянный сон свой?
 Словно наводит дурная звезда...
 ...В пене, в поту, задыхаясь, несемся,
 Страстно надеясь не опоздать.

В гору на крыльях – и кубарем с кручи;
 Сдюжили б кони, а люди не в счет!
 Город в осаде. Мы были в отлучке.
 Может, успеем, успеем еще!

Брод через реку. Живее! Живее! –
 Гулкая степь под копытом гудит.
 И до последнего сердце не верит
 В то, что напрасно рвалось из груди.

И до последнего, не увядая,
 Бьется надежда в предсмертном бреду:
 Те, кого мертвыми мы не видали,

Ждут нас на стенах, пока еще ждут...

Может, успеем. Не поздно. Не все
Мчимся по берегу этой реки.
Ибо иное не примет рассудок
Сам же себе и всему вопреки.

Самая мысль отзывается дрожью
И все равно остается вовне –
Ибо ни жить, ни дышать невозможно,
Если напрасно мы гоним коней.

Люди измучены. Лошади в пене.
В небе – закат, начинающий рдеть.
Может, не поздно. Быть может, успеем, -
Бьется в пятнадцати сотнях сердец.

Сколько же раз – чуть сомкнет над глазами
Ночь свои крылья – сквозь этот закат
На пепелище сожженной Рязани
Мчатся за белым плащом вожака...

1

*И пригна во град Резань и виде:
город разорен, государи побиты и
множество народа лежаща...*

Ни движения. Ни плача. Ни дыханья.
Хоть бы птица, хоть бы душенька живая.
Только ветер-пес, как будто издыхая,
У разбитого порога завывает.

Плачет, пес, покуда оченьки не лопнут, -
Дай пойду с тобою рядом да подвою:
Княже, княже, это ж гридень твой, холоп твой
Воет волком средь хозяйского подворья!

И куда же я пойду в таких веригах,
Этот пепел ощутивши под ногою?
Княже, княже мой, скажи мне, что за горе,
Что за горе понесло меня в Чернигов!

Нет исхода. Нет спасенья от напасти.
Шепчет эхо, шепчет каждая равнина:
Княже, княже мой, которого не спас я,
Княже, княже мой, кого не заслонил я...

2

И угнаша его в земле Суздалстей и

внезапу нападоша на станы

Батыевы...

*Евпатий тако их бияша нещадно, яко и
мечи притупишася, и емля татарскыя
мечи и сечаша их.*

«Великий хан, беда настала
Внезапно, словно ураган.
Средь отдыхающего стана
Явились полчища врага

И как коса – колосья хлеба,
Все на пути своем смели.
Они упали громом с неба,
Они восстали из земли;

За их конями скрылось поле,
Зашлось соломой на костре!
Они не чувствовали боли,
Не замечали наших стрел,

Их вид был мертвенен и страшен,
Они ломили как стена,
Ступив клинки, хватали наши
И били нас, и гнали нас.

Твой правый фланг как будто вымер –
Чем отвратить такое зло?
Чтоб этих пять забрать живыми,
Сто наших нукеров легло.

Потомок неба, что ты скажешь?»
Но хан ни слова не сказал,
Прищурив око цвета сажи
И глядя в серые глаза.

3

*Веры христианскыя есве, рабы князя
Юрия Ингоревича Резанского, а от
полку Евпатъя Коловрата. Посланы
от князя Ингваря Ингоревича
Резанского тебя, сильна царя,
почтити и честна проводити и
честь тебе воздати...*

Всех пятерых от ран шатало
И грязный пот на лицах сох.
Они спокойно и устало
Глядели в ханское лицо.

Минуту с лишним все молчало.
 Как зверь, не разминая лап,
 Хан прянул с места. «Что за чара
 Рязань из гроба подняла?

А может, вас на битву кинул
 Великий князь всея Руси?
 Ну словом, чьи вы? Кто такие?» -
 Ордынец пленников спросил.

«Не опасайтесь, что распну всех –
 Я вашей смерти не хочу.»
 И самый старший усмехнулся
 И обратился к толмачу:

«Скажи ему: народ мы ратный
 (Переборол душивший хрип)
 Полку Евпатия Коловрата,
 А кто он – выдь да посмотри.

Не янтарей, не шкур собольих,
 Не вин, не злата без числа –
 Нет, брат убитого тобою
 Нас из Чернигова прислал,

Чтоб княжьей чашей обносили
 Твою несчисленную рать...
 Не обессудь, владыка сильный:
 Не поспеваем наливать!»

4

Батый взглянул туда, отколе
 Неслись погибель, стон и пыль.
 И он увидел, что над полем,
 Среди мятущейся толпы,

Как будто белый смерч носило,
 Звения и бешено кружа.
 Перед его разящей силой,
 Остервенелой, как пожар,

Хребты и латы были ломки,
 Как ости птичьего пера.
 И сердце бешеной воронки
 Звалось – Евпатий Коловрат.

Он был повсюду. Он метался,
 Свист ветра чувствуя щекой.
 Как сабля в смертоносном танце,
 Под ним вился храпящий конь.

Его глаза не знали плача
 И не подсчитывали жертв.
 Он встречу смерти здесь назначил,
 Вот здесь, на суздальской меже,

И смерть, огромная, слепая,
 Слилась с движением плеча,
 Заполонила каждый палец
 И стала им на этот час.

Под хохот ветра и проклятий,
 Под визг людей и лошадей
 В то утро смерть звалась Евпатий –
 Мы это скажем на Суде,

Мы это в каждом камне высечь
 Хотели бы на том ветру.
 И это скажут десять тысяч,
 Полегшие от наших рук,

И срока вечности не хватит,
 Чтоб нас заставить отступить:
 В то утро смерть звалась «Евпатий»
 Для смуглых воинов степи.

5

*Хостоврул же похвалился хотя
 Евпатия жива пред царя привести.*

То не конские звенели балясы,
 То не граял в облаках черный ворон –
 Зять Батыев, Хостоврул, похвалялся:
 Привезу-де, мол, Евпатия живого.

А в плечах у него - сажень косая;
 А глазок – степному беркуту впору;
 А с седла его и вихорь не ссадит –
 Даром смотрите, что конь не подкован.

Он у хана на руке – острый ноготь!
 Он ли хану угодить не умеет?
 И как будто развиднелся немного
 Лик Батыя, что черна был чернее.

Только пленный прошептал: «Видно, спятил!
 Даже в ум такое взять не по силе,
 Чтоб живым кому поддался Евпатий...»
 Но у пленных, на беду, не спросили.

И летел он, ханский зять, - ровно ястреб!

Уж и грянул с высоты – будто громом!
 Был из тех, кого и стрелы боятся,
 Был из тех, кому слуга – борзый комонь.

Только видно, смерть опять повернула,
 Видно, всяк своей судьбе неповинен:
 Поднял меч Евпатий... Нет Хостоврула.
 До седла беднягу располовинил.

6

Слушай, Батый. Это голос немногих.
 Слушай без слуха, подобно зверям.
 Не оставляй у себя за спиною
 Тех, кому нечего больше терять!

Слушай в безмолвии, слушай часами,
 Слушай, как пес, ощетиня хребет,
 То, что поет тебе свист наших сабель,
 Наше молчанье вещает тебе:

Та, что вскормила тебя своей грудью,
 С нами сегодня, степняк, - берегись!
 Мы тебя знаем. Ты только орудье
 Смерти – как Атли, Тимур и Чингиз.

Мы же, доколе не сомкнуты вежды, -
 Голос ее на Полярном Кресте...
 Ты не убьешь нас. Мы умерли прежде –
 Там, у подножья обугленных стен.

То, что не умерло – только пустая
 Видимость, морок, доступный глазам...
 Ты не убьешь нас – но дорого станет
 Нукерам взятая с бою Рязань!

Слушай же, слушай, как рок и погибель
 Станут напевом, свободным, как сон:
 Целое поле нам будет могилой
 Здесь, под телами твоих мертвецов.

Ты позабудешь – так поле запомнит,
 Ветер-свидетель останется петь:
 Греки не знали такой гекатомбы,
 Как учиненная нами теперь!

Помни урок, что сейчас получаешь,
 Узкое око в могилу вперя:
 Не оставляй у себя за плечами
 Тех, кому нечего больше терять!

7

И наводиша на него пороки и нача

*бить по нем из тмочисленных
пороков и едва убиши его...*

Батый глядел на это молча.
На миг, ничтожный, как игла,
Как будто сузились по-волчьи
Зрачки его недвижных глаз.

Глядел, в молчание закован,
Как гибнет собственная рать,
Промолвив только: «Мне б такого
Слугу, как этот Коловрат!»

И снова смолк степной охотник –
Исчезла зыбь на лоне вод...
А Коловрат, убивший сотни
Раскосых нукеров его,

Одетый в смертную рубаху,
Крушил и гибели искал –
Но смерть шарахалась от взмаха
Его свистящего клинка,

Дохнув, усиливала ярость
И снова пятилась назад,
Как будто смерть сама боялась
Узнать себя в его глазах,

Как будто всю ее решимость
Одним порывом оттеснил;
Как будто смерть сама страшилась
Того, что сотворила с ним.

Неукротимый, как стремнина,
Он плыл без лодки и весла
Навстречу ей – а смерть манила,
А смерть томила и не шла,

И наконец-то в ханском оке
Сверкнула с дальнего бугра...
И хан велел пригнать пороки
Для штурма каменных преград.

8

То не белокаменная башня,
То не толстостенное привратье –
То под белой смертною рубашкой
Грудь твоя, Евпатий Коловрате!

Словно глыбу глыбой раздробило –
Честь тебе, Евпатий, оказали!
Далеко-далёко от Рязани,

Далеко от княжией могилы...

Хан не говорил речей надгробных –
Где ему, степному человеку!
Что там летописец раскумекал
Из монгольской молви неподобной –

Ведомо ему, а мы не знаем:
Ветер свистнул, пролетая мимо...
И не ради ханского помина
Прервалась стезя твоя земная.

Много сотен лет не забывали,
Помнили изустно и печатно,
Как сошел в ущелье Ронсеваля
Михаил за рыцарской перчаткой.

На поле немыслимого боя,
В месиве из падали и камня
Кто тогда склонился над тобою,
Мой Роланд в рубахе домотканой?

Мертвые уста трубить не могут,
Нет в груди раздавленной дыханья;
Ты не захватил с собою рога –
Может, оттого не услышали.

И ни на земле и ни на небе,
Ни на много верст на поле гиблом
Пятеро, что вырыли могилу,
Ангелов не видели над нею.

Тело окровавленное наземь
Сбросив, у крыльца небесных гриден
Ты не Божьих ангелов – ты князя
На холме над трупами увидел

И рече, склонясь перстами об пол,
Брови утомленные нахмуря:
«Принимай отставшего холопа,
Коли не прогонишь, княже Юрий!

Худо напоследок послужил я...»
А в ответ – от моря и до моря:
«Принимай отставшего в дружину,
Предводитель наш святой Егорий!»

Вот и кони – все в горячей пене;
В бой идут заоблачные рати...
Ничего, что поздно – мы успели.
Мы успели, слышишь, Коловрате?

В И Д Е Н И Е

Сон живой и осязаемый:
 Обрамление картины
 Ускользает. Был и пребыл.
 Фон один – ночное небо;

Нет, не звездная безбрежность –
 Желтоватые, как прежде,
 Отблески огней подвижных
 Под окном, где сплю и вижу.

Тот же город, снами скован;
 Знак присутствия людского
 Ниже самых нижних кромок;
 Но над городом, в огромный

Рост – и по своим, нездешним
 Меркам – в воинской одежде,
 Не запомнившейся плотски –
 Страж его. Неясный отсвет

Ткани, охватившей плечи...
 Сам венец едва намечен,
 Невесомый и гнетущий,
 Но под ним такую тучей –

Неподвижные, как камень,
 Кудри... Темное сверканье,
 Нимб столь царственный и пышный,
 Что почти уже излишней

Кажется за их волнами
 Та огромная, двойная,
 Тень – размах, наверно, в милю! –
 Чуть колеблемые крылья.

Тишина. Дохни – гром грянет!
 Под тяжелыми кудрями –
 Гневный лоб тяжелодумный...
 Значит, так тебя под дубом

Лотарингии далекой
 Видела широким оком
 Девочка с пастушьей сумкой?
 Тишина длиною в сутки,

Впечатленья, что не вянет...
 Под смолистыми бровями,

Как двойное «будь что будет»,
Как распахнутые в бурю

Окна – молния за каждым! –
Бездной, повторенной дважды, -
Два бессонных чутких ока...
Вместо слов – орлиный клекот

Издавать должны такие!
Но, ресницами окинув
Круг, начала не берущий,
Ты молчанья не нарушил.

Вспоминаемой заочно
Мелочью – сразило вот что
(Зренье, свойственное женам!):
Мягкий, словно отраженный

Блеск багрянца и металла –
Будто ночь, в которой встал он
Над знакомою картиной,
Все сиянье поглотила,

Кроме глаз. Недвижной статуй,
Значит, вот каким предстал ты
Над гранадской колокольней?
Непохоже. Не такое

Все: лицо, обличье, поза.
Не прирученный, а грозный
В грозном свете этих молний;
Не певучий, а безмолвный,

Как положено на страже
Часовому. Роль все та же –
Да иного не обрящем! –
Вахтенный. Впередсмотрящий

Всех судов. Незримый кормчий
Всех, чей путь еще не кончен
На земле. Солдат – не ангел!
Не таким ли в Орлеане

Нес невидимой рукою
Орифламму? И отколе
Ждать беды на этот город,
Если ты, стопою гордой

В мутном воздухе повиснув,
Сам хранить его явился?
Что за вексель не оплачен?
Или просто обозначил

Над своим давнишним леном
Власть и право сюзерена?

Тишь, ни звука. Страх. Блаженство.
Лишь рука, извечным жестом –
Жестом всех на свете песен! –
Сомкнутая на эфесе,

Может, что-то означала...
Так, хранитель от начала
Над творением непрочным,
Ты предстал однажды ночью

Не в раю, не на Синае –
Здесь, крылами осеняя
Город, псов, автомобили...
Здесь, где пели и любили,

Здесь, где тленно и невечно,
Здесь, где церковка над речкой
Носит в каменном сиротстве
Имя – явно не по росту –
Но ведь это, не другое!
Выкованное, как в горне,
Выплавленное, как в тигле:
Воина-архистратига.

2005

Е Л Е Н А

Пролог

Как беда за бедой, ходит ночь над водой,
Снится старому ворону сон молодой.
Спи до первой росы, Посейдонов сын!
Снится голос владыке Афин:

«Отчего по ночам голова горяча?
Не по старым ли чарам во сне заскучал?
Удружил тебе Минос, заморский тесть,
Да за остров, что на море есть!

За моря ты возврата поехал искать –
Вот и сняли жену с деревца, с пояска,
Вот и сын пеленой кровяной покрыт...
Ты зачем возвращался на Крит?»

Снится в говоре струн, снится в гомоне струй:
«Не в ответе на свете сестра за сестру.

Не для нынче – для завтра даны глаза.
Ты зачем оглянулся назад?

Да не будет замены угасшим очам!
Ни во сне, ни в уме на забытый причал
Да не ступит нога! Возвращаться не смей.
Ты зачем возвращался на смерть?»

А в окно через сад – серебра полоса,
Словно белая пена в густых волосах,
Все развеяно прахом, и путь закрыт...
Позабыть бы дорогу на Крит!

Только кто-то под окном говорит?

- Где насвистывал-бывал?
- Где глаза вели.
- Что на свете проросло, чем повеяло?
- Народилось на заре ясно зарево,
Да не в небе – на дворе Тиндареевом!

Хрупче ветки, легче слов, меньше малости,
Сколько было их таких – не упомяну всех...
И росло себе, росло – как трава растет,
А теперь как раз пятнадцать исполнилось.

Думал было подивиться, что выжила,
Думал было пожалеть, в чем душа у ней –
А как вышла – златоглавая, рыжая –
Повстречаться на крыльце гостю шалому,

Света ясного белей, ярче листвия,
Что кострами полыхает по осени...
Уж и я остолбенел! Уж и свистнул я!
В жар и в холод перед ней гостя бросило.

Не бывало средь покосной травы еще,
Чтоб такой огонь-цветник, в жар кидающий:
С Ариадною играл, Дафну вынянчил –
А такого среди них не видал еще!

Так печатью и легло, пало на душу
На плечах белых платице детское...

...Так бродяга-вестовой перед набольшим,
Аквилон перед Эолом отвечивал.

То не к свету – тень, то не к меду – воск,
То к ладони – сторонка тыльная.

От молодых ногтей до седых волос
Сотрапезники, собутыльники.

Не один вдвоем перейден по дну
По колено вброд океан-море.
Коли чашу пьем, то вдвоем – одну:
Бесшабашную, окаянную!

Коли в бой, так в бой, коли быть беде,
Так спина к спине – горы валятся!
Уж каких с тобой не вершили дел –
Сопредельники, сотоварищи.

Хошь – земную твердь, хошь – морскую синь,
Небеса спроси, гладь ретивую:
Иксионов сын и Эгеев сын –
Всей воды – разлить – не хватило бы!

А каких с тобой добывать невест
Доводилось нам – ровно деревца!
Вот и ты – вдовец; вот и я – вдовец;
Куда сунемся? Куда денемся?

А каких с тобой добывали жен –
Не за золото! Не за камушки!
За тобой должок и за мной должок:
Как рассудимся? Кому скажемся?

От всего «тогда» до всего «теперь»
Не видали родней родства того:
Без тебя – не пить; без тебя – не петь;
Без тебя жену не посватаю!

Не хмельней, чем хмель; не храбрей, чем хват;
Не белей глава головы твоей!
Без меня – не смей; за тобой – хоть в ад;
Без тебя красоты не выкраду!

Коли в жизнь – так в смерть; коли вверх – так вниз;
Не по слепости, не по скупости:
Коли я клянусь, так и ты клянись –
Не отвергнемся! Не отступимся!

Не молчи как сон – не затем пришел!
Говори как есть, коли встретились!
Оброни словцо, поделись душой:
Кто на сердце есть? На примете есть?

- Есть...

- Кто такая, что за сахар-миндаль?
Какова она собой? – Не видал.

- Али слухом донесло по верхам?
Что в народе говорят? – Не слышал.

- Аль глаза уже не те, что всегда?
- Говорю тебе, совсем не видал!
- Али чара на подставке суха?
- Говорю тебе, досель не слышал!

Знаю только, что собой – как заря;
Знаю только, что одна – на земле:
Дочь меньшая Тиндарея-царя
От рождения пятнадцати лет...

- Занесло тебя в неближнюю даль!
- К делу ближе: не предашь? – Не предам.

2

Дрогнули по самые коренья
У ворот деревья в три обхвата:
Ко двору спартанца Тиндарея
Прибыли невиданные сваты.

Не послы с поклоном господину,
Не купцы, не прочие- иные:
Первый по Геракле и единый
Меж мужами Греции доньне,

Слава за спиною вместо свиты,
Вместо ожерелий – боевые
Шрамы под плащом, в котором с Крита
Пленницу прославленную вывез;

Об руку с легендой-побратимом –
Три войны за грозными плечами!
Даже в седине неукротимый,
Собственной осанкою венчанный,

Поступью такой, что не приснится
Богу, что с годами не стареет –
Царь Афин спустился с колесницы
У ворот спартанца Тиндарея.

У крыльца соснами встали:
Ветром – в зной! Камнем – с небес!
«С миром, царь! Здравствуй, спартанец!
Не с войной – с делом к тебе.

Благ твой край! Красен твой город!
Буди здрав! Славою сыт!

Не играть – с делом торговым;
Не продать – сами купцы.

Не отдашь ли, твоя милость благочинная,
Дочку младшую – в царицы над Афинами?
Не отдашь ли во невесты, власть бездонная,
Дочь Зевесову – да сыну Посейдонову?»

Словно солнце потемнело на дворе,
Словно кладь потяжелела на плечах:
Чешет бороду седую Тиндарей,
Не торопится посланцу отвечать.

А заговоривши, с отдаленья
Начал, как круги над полем боя:
« - Нет еще пятнадцати Елене...»
« - Леде было меньше, как с тобою

Сочеталась». « - В те года усы мне
Подстригать едва ли доводилось...
Думал я сперва, что ты за сына
Сватаешь ее». « - Не все едино

У отца и сына. Честь и место
Отстоял мечом ему и грудью.
Будет время – сам себе добудет
Демофонт и славу, и невесту.

За любовь оплачивая жизнью
Собственной, не станет торговаться,
Как и я». « - Тебе давно не двадцать,
Сын Эгея!»
- Тяжкий, недвижимый

Взор, как вал, нависший над бортами,
Припечатал к месту Тиндарея.
« - Сыновья твои меня старше.
Или оскорбить меня, спартанец,

Думаешь? Рука еще не дрогнет
Разом расколоть на половины
Камень, что за изгородью львиной
У тебя покоится на стогнах.

Драться – молод! С чудищами биться,
Города отстаивая – молод!
Отчего слова мои – в крамолу,
Самого меня – в женоубийцы,

Царь, возводишь? Сердцем, а не кожей
Любят, и душой берут твердыни!
Чем же я виновен, что моложе

Сердце, чем виски мои седые?»

Словно туча зашумела на горе,
Словно в море закрипели якоря –
Чешет бороду седую Тиндарей,
Не торопится с ответом для царя...

« - Где ключи? Ведомы ль козни
Тех, кто чтим нами в путях?
Не кичись юностью поздней,
Царь Афин, Этры дитя!

Кто, как Те, в ярости щедры?
Чья спина страху чужда?
Не хотел царственной Федры
Вспоминать – не вынуждай...

Лишь Они, вечно живые,
В нас вольны – но не цари...
Не склонив собственной выи,
Всей страны не разори!

Из-за гор – не за царевной!
Не того жаждет душа!
Меж богов – гневных и древних –
Своего – не искушай!

От молодых лет быкоборцем
Слыть привык – зависть другим...
Не страды – бога побойся!
Не молвы – мести богинь!

Сев и скот ширя и множа,
Заскучал в мирной сени?
Федрин пот жжет твою ложе,
О причал цепью звенит!

В светлом дне этого ждем ли,
Для детей счастья ища?
Страшен гнев Пеннорожденной!
Долу – тень. Поздно. Прощай!»

Глянув исподлобья, чуть по-волчьи,
Оба встали, грозные, и молча
Вышли, поклонившись на пороге.
Что к лицу сопливому герою –
Гнева не сдержат под кровлей дома –
То неместно сыну Посейдона.

Лопни сталь, держащая в обхвате, -
Был бы дом по камешку раскидан!

Но за хлеб угрозами не платят
Старые соратники Алкида.

Вышли – и окончена бы повесть;
Но у входа в женские покои
Из глубин дворца неразличимых
Брызнуло, как солнце из пучины,
Молодостью, смехом, нетерпеньем –
И, оборотившись на ступенях,
Позабыв закон гостеприимства,
В тот же миг столбом остановился
Сын морской пучины потаенной:
Из полуоткрытого проема
Словно пламень вырвался и замер...
И почти в упор – глаза с глазами –
Ярче полыхая, чем Везувий,
Глянуло в лицо твое безумье,
Рыжее, в простом беленом платье.
Что же ты? Дыхание утратил?
Кровь остановилась и подавно?
Только два коротеньких удара,
Внятные, как нож или цикута:
Вот оно. Ни с чем не перепутать.

Краше Ариадны? Краше первой,
Той, непозабывтой? Краше Федры,
Ранившей так глубоко и ало...
И, не признававшей покрывала
На кудрях, сиянием залитых,
Краше Ипполиты? –

Через плиты

Всех могил, не могущих открыться, -
И не пятьдесят уже, а тридцать, -
Через годы, через неудачи,
Вспять, назад, каскадом, смехом, плачем –
В юность! В заревую, голубую
Даль! В неразразившуюся бурю,
Вспять! Со скакунами не угнаться!
И уже не тридцать, а семнадцать –
Тридцать три осыпались, как глина!
И уже горою с плеч орлиных –
Битвы, шрамы, слава, други, жены!
Пеленою с глаз замороженных –
Думы, страсти, прожитая горечь!
Будто до сих пор еще ногою
Не коснулся критского причала!
Будто ни одна не повстречалась
По пути в безлюдной Арголиде!
Словно ты и женщины не видел
До сих пор! Дохнуло... Опалило...
Бел, как мел, белее, чем белила:
В первом громовом сердечном бое –

Молодость твоя перед тобою!

...И в таком благоговенье замер
 В этот миг круженья пред глазами,
 В этот миг зыбленья под пятою,
 Что не посмотрел на Пейритоя.
 А взглянуть бы стоило! Такая
 Меж позеленевшими зрачками
 Промелькнула разом и угасла
 Искра... Не умея испугаться,
 Все-таки сумел бы остеречься!
 Зависти незримое наречье,
 Жала смертоносное двурушье:
 Клятва-то не шутка – не нарушишь;
 Не в горниле медь ее окрепла!
 Так ли уж собой великолепна
 Показалась – паче описаний! –
 Чудо с золотыми волосами,
 Клад, ненареченная невеста...
 Или – меж бровями без провеса
 Угадал божественности росчерк?
 Или – юность? Говоря короче,
 За мгновенье высчитал и вычел:
 Снова обошел его величьем
 Помысла – не в первый, а в который
 Раз уже – дитя владыки шторма,
 Побратим, неистовый трезенец...
 Каково до старости Тезею
 Уступать в дерзанье, в безрассудстве,
 В юности? Неужто затрясутся
 Руки у лапифского владыки?
 И, на друга скашивая диким
 Зраком, исподлобья, словно внове,
 Глядя: «Погоди! Черед за мною».

Только миг – меняющийся, краткий
 Миг – и снова занавеса складки
 Меж тобой и солнечным виденьем...
 И, почти ослепнув, на пределе
 Сна, отяжелевшими ногами
 Словно в пустоте передвигая
 По пыли податливее шелка, -
 Сам уже не помнишь, как взошел ты –
 Всплыл – на колесничное подножье.
 И, уже поводьями тревожа
 Шеи четверни неукрощенной,
 Все-таки не выдержал еще раз:
 Обернулся...

Своим – веселиться,
А чужой – не шастай!
Два сына у царицы:
Полидевк и Кастор.

Вся рать кое время
Отгадать не может,
Какой – Тиндареев,
А который – божий!

На две половины
Поделили землю!
Два льва в Спарте львиной
И во сне не дремлют:

Хоть стар, хоть ребенок,
Хоть красная девка...
Два ока над кордоном:
Кастор с Полидевком.

Пройти не мастырься,
Ни младой, ни старый!
Вон – свист богатырский,
Ночная застава!

Дыши полегоньку,
Кабы не попасться!
Хра-пят вперегонку
Полидевк и Кастор!

Над всею долиной –
Время-то не детское –
Ни звука, помимо
Храпа молодецкого...

...Дрожи, ретивое,
Под стеной грунтовой:
Эх, не было вора
Против Пейритоя!

Купи, тороватый,
Бессонного зелья:
Эх, не было хвата
Супротив Тезея!

Эх, не было страха,
Ан взяло за жабры:
Ни пес бы не ахнул,
Гнедой не заржал бы!

- Ползком за любовью,
Старая подагра!
- Где наша с тобою
Да не пропадала!

- На кой ты ей нужен,
Нечистая сила!
- Где нас с тобой, друже,
Да не заносило!

И свет нам не белый,
Коли не ворованный!
Не выгорит дело –
Пировать с воронами!

Судьбу не поборем –
Так хоть побороться!
Не выйдет с любовью –
Лбом да об воротца!

Бог душу не примет
Без такой истории!
Ничком на перине
Помирать не стоило б!

Душе не препятствуй –
Гуляем по-старому!
- Кончай, брат, трепаться,
Лезь, плечо подставлено...

Может быть, такой же лунной
Ночью – пенные буруны
Гнали критскую галеру...
Может быть, такой же мерной
Дробью – отбивало сердце
В лабиринте... В два присеста
Одолел двойную стену.
Может быть, еще густее,
Чем в жилище полужверя,
Темнота за этой дверью,
Низкой дверью гинекея...
Словно тень, из кельи в келью,
Без ключей и петель ржавых –
Через комнаты служанок.
По стене скользя ладонью –
В ту, единственную в доме,
В темноте, как в теплой тине, -
В ту, где теплится светильник,
Словно ждущая невеста...
И, раздвинувши завесу
Финикийской пышной ткани,

Так с воздетыми руками
 И застыл в дверном проеме:
 Ко всему готов был, кроме
 Этого – без всякой речи,
 В тишине тебе навстречу
 Смело поднятого взора...
 И, как тишь перед грозой,
 Обволакивая нервы,
 Ночь цикадами звенела.

Ахнуть – и мороз пошел по коже,
 И, в тени нахлынувшего вала –
 Голос: «Где ты раньше был, прохожий?
 Или я тебя не узнавала?»

И, оцепенелый – неужели? –
 Как скала, застыл среди прибоя...
 «Ты иной, чем все изображенья.
 Ты пришел забрать меня с собою?»

У отца в божнице есть резная
 Статуэтка – золото и ляпис,
 Но она ведь мертвая... А знаешь,
 Мне совсем такими представлялись

Эти кудри...» Что тебе ответить?
 Сердце – как испуганная птица.
 «Я пятнадцать лет живу на свете!
 Отчего ты раньше не спустился?»

Я, тебя заслышав из-под крова,
 Выбегала в дождь, бросая прясло...
 Если б знать, что ты такой суровый!
 Если б знать, что ты такой прекрасный!

Словно с башни вниз через перила
 Смотришь – и в груди немного тесно.
 Как прекрасен истинный отец мой,
 Мать моя совсем не говорила...

Ты сердит за то, что я не сыном
 Родилась? Не уходи, останься!
 Для чего ты старому спартанцу
 Царское дитя свое подкинул?

Мать моя одна на ложе боли
 Верила, что ты меня не бросил...
 Я тебя ждала пятнадцать весен!
 Ты пришел забрать меня с собою?»

Тишь обрушилась как ветер –
 Ты не знаешь, что ответить.
 Тьма легла как полushалок –
 Ты не в силах сделать шага.
 Ночь окутывает душу –
 Ты не знаешь, как разрушить
 Тишину – и эту ясность
 Взора... То, чего боятся
 В час, когда с горами вровень,
 Боги, жены и герои.

Ни речей, ни мысли – белизна лишь...
 Наконец: «Дитя, сама не знаешь,
 Что сказала», - в обморочном гуле
 Еле-еле вымолвили губы,
 Неизвестно как передвигаясь.
 «Разве можно смертного с богами
 Сравнивать?» - дар речи обретая,
 Молвил... Но ни бровью, ни чертами,
 Ясная по-прежнему как небо,
 Даже и на миг не помутнела,
 Видимо, ни слову не поверив...
 И, через огромное мгновенье
 (Есть такие, равные с годами),
 Под ремни надушенных сандалий
 Прodeвая крохотные ноги,
 Повторила: «Ты пришел за мною?»

Что ж, пускай разгневаются боги!
 «Да, дитя. Конечно, за тобою».

По-кой под горою,
 Сонное дыханье...
 ...Лишь пыль по дороге
 Через всю Ахайю!

Река серебрится,
 Кукушка тоскует...
 Про-спали сестрицу,
 Братья Диоскуры!

4

То ли это правда, то ли мнится?
 Звездный небосвод. Дорога. Скалы.
 Стук копыт по колее кремнистой,
 Темная одежда воровская.

Самый сонный час еще не пробил,
 Все еще закат светлей востока...

Стук копыт – и тот еще, меж ребер,
Что перекрывает конский топот.

Кудри серебрятся, плащ поношен,
На руках – светлей звезды вечерней –
Рыжая украденная ноша
Прикорнула – золото на черни.

Тряска и усталость не помеха,
Царь афинский! Ехал бы и ехал.

Старый плащ преобразился в крылья,
Задевая встречные деревья...
Сколько переходов – два ли, три ли –
Под копытами коней сгорели?

Есть напев пьянее, чем победа,
Древле, чем скитания по водам:
Нет предела конскому разбегу!
Нет предела сердцу коновода!

Небеса раскинулись, как вечность,
И уже не понимаешь втайне:
Колеи земные или Млечный
Путь твоя четверка замечает?

Из глубин сознания потаенных
Вырвалось на свет подобно рекам:
Нет предела шири окоема!
Нет предела сердцу человека!

Вот же, на плече дыханьем теплясь,
Дремлет юность: золото на пепле.

Не твоей ли вверенные ласке,
Спят ресниц колеблемые тени?
Что же после этого, да властно
Над тобой? Земное тяготенье?

Нет его! Ни времени, ни рока
Над тобой! И слыхом не слыхали!
Только звезды. Вечность – и дорога.
Вечность – и чуть слышное дыханье.

...Но вздохнула – и конец покою:
«Мы летим, отец? Какие кони...
Всех земных быстрее и темнее,
Как ветра, как воды Танаиса...
Отчего же мы еще не в небе,
Господин мой? Или ты боишься,
Что со мною будет как с Семелой?
Но ведь я твоей крови и стати:

Я всегда, мне кажется, умела,
Просто было некуда летать мне...»

И, безбожно, вкрадчиво, певуче:
«Но теперь ведь ты меня научишь?»

Я – твой колос, бурей обойденный;
Я – твой позабытый лебеденок:
Помнишь заводь в теневых полосах?
Я – бессмертной песни отголосок,
Эхо, что в долине заблудилось,
Твоего сиянья луч единый –
О, не отвергай меня жестоко! –
Я глоток из твоего потока.
Легкий вздох груди твоей любимой,
С ветром возвратившийся в ладони;
Странник, за пятнадцать лет чужбины
Так истосковавшийся о доме...

Где твои сверкающие ризы?
Для чего мне это покрывало?...
...Поняла. Нам надо притвориться,
Чтобы Гера не возревновала?

Видишь – я послушнее свирели,
Мягче и безропотнее глины:
Ты пришел учить меня смиренью,
Ты, среди единственных единый?

Ради дочери сошед на землю,
Принял вид и взор царя Тезея?

Видишь – я целую плащ старинный,
Как поцеловала бы оковы.
Знаешь, я люблю тебя такого
В десять тысяч раз неповторимей:

Ты уже не горняя зарница,
Трогаю, гляжу и осязаю...
И – ты знаешь – с этими глазами
Никаким зарницам не сравниться...»

Дайте не очнуться, силы Рока!
« - Спи, дитя. Рассвет еще далеко».

5

Петли медные запели:
«Этра! Мать! Дитя Питфея
И возлюбленная князя
Моря! Дедовские вязи

Расплетай на всех засовах:
 У ворот стоит бессонный
 Сын твой, горе и гордыня...
 Мать! Родные, молодые
 Очи подними на сына!
 Мать, скорей! Невыносимо
 Ждать, когда душа ликует!
 Да взгляни же ты, какую
 Сын привез тебе невестку...»

И, медлительно и веско,
 Двери, дрогнув, заскользили –
 И, с главой седою зимней,
 Юной поступью весенней
 Из дворца ступила в сени,
 Еле сдерживая яркость
 Взора, та, что не боялась –
 Пусть тому уже полвека! –
 Страсть земного человека,
 Дом, отца и самый воздух
 Позабыть в объятых грозных
 Повелителя пучины;
 И с крыльца в объятая сына
 Бросилась – как в тот глубокий
 Час – на грудь морского бога.

Сам Орфей приопустил бы лиру...
 Но мужская страсть нетерпелива,
 Счастье ничего не различает!
 «Мать! Взгляни!» - и гордыми очами
 Встретились на рубеже преданий
 Старая краса и молодая.

Даже ветры задышали тише...
 Кто такое видел? Кто опишет?
 Даже тучи бег остановили...
 С умудренным взором – взор невинный
 Встретились; и царственная роскошь
 Юности – с величием первородства
 Встретились на судьбоносной ткани.
 Даже боги, затаив дыханье,
 С облаками и горами вровень,
 Видели, как сомкнутые брови –
 Две волны средь бурного кипенья! –
 Развела с улыбкой дочь Питфея.

Что – слова? Не бейся и не трать их!
 Без никчемных слов, одним объятьем
 Клятву перед царскими дверями
 Прорекла, навек удочеряя
 Гостью. И в дверях покоев женских
 Скрылись обе, ни единым жестом –

Жестом двух теней, успевших слиться –
 Не даря влюбленного счастливец,
 У дверей застывшего скалою,
 В вечное, грядущее, былое,
 В никуда уставясь взором диким:
 Сплю – и вижу, сплю – и не будите...

- «Ах ты, глины ком!
 Дурь гусарская!
 Стало быть – пирком
 Да за царствие?»

Что глядишь в лицо,
 Глаза ясные?
 Стало быть – вдовцом
 Восвояси мне?»

Засмеют рабы!
 Заплюют глаза!
 Али сам забыл?
 Али мне сказать?»

- Что до срока раскатился трубой?
 Я и сам скажу: черед за тобой.
 Вместе праздновать клялись, Пейритой!
 - Коли так, походный посох готовь.

- Кто такая, что за сахар-миндаль?
 Какова она собой? – Не видал.
 Но такая, что скажу без прикрас:
 Только нам с тобой под силу украсть!

За полсотни за разбойничьих лет
 Все испробовал, что есть на земле.
 Жены, девушки – всего по чуть-чуть...
 Всех изведал – ни одной не хочу!

А того хочу, что хуже грозы,
 Что назвать – не повернется язык,
 Что помыслить – потемнеет в глазах,
 Что, oprичь тебя, и вслух не сказать...

Дай закончить, прежде срока не тронь!
 Чай, не даром Иксионова кровь!
 Чай, не первому – в мои-то лета –
 О бессмертной довелось возмечтать!»

Тишь нездешняя настала, как сон,
 Придавила, как могильной плитой.
 Еле выдохнул: «Очнись, Пейритой.
 Потянуло тебя вслед за отцом?»

Зря перечить – закусил удила!
 «А хотя бы, коли жизнь не мила!
 Не тебе меня отцом-то пенять!
 Чем Пелей, к примеру, лучше меня?

На попятный не пойду, пока жив.
 Коли трусишь, так и сразу скажи».

Ни волны, ни ветерка, ни чаек...
 Словно чтоб яснее прозвучали
 Твой вопрос без голоса и тона:
 «Кто она?» - и отзыв: «Персефона».

Словно перебой в движенье шара!
 Ветер свистнул, море задышало,
 Рыкнуло... И ты в ожившем шуме
 Через силу: «Ты ополоумел» -
 Прошептал холодными губами.
 И – молчанье. Нечего прибавить.

Знать, отплавалась ладья – на мели!
 Знать, счастливым быть судьба не велит!
 Что поделаешь, такая юдоль –
 Не видать тебе жены молодой!

Отгеройствовался, отцеловал!
 Отгордилась на плечах, голова!
 Отгулялся по морям, государь!
 - «К делу ближе: не предашь?» - «Не предам».

Не учили: уходя на года –
 Нет, навеки уходя! – как прощаться
 С той, с которою уже никогда
 Не увидишься до смертного часа?

Как приблизиться к невесте-вдове,
 Чуть дыша уже от страха проснуться?
 Подскажи мне, как расстаться навек
 С той, которой только-только коснулся...

Может сбыться, может статья,
 Что за все твои мытарства
 (До сих пор душа не верит)
 Заслужил одно мгновенье

Вечности. (Не вместит разум!)
 Вечности огромноглазой,
 Что ласкается и шепчет все жарче

К околдованному сердцу прижавшись...

Словно эхо из далеких краев,
Словно лепет, убаюкавший Леду:
«Хочешь – воином в отряде твоём,
Верным мальчиком с тобою поеду?»

Как по струнам, задевая, звеня –
По живому, по костям, по суставам:
«Править парюю научишь меня –
Колесничим у груди твоей встану;

Дашь рожок – и запоем, голосист,
О тебе на поле жаркого боя;
Стану щит перед тобою носить,
Стану складывать шатер за тобою...»

Слаще ладана и тише травы,
Все настойчивее сон, все смелее:
«Буду в лодке у тебя рулевым,
Буду петь твоим гребцам на галере,

Буду тенью за тобою ходить –
Всем плечом к тебе под правую руку!
Убаюкаешь меня на груди,
Как на облаке бы сына баюкал».

Мягче воска, легче шепота вод,
Слаще лотосова сонного сока...
И опять: что отвечать? – Ничего!
А и знал бы, так во рту пересохло.

А и знал бы – потемнело в очах
От биения нахлынувшей крови...
«Ты не думай – я умею молчать;
Твоей тайны никому не открою.

Обойди со мной хоть весь окоем –
Ни к дуплу, ни к ручейку не приникну...
Будем ведать лишь с тобою вдвоем,
Кто скрывается под царской туникой!

Ни воде, ни тростнику не повею,
Не похвастаюсь до самого Стикса –
Мне бы только возле этих колен
На привале у огня примоститься;

Не прошу себе ни славу, ни храм –
Пусть о почестях гусыни гогочут! –
Мне бы только на пороге шатра
Верным сторожем свернуться в клубочек;

Не хочу себе звезды в небесах,
 Если вымолю богатство иное:
 Мне бы – знаешь? – гребешком расчесать
 Заповедное руно с сединою...»

То ли сон это, затмение чувств,
 То ли грудь уже дышать перестала?
 «А захочешь – колдовать научусь,
 Стану волком сторожить по заставам,

Стану птицею взлетать к небесам,
 Слыть попугачиком, служить знаменосцем...
 Только здесь меня опять не бросай.
 Я же чувствую – за мной не вернешься».

И ни облачка на чистом челе,
 И ответить бы, да голос пресекся,
 И стоять бы так – хоть тысячу лет! –
 С этой рыжею макушкой у сердца

В догорающем сиянии дня –
 Корни выпущу да в землю вращу-ка! –
 И стоять бы так, и глаз не поднять,
 И не слышать Пейритоева стука...

6

Повязали страннический пояс,
 Третьим за собой позвали ветер...
 Эх, Орфей, Орфей-первопроходец,
 Что же ты дорогу не заметил!

Долог путь. Над головами ворон –
 То ли вестник, то ли провожатый...
 Долог путь. Не тянет в разговоры.
 Губы пересохшие поджаты.

Что тут говорить? Пустые бредни.
 Оба знаете, что путь последний.

Тысячу дорог познали рядом –
 Эту не к лицу делить с другими.
 Как же далека и безоглядна
 Верная дорога на погибель!

Но мужская клятва – не пустая:
 Он не повернет, и ты не станешь.

Но неодолимее прибоя –
 Воля, наполняющая тело.

И когда же гибель за тобою
Вороном приبلудным не летела?

Для других – история другая.
Смерть так смерть. Не очень испугали.

И, как сон, внезапно, пасть ощерив,
Пред тобой – отверстое ущелье.

...Что-то мгла таит... Холодна постель...
Ледяной гранит, злое крошево...
«Здравствуй, царь Аид! Принимай гостей!
Не взыщи, Кронид, что непрошены!»

Ни к реке пахнуло ветром, ни от реки –
Ни ответа, ни привета, ни отклика.

Небывалый путь... Подземельный свет...
То ли день прошел, то ли век уже...
Не теряй тропу! Не гляди вослед
Здесьним детищам, сонной ветоши!

Неземная пыль... Порошит глаза...
Сколько лет брести до реки еще...
Не сходи с тропы! Не гляди назад!
Опоздал грустить, в омут кинувшись!

Вот дорога бесстолбовая, ровная –
Уплатили два обола Хароновых.
Сказку слушать не впервой, вещь не новая –
Покормили сон-травой трехголового.

И внезапно, инда грудь опустела –
Расступились во все стороны стены.

И внезапно, как с обрыва, как в воду –
Выше облака возвысились своды.

Свет луны едва не ярче дневного,
Капители как огромные кроны...
Даже тот, кто на земле коронован,
Тише призрака б застыл в зале тронном.

Даже те, что на земле тверже стали,
Как пылинки, перед тронном предстали...

...Небывалый вид. Не скала – хребет.
Чернотой глазниц будто высушен...
- «Здравствуй, царь Аид! Исполать тебе!
Не веди казнить – веди выслушать!»

Пустота чернее сажи: что он скажет? Что тут скажешь?
Немота немее жути: ну, а сам-то? Что скажу-то?

И, по логике сказаний,
Пейритой прилип глазами
Как во сне – вот-вот застонет! –
К той, что рядом на престоле

Восседала, ставши явью –
Вся из лунного сиянья...
Ты же, словно принял схиму,
На богиню глаз не вскинул.

Сердце ухнуло набатом чугунным,
Свет в глазах позапорошило черным –
Оттого, что не задвигались губы
На лице его, в скале иссеченном.

Кабы не был от рожденья неробкий –
Запросился бы в свое государство!
Не под сводом этот голос раздался –
У тебя под черепною коробкой:

«Кто до срока, до последнего пота
Объявился среди этого зала?
Аль земля уже тесна показалась?
Али жить уже совсем неохота?»

И смутил бы, да не нашего хвата,
Полсекундочки помедлил всего лишь:
«Не взыщи, Аид – и впрямь тесновата!
Ты ли силы попытать не позволишь?»

Словно искорка блеснула в металле,
Раскатилось воркотней по утесам:
Ишь, мол, аспиды, тропу протоптали –
Скоро всяк, кому не лень, приплетется...

И – не эхо ли вздохнуло сердитей?
Инда волосы взъерошило ветром:
Что ж, мол, гости дорогие, садитесь –
Вечер долог, а в ногах правды нету...

И, глаза в тебя вонзив, словно выстрел:
«Ты ли, смертный, о жене моей мыслил?»
Ан в глазах и у тебя пламя пляшет:
«Нет, владыка: знаю смертную краше!»

Лишь взглянув на Ту, из лунного млека, -
Раз увидеть – с головою расстаться! –
«Что ж, сидите, коль пришли, святотатцы;
Вечер долог – до скончания века!»

7

«Братья? Вы?! Какое наваждение...
 Что же я, глупышка, в самом деле –
 Мы ведь от одной небесной ветви!
 Отчего ж ты смотришь неприветно,

Полидевк мой? Полно пререкайся,
 Отчего ты хмуришься, мой Кастор?

Вам не попрекать меня любовью
 Отчей, а порадоваться счастью:
 Ведь сюда пустили вас обоих,
 Чтобы вам и здесь не разлучаться?

Словно двум коленышкам свирели –
 Сыну бога с сыном Тиндарея...

Братья, к нам премилостив родитель!
 Братья! Отчего вы так глядите?..
 Заневолю хочется укрыться –
 Братья! Вы пугаете сестрицу...

Как светло... Далёко до рассвета,
 Отчего ж так ясно? Или это
 Сам отец нам освещает встречу?
 Братья, вы молчите? Или нечем

Отвечать?.. – Твердыня задрожала...
 Что это?! Не зарево пожара?!

Братья, нет!!! Молчите, ради Вышних!
 Братья, твердь небесную колыхает
 Под ногой! Весь мир уносит ветром!
 Братья! Волки! – Этра! Где ты, Этра?!

Этра! Все скончалось в одночасье –
 Мрак и смерть над черными полями...
 Братья, только с ней не разлучайте –
 Этру мне оставьте, умоляю...»

8

Ночи минули и дни без числа –
 То ли год, а то ли все пятьдесят –
 До поры, пока земля сотряслась,
 Будто каменный потоп начался.

Застонали руды каменных жил,
Своды ахнули в подземной клети:
Царь Аиде, за корону держись –
Не ровён час, с головою слетит!

Задрожали подземелья в горах,
На погостах развалились гробы...
Так и ёкнуло под сердцем: Геракл!
Оттого, что больше некому быть!

Не пред этими ль шагами – полки
Рассыпались так, что грех подметать?
Так и грянуло по жилам: Алкид!
Оттого, что больше некому – так!

Неуклюжий этот царственный звук –
Сотрясаются деревья с листвою! –
Уж тебе ль не знать, соратнику двух
Самых долгих, самых пламенных войн.

Непоспешный перевалчатый шаг –
Даже камни озираются вслед! –
Уж тебе ли, кто привык, не дыша,
Узнавать его с младенческих лет...

У Эриний поднялись волоса,
А химеры-то по щелям скорей;
Так-то, милые! – А вот он и сам.
Поседел, что говорить. Постарел.

Сколько ж минуло упрямых годин
С той поры, как разлучила судьба?
Как же, вырвавшись из жаркой груди,
Крик расплющился на сжатых зубах...

...И не ubyло ни силы в плечах,
Ни лукавинки под сетью морщин...
Сердце: брат ты мой! Ну, как промолчать?
Гордость лютая уперлась: молчи...

...И такой себе мальчишеский вид
Напустил, остановясь на виду:
Де-мол дядюшка Аид, не гневись,
Я тваво цепного пса уведу!

А в ответ ему – не гром и не дождь,
Глас неслышимый и не речевой:
«Коли сможешь, так и сам уведешь;
А еще ли не попросишь чего?»

Не такой уж ты здесь редкостный гость –

Забрели еще с полгода назад...
 Оглянись!» - и оглянулся кругом.
 Оглянулся – и глазами в глаза.

Оглянулся – разлетелись года,
 Расточились, как рассыпанный град...
 И рванулся, и взмолился: «Отдай!»
 А в ответ: «Коли сумеешь забрать!»

Ветры, ветры, не бушуйте!
 Камни, камни, не дивитесь!
 Не родился в мире витязь,
 Что с Гераклом шутки шутит!

Не с добра, Аид, посмел ты
 Поиграть со львом гривастым!
 Или, думаешь, бессмертный –
 Значит, можно издеваться?

Уж и рыкнул – как разбуженный гром:
 «Хоть и дядя мне, а не обессудь:
 Коль отдашь, так отдавай уж добром;
 Если нет, так со скалой унесу!»

И плевать ему, что ты обречен,
 И не внове потягаться с судьбой...
 Как, примерясь, навалился плечом –
 Так и дрогнула скала под тобой.

Ой, скала моя, родная сестра!
 Померещилась ты мне на пути?
 Пошатнулась – и рассыпалась в прах.
 Лишь тебя Алкид успел подхватить.

Как в ознобе, ходит твердь пот пятой,
 Полосами пролегла трын-трава...
 Спohватился в тот же миг: «Пейритой!» -
 Ан уж нету Пейритоя. Провал.

9

...Мир живых, куда вернулся нищим,
 Чем тебя встречает? – Пепелищем.
 На холме, как черная овчина,
 Распростерлись мертвые Афины,
 Цитадель отцовского геройства...
 Где ты, мать? Где сыновья? Где войско?
 Где былых соратников дружины?
 Кто остался – стали вдруг чужими.
 Словно камни, сброшенные наземь –
 Знать не знают свергнутого князя.

Целовали краешек плаща ведь! –
 Первой неудачи не прощают...
 И повсюду, жалкие останки
 Быта разгребая по ночевкам,
 Вслед тебе шипят: «Из-за спартанки...»
 «Город загубил из-за девчонки...»
 И на камне, черное кровавя,
 Проступает слово: роковая.

И, отяжеляя ноги,
 Мысль: неужто же со мною
 Было? Не было? Да полно –
 Я лица ее не помню...
 И во сне уже не мстится –
 Разве там, за гранью Стикса,
 Вспоминал о ней? Да нет же...
 Даже в памяти не нежил
 Имени. В краю сокрытом
 Только тени Ипполиты
 Без конца искал глазами...
 Время жизни, ускользя,
 Увлекая, словно омут,
 Возвращается к былому.
 Отдышал любовью новой!
 Слишком времени немного
 Выпало твоей печали...
 Слишком поздно повстречались.

И, перед последним поединком
 С жизнью – снова весело и дико
 Ветер моря грудь твою наполнил...
 И, встряхнувши гривой непокорной –
 Словно конь, пересекавший реки –
 Выбросил из головы навеки.

«В мире сем, в чаду невыносимом, -
 Этра! – Кто с твоим сравнится сыном?
 У Кастальской облачной криницы, -
 Этра! – Кто с отцом моим сравнится?
 О стрела, засевшая глубоко!
 Где он – тот, кого бы я за бога
 Приняла еще на этом свете?
 Сколь ни проживу – уже не встретить...
 В мире сем, постылом, как трясина, -
 Этра! – Кто с твоим сравнится сыном?
 До поры осыпался расцвет мой!
 Как же и кого еще из смертных
 Полюблю, когда отравлен корень?
 Этра! Забывают ли такое?
 Мне любых вершин отныне мало!
 Этра! Ты, что бога обнимала,

Ты поймешь... Не пить бы этой чаши!
 Кончена, еще и не начавшись,
 Женская судьба моя. – Не веришь? –
 У кого достанет дерзновенья
 На углях, до времени погасших,
 С памятью Тезеевой тягаться?
 Чья бы страсть меня не одолела –
 Гибель принесет ему Елена!
 Красоту меняю на уродство!
 Этра! Кто отныне мне по росту?
 Кудри водопадом, бровь дугою –
 Ничего уже, помимо горя,
 Срама и тоски неизлечимой
 Не дожидаться от меня мужчинам.
 Ибо даже горестный убор сей
 Помнит, что невестой Быкоборца –
 Не женой единого из многих! –
 Был надет. Да не допустят боги,
 Чтобы я забыла то, что знаю...
 Этра! Ты не веришь?» « - Спи, родная.
 Спи, дитя, под сенью звездных сонмищ...
 Все забудешь, ничего не вспомнишь.»

2011

Т Р О Я Н С К И Й Ц И К Л

1

Троя, мой цветок немногодневный,
 Раковина в радуге прибоя!
 Есть места, отравленные небом,
 Города, разбитые любовью.

Слишком сыновей твоих любили
 Боги, дочерей твоих желали
 Так, что околеем на чужбине
 Все мы, возносимые орлами

Слишком высоко для нашей воли,
 Слишком далеко от колыбели...
 Троя! На заре шакалы воют,
 Кровь волной окатывает берег.

Есть невыносимые приметы!
 Головы не вскинете, не выдав –
 Недопитый нектар Ганимеда,
 Что по смуглым жилам Приамидов

До сих пор струится... Не спасемся!
 Сила серых – доблести несметней,
 Троя, зацелованная солнцем,

Троя, опаленная бессмертьем!

Троя! На морском зеленом блюде –
Жемчуга узора, строй за строем...
Троя, никогда тебя не будет!
Ты уже не повторишься, Троя!

Небо не почтит тебя ненастьем,
Только победители в Ахайе
Будут сожалеть не утихая
О тебе, залюбленная насмерть.

Да заплачет кравчий на Олимпе
И прольется оброненный кубок
Прямо в сердце, горькое в молитве,
Прямо в сердце матери-Гекубы.

2

Губы гранатовой сладкой кровью
Тлеют во тьме. Восемнадцать весен!
Как тополек на седом утесе,
Как мотылек на отцовском троне.

Дивною тонкостью ветви царской
Тонок. Оленьим подростком – тонок!
Женскому сердцу яснее стона
Эта запретность. Не прикасаться!

Если – ресницы подняв, смиренно –
Если хотя бы коснусь глазами –
Сорок сестер обуяет ревность,
Сотни рабынь одолеет зависть.

Сорок сирен поразят очами –
Словно лучи о щиты разбились!
Сладко ли спится тебе, любимец
Женских очей на горе печали?

Не оттого, что на диво строен,
А оттого, что нескладен – дивно!
Сладко ли спится тебе, родимый?
Ровно ли бьешься ты, сердце Трои?

Жалобно чуден и чудно жалок –
Трогаешь сердце мое, детеныш!
(За руку тронуть – с запястий темных
Тонкую кожу сорвешь, пожалуй!)

Баловень! Клад за седьмой печатью!
Краденый клад, золотой, сладчайший!

Дивный напиток в запретной чаше
(Кто бы сказал, что – уже початой?)

Сладко ли спится тебе, сыночек?
Сорок сестер твоих – стать резная –
Похолодели бы, если б знали,
Г д е тебе спится сегодня ночью!

3

Час предназначенный
Пробил – и канул.
Словно бы начерно,
Сном безуханным,

Крылья простерлись
Над сонной порою:
«Спишь, моя горлица?
Гость на пороге!

За плечи радугой –
Золото лука.
Встань же – и радуйся!
Спишь ли, голубка?

Слышишь слова мои?
Час твоей крови!
Обетованная,
Встань и открой мне!

Твердь моя белая!
Кладезь моленный!
Ты ли не пела мне
Гимнов хвалебных,

Сыну Зевесову
Звонких пэанов?
Ты ль не невеста мне,
Чадо Приама?

Встань, белизна моя!
Час обещаний!
Встань – и узнай меня!»...
...Не отвечаю.

Ближе, рассветнее,
Голосом дивным:
«Слышишь ли, смертная,
Зов господина?...»

(...Очи все пасмурней,
Сердце все чаще...)

«...Слышишь ли пастыря,
Агнец мой спящий?...»

(...Слово заветно,
Ослушаться лъзя ли?...)
«...Вещей главе твоей
Я ль не хозяин?

Скалы гранитные –
Прах под ладонью!
Долго ль томить меня
Смертной страдаю

Будешь? Во сне тебя
Страстью укрою!
Внидешь в бессмертие,
Горлица Трои!

Солнце в пажы тебе
Дам и в утехы!
Страсть небожителя
Споров не терпит!

Гибель за окнами!
Рок за плечами!
Встань, темноокая...»
...Не отвечаю.

Горло зажало мне,
Стиснуло выю:
Жалобный-жалобный
Голос: «Увы мне!
Правду скажите мне,
Вещие очи:
Града отжившего
Кинуть не хочешь?

Спишь, моя бедная?
Глаз не подымешь?
Ох, и не ведал я
Смертной гордыни!

Вечной судьбы моей
Смертная гибель:
В жизни – рабыни вы,
В смерти – богини.

Встань, проводи меня!
Вместе не лечь нам!
Непобедимая
Смерть – недалече!

В буйном ристалище,
В пламени черном
Да не останешься
Неотомщенной,

В скорбной груди моей –
Раною вечной...
Встань, проводи меня,
Дщерь человечья!

Больше не встретимся!
Хоть на прощанье –
Дай рассмотреть тебя!»...
... Не отвечаю.

4

И народу ж на скандал собралось!
Ну и чудо родилось на горе!
Отряхнул Парис солому с волос,
Припожаловал Парис во дворец.

Глав по страже тут погладил усы,
Шлем подвинувши, в затылке поскреб:
Царский сын, ты говоришь? – Царский сын.
Хлебороб, ты говоришь? – Хлебороб.

- И пастух, ты говоришь? – И пастух.
Почесал себя старшой по губе:
Пастухом-то от тебя – за версту;
А вот царского в тебе – хоть убей!

Как возьмем тебя под ручки отсель,
Да во двор тебя: давай, брат, колись!
Может, вовсе и не наш ты совсем?
Может, вовсе ты совсем не Парис?

А Парис ему: - Куда без суда!
А Парис ему: - Имейте в виду!
И не очень-то хотелось сюда!
Может, вовсе я совсем не пойду!

Вот возьму и поверну себе в лес,
Вот возьму и ворочуся в село! –
А старшой ему: - Медвежья болезнь!
Уж такого тут вовек не было!

Весь дворец уже трещит от царят,
У царицы – восемнадцать родин;
Незаконных – сорок семь, говорят;
Но засранцев среди них – ты один!

Отогнал бы я тебя от ворот,
 Да ведь на смех попадешься в миру:
 Самозванцы – нетрусливый народ,
 И в шпионы, чай, таких не берут...

Почесал он себе нос: - Ну и жуть!
 Покрутил он себе ус: - Ну и жисть!
 Ну да ладно, - говорит, - доложу.
 Только там уж, - говорит, - удержишься...

5

Как образ на фреске, которую годы размоют:
 Уже не помогут ни соль, ни благие желанья.
 Уже Менелай покидает троянское взморье,
 Уже снаряжают посольство в ответ Менелаю...

А мир еще молод, а мир упоительно молод,
 И шлют пожеланья на счастье беззвучные губы,
 И женщина машет рукою с высокого мола,
 Гордясь и стесняясь едва округленной фигуры.

А дети играют у фронта белеющей пены,
 Венчают дворцы свои раковин алым раструбом, -
 И что им за дело, что где-то в далеких Микенах
 Высокая девушка щиплет задумчиво струны...

А мир уже древен, а мир так немислимо древен,
 Что вся наша повесть не стоит ресничного взмаха.
 И если бы знала ты, что ты покоишь во чреве,
 Невестка царя, молодая, как мир, Андромаха!

6

(Явление Елены)

Встала и глазами обежала
 На краю белеющей лагуны:
 Кудри – цвета нашего пожара,
 Угли, а не губы.

Встала и бровями спросила:
 Можно? Да? – и рвущаяся с места,
 Ярче белизны, синее сини
 Даль в тебе воскресла.

Встала – ярче самой синей дали,
 В белой пене, в облаке душистом...
 Ничего еще не увидали –
 Поняли: свершится.

Все, что рок тобою обозначил,

Приняли с благоговейной тишью.
Смехом или смертью, а иначе –
Как тебя опишешь?

Все, что ты когда-нибудь погубишь,
Рассказала первая же просинь...
У таких, как ты, - как у лагуны:
Жалости не просят.

Встала – и взглянула, и зарделась –
Во плоти, не мрамор, не богиня...
Ничего еще не разглядели –
Поняли: погибнем.

7

Словно искрой толпу пробило!
Словно рыбка в прибое белом!
Ай, коралловая рябина,
Беломраморная вербена!

Белый плащ – царицею соткан;
Белый лик, увенчанный солнцем...
Даже петли в доме отцовском
Подпевают тебе, красотка!

Алый рот – закату обида.
(Огневая моя рябина...)
Белый лоб – над солнцем победа!
(Снеговая моя вербена...)

На восток, на запад и север
Ветер всенощный слухи сеет:
Не пьянее свет и веселье
Красоты твоей, Поликсена!

Статуэтка работы критской,
Тонко выточенный клиночек...
И к чему мне дурное снится
На исходе короткой ночи?

Не пожар ли над кровлей отчей?
Буря... ливень... скрипенье петель...
И твои огневые очи,
И развеявшийся твой пепел...

Зарубили мою рябину,
Надломилы мою вербену...
Как бы я тебя ни любила –
Это вряд ли меняет дело.

Кончено. Прощайте, слезы девичьи.
 Мир перевернулся и застыл.
 Голову троянского царевича
 Бросили сегодня через тын.

Что же вы? Глазам своим не верите?
 Или ужас высушил глаза?
 «Может, эти люди все же нелюди?» -
 Чей-то рот трясущийся сказал.

И стояли, словно речь утратили,
 Бессловесным криком залиты,
 И не знали, как поведать матери
 Разом обескровленные рты.

И в тиши дверные петли взвизгнули,
 Хлопнули о каменную кладь...
 Чья-то дочка выскочила из дому,
 Улицу бегом пересекла

И в пыли, босая, полуголая,
 Косы по брусчатке расхлестав,
 Милую отрубленную голову
 Целовала в мертвые уста...

9

(Мать)

Птица-сон над морем плачет,
 Волны бьются в плес...
 Лучше бы тебя, мой мальчик,
 Волк лесной унес.

Бейся, море, сердце, бейся,
 Бей, моя тоска!
 Лучше б мне тебя младенцем
 До смерти заспать.

Корабли уйдут на Пилос,
 Мы – в морскую ширь...
 Мать на свете загостилась,
 Мальчик – поспешил.

Оттого и плачет пена
 Солью о гранит:
 Самый младший умер первым,
 Не с кем хоронить!

Не проторена дорога
 На могильный пир.
 Скоро будет слишком много,

Мальчик, потерпи!

Чуть бредет моя погибель,
 Не сбивая ног...
 Обогреть тебя в могиле
 Некому, сынок.

10

(Возлюбленная)

Отворите ворота, гонцы на стене отвесной!
 Ярче всяких рубинов убор на челе моем.
 Отворите ворота! Грядет к жениху невеста
 На ложницу, покрытую прахом и вороньем.

Не держите под локти. Дитя я или больная?
 Не шепчите напрасно, рукой заслоняя рты, -
 Как могли вы подумать, что я его не узнаю
 Без красы его губ, без кудрей, что ветром свиты?

Как узнаю его? По одеждам, что были белы
 Только днем, до багряной и серой на них росы;
 Как узнаю его? По кольцу, что сама надела,
 Что сорвал мародер или с пальцем отгрызли псы.

Как узнаю? Слепые! Невинным – гадать на блюдцах,
 Погружая глаза и сердца в толокняный жбан;
 Как узнаю? Да мать или сестры – и те собьются
 В счете родинок, лучше знакомых моим губам!

От стены разгляжу; от порога воскликну: «Вот он!»
 Перед богом, землю и тысячью дерзких ртов –
 Я невеста ему! Отворите скорей ворота!
 Осветите дорогу невесте в брачный чертог.

11

Ночь – как занавес; как вал;
 Ночь – и нам, и божествам –
 Занавес. От всех страстей –
 Занавес. Остались те,
 Кто не бьется и не спит...
 Каждой ночью – стук копыт.
 Звук, мешающий дышать;
 Или попросту – в ушах
 Шум? Из всех окон – в одном?
 Колесницы дальний гром,
 Оглашающий закат...
 Локсий! Локсий! Здесь не спят.

Мимо ложа из досок,

Чутким слухом – конский скак,
 Верным эхом – частый гул...
 Или попросту – в мозгу
 Голос собственных страстей?..
 Кто-то тенью возле стен
 Встал. Ни слова. Вдоль хребта –
 Жар и холод. Если б так –
 Вечность! Царства посреди –
 Вечность! Здравствуй, господин.

Час как тысячная часть
 Мига. Час – как смертный час.
 Выше нет и строже нет:
 Тишина, и в тишине –
 Ты. Безмолвием пьяны.
 Час: мгновенье тишины.
 Небываемый вовне
 Отзвук: тишина, и в ней –
 Сердце, громче чем набат...
 Локсий! Здесь твоя раба.

Легче тени вдоль стены
 Встану. Кем осуждены,
 Скажут те, кто нас мудрей.
 Локсий! Мне твоих кудрей
 Не коснуться – жар и свет!
 Локсий, мы с тобой в родстве
 Без крови и без корней.
 Локсий! Жарче, чем во мне,
 Не пылало и не жглось
 Бытие. Какую злость
 Ты разжег в твоей рабе!
 Локсий! Жарче, чем к тебе –
 Ни к кому, но этот звук
 Роковой преграды двух
 Сжатых губ не одолел.
 Локсий! Жар в моей золе,
 Господин моей души,
 Локсий, в роковой тиши
 Не коснувшийся лица
 Моего, и брат, и царь
 По несчастью, свет и ложь, -
 Господине! Узнаешь
 В горсти праха, что былъем
 Станет, - дерзкое твое
 Отраженье? Горы, льды
 Лба – гордыню из гордынь;
 Боль, которой слаще нет –
 Вдохновенье; и венец
 Одиночества в миру?
 Локсий! Вдовствуя умру.
 Ибо мнимостями чувств,

Локсий, властвовать учусь
 У единого из всех
 На Олимпе. Твой посев,
 Локсий! В мнимости лица –
 Тварь, достойная творца.

Златокудрый? Темноглавый?
 Крутолобое под лавром
 Облако – полночный сторож
 Трои! – облако, в котором
 Смертный глаз не различает
 Лица... Я – твое молчанье.
 Устилаемое мхами
 Эха – я твое дыханье,
 Плоть от пламенной кости –
 Локсий, я твое «прости»
 Городу – творенью дланей
 Собственных, твое желанье,
 Обреченное не сбыться...
 Локсий! Пусть самоубийца,
 Но, в гордыне без краев,
 Локсий, верное твое
 Детище. Прости мне, брат мой!
 Тяга, ставшая обратной,
 Тяга, женским естеством
 Слепо жаждущая «Твой»
 Услыхать во мраке ночи...
 Локсий! Локсий! Одиноче
 Бога в сумраке пространств –
 Бога смертная сестра:
 Верность. Твари Господину –
 Верность, ставшая единой –
 Цепи крепкое звено! –
 С вечностью. Из ночи в ночь,
 В тот же час и в ту же долю
 Мига – ржущее, гнедое
 Облако в моем окне...
 Храп коней твоих... И вне
 Мирозданья, вне потока
 Времени – все тот же топот
 Под окном твоей служанки...
 И ни слова. Только жаркий
 Трепет в ожиданье зова...
 Ночь – и царственный дозорный.
 И, секирой палача –
 Брызнувший рассвет. Прощай.

Завернусь в узорный саван,
 Сяду у стены.

Волосы я расчесала
Гребнем костяным.

Тонкой кистью насурьмила
Брови как стрела,
Груди тронула кармином,
Губы подвела.

Словно в час предновогодний,
Отворив сундук,
Я любовника сегодня
В ночь к себе не жду.

В первый раз за эти десять
Зим – одна зима! –
Я хотела поглядеться
На себя сама,

Без хвалы и без признаний
Суетных, чужих...
Смерть придет – и не узнаю,
Стоило ли жить!

В самом пышном облаченье
Станут хоронить –
Ожерелье и начальник,
Камни и финифть,

Разузоренные ткани –
Словно невода...
Я теперь стою – такая,
Как лежать – тогда.

В медном зеркале нечетком
Странно созерцать:
Грим, высокая прическа,
Лоб, черты лица,

Взгляд – зеленый или синий? –
Образ как чужой...
Говорят, что я красивей
Всех троянских жен.

Света белого белее,
Ярче, чем заря;
Говорят, самой Елене...
Мало ль говорят!

Посчитаемся в Аиде
Мерой и на вес!
Красоту мою – кто видел?
Ни один певец

Не прибавит бедной тени
Славы на миру,
Кроме тех, чьи песнопенья
С нами же умрут.

Незадачливый мой жребий!
Что ж ты утаил,
Как нейдет старинный гребень
К волосам моим?

Чтобы им не серебриться
Лунною тоской,
Подошел бы мне ребристый
Гребешок морской.

Вот бы девам посмеяться
В городах иных,
Что хочу не месяц ясный –
Гребень из волны!

Да цена такой любви
Нынче дорога:
Чтоб добраться до прибоя
В семистах шагах,

Не воротится обратно
Ни один из ста...
Попросить бы разве брата,
Гектора достать?

13

Смуглые, натруженные вены,
Волосы, что спутаннее вереска...
Гектор! Ты совсем обыкновенный,
Может, потому-то и не верится.

Спи, мой Гектор. Все твои поэмы
Ни одной сединки не приметили.
И на чем мы держимся, неведомо,
Вот уже почти десятилетие?

Ни земли, ни хлеба, ни руды нет –
Чистая вода на конском щавеле...
Только ты один. Твоя гордыня
И твое безбрежное отчаянье.

Спи, усталый. Тяжко развернуться
Сну под воспалившимися веками.
Доблесть – это каждая минута,
По шатрам разлеживаться некому!

Некогда менять кудрявых пленниц,
 Наживать бессмысленные пролежни...
 Битва без надежд на подкрепление
 Требует к себе свое сокровище.

Облако мое! Утес у моря!
 Жаждою и стужею не выщерблен –
 Только слово – внятное, немое –
 Каждому бойцу и каждой нищенке:

Гектор! – и от горестных объятий
 Поднимают пламенные головы;
 Гектор! – и сжимают рукояти
 Пальцы, ослабевшие от голода;

Гектор – девять лет сопротивленья!
 Девять лет – в аду таких не водится!
 Благодарны будьте не Елене
 За отвагу маленького воинства:

Если грязь не выела очес нам,
 Как морская соль на синей скатерти, -
 Значит, есть на свете голос чести:
 Глуховатый, твердый и раскатистый.

Если не взята в огне и в дыме
 Троя – то не дым, богами вобранный!
 То несокрушимая твердыня:
 У большого сына между ребрами.

14

Как взялась Фетида с мужем биться –
 Обратясь то рыбиной, то львицей...
 Лучше обернулась бы водой еще,
 Чем родить подобное чудовище!

Лучше бы двуглавого уродца
 Родила – да знал бы, что дерется –
 В океане крови глыба плоти –
 Ну, не за друзей хотя, а против

Недругов! Из мести! Ради клятвы!
 Ради той, похищенной двукратно,
 Что пожаром душу охватила...
 Словом, хоть за что-нибудь, Фетида!

Отче Посейдоне за стенами,
 Покажи, кого мы проклинали?
 Ты его на струге прилелеял!
 Где оно, проклятье, - сын Пелея?

Попусту искать на поле брани –
 У него рабыню отобрали!
 И в разгаре битвы – день-то будний –
 Под шатром – хмельного беспробудней

Спит себе герой медноколенный...
 Что ему до чести, до Елены!
 Плачь, богиня-мать в морской дубраве:
 У него рабыню отобрали!

Боги, помогите ошибиться!
 Кто Троила нашего убийца?
 Уравняв ряды безоких кровель,
 Кто до срока сердце обескровил?

Этот? – Насмехаетесь, благие?!
 Этот? – Если правда сын богини,
 Худо вы богиню пожалели!
 Дорог ей достался сын Пелея!

Мародера грудью наплатала!
 Лучше б шестилапого кентавра
 Родила – печали бы не ведал
 Мир тогда! Да лучше б людоеда

Попросту дала им в полководцы!
 Тот хоть человечьим не зовется
 Именем и матери не помнит!
 Где, в какой бессветной катакомбе,
 Как чумы, стыдясь перед другими,
 Вырастила отпрыска, богиня?

Чью руду впитали эти вены?
 Ни добро, ни зло ему неведомы –
 Смертному ублюдку светлой девы!
 Нет ему закона, кроме чрева –
 Что тебе твои морские хляби! –
 Больше Агамемнона наградил.

Славно! Полощите же в ладони,
 Боги! Локсий! Отче Посейдоне,
 Из камней выкладывавший стены
 Трои! Светлоокая Партенос,

Нас в беде покинувшая первой –
 Смейтесь! Ради этого припева
 Пелась наша песня? – Так любуйтесь!
 С тела обезглавленного бусы

Снять – должно быть, матери на счастье! –
 И с руки отрубленной – запястье

С кольцами (таскать – не перевешать!)
 Может быть, в подарок овдовевшей
 Пленнице – без злобы, шутки ради!
 Мчатся в бой, своих не разбирая,

И, не понимая, что содеял,
 Отсыпаться целые недели –
 А еще прозвали быстроногим! –
 Словно зверь во тьме своей берлоги.

Не герой с товарищами обок –
 Просто зверь, насытивший утробу,
 Зверь в крови, зловонии и славе...
 Боги, что за смерть вы нам прислали!

15

...И доколе не даст остуды
 Сердце – помните этот день.
 В этот день не случилось чуда:
 Несть чудес на земле людей.

В час, опошленный и раздутый
 Славословьями поздних царств,
 Не осилила сила духа –
 Силу сытого подлеца.

Что за тень тебя подкосила
 На пустынной той полосе?
 Ломоть хлеба, отданный сыну?
 Ночь, недоспанная за всех?

День за днем ни с кем не делимый
 Тяжкий груз – как мир на плечах?
 Столько раз прошедшая мимо,
 Смерть ударила в этот час.

За права с тобой состязаться
 У кордона лагерных стен
 Семь откормленнейших мерзавцев
 Драли горло в стане гостей,

Что ни вечер – то целый митинг,
 Побережье от них темно...
 А у нас он один! Поймите!
 Как молились мы в эту ночь!

С каждой кровли! Из каждой клетки,
 Что песок поглотил и стер!
 Как трепал покрывала ветер
 У безмолвных твоих сестер –

Словно стая парящих чаек
Над высокой скалой крыльца...
Как молились! И как молчали
Беспощадные небеса.

Как молились! В целой палитре
Наших душ, голосов и воль
Не осталось слов для молитвы
Кроме имени твоего.

О, прости нас! Слова из песни
Не заменят дому стены.
Что нам проку, что ты воскреснешь,
Если мы тебя лишены?

Что нам тот, кто расскажет где-то,
В невозможной дали клубясь,
Что в стенах Варшавского гетто
В сорок третьем встретил тебя?

Что огнем охваченный лагерь
Окропля кровью из вен,
Ты сражался на Муса-Даге
И без вести сгинул в Безье;

Что под вихрем смерти и стали,
Под дождем камней и свинца
Этот взгляд - видали в Бейтаре
Или в яме близ Тростенца;

Что повсюду, в каждом ненастье,
Чьи названья с карты смели,
Защищая бьющихся насмерть,
Ты опять вставал из земли?

Что нам правда вечного боя –
Малым сим и плачущим сим?
Нам, познавшим землю – с тобою,
Даже воздух невыносим, -

Словно губы трупа в кармине,
Словно вкус загробных монет, -
В неживом, ограбленном мире,
Где сказали: «Гектора нет».

Заклоченным всех резерваций,
Обреченным в пламени лет,
Для чего нам здесь оставаться –
На тебя лишеной земле?

Потерявшим солнечный отсвет,
Как нам жить под бременем бед?

О, прости нас! В нашем сиротстве
 Нам сейчас – страшней, чем тебе.

На войну без страха идущим,
 Не ропща на тех, что вели, -
 Нам сегодня вырвали душу
 И простерли в мертвой пыли

Под стеной, на сером и красном,
 Под кровавой маской лица...
 Все молитвы были напрасны:
 Боги скупы на чудеса.

16

Поле пыль пологом кроет,
 В поле стон – камни поют...
 Из среды стен твоих, Троя,
 Созерцаю гибель твою.

С высоты – дым неосевший –
 Пыльный столп наших молитв...
 (Из среды – значит из сердца:
 Для живых – там, где болит.)

За края порванной ткани
 Удержась, сжав до кости,
 Я люблю каждый твой камень,
 Каждый скрип, каждый настил,

Каждый дом (только ли с телом
 Разойтись – трудно в мечте?)
 Каждый спуск, каждую стену,
 Каждый куст, каждую тень,

Площадей пыльные плиты
 (Ни души – все на стене)...
 В этот час, солнцем политый,
 У вещей – тщетности нет.

Разве дом, в ужасе горбясь,
 Отступал прочь от костра?
 Есть вещей тщетная гордость
 И людей гордая страсть:

Этот дом (строили сами!)
 Этот вал (дедовский труд!)
 Как корабль под парусами,
 В этот час ждет на ветру

Гордый холм с мачтами кровель,
 Скорбных рук мачтовый лес...

Как корабль, ты, моя Троя,
Заждалась здесь, на земле.

Кто, прожив годы и годы,
Не играл в эту игру:
Как волна, к самому горлу
Подступив, давит на грудь?

Так и ты, в явственном стоне
Тишины, в свой водоем
Уходя, медленно тонешь,
Мой корабль, сердце мое,

Илион мой...

17

Наяву или бредили,
Слыша слово звучащее?
Над весовыми чашами –
Два чудовищных жребия.

Застонать бы, да некому!
Сердце в щебень размолото.
Что осталось от Гектора,
Откупаем за золото.

Под двумя покрывалами,
С оголенными венами,
Нечто страшно-кровавое,
Нечто глазу неваемое,

И по бронзовой лопасти –
Словно струи журчащие...
Что нам золото? – Лопайте!
Наклоняйтесь над чашами!

Те глашатаи быстрые
Не повытерли пот еще –
Город в очередь выстроен
До Ахиллова поприща.

Не едавшие досыта,
Опухавшие с голоду –
Что осталось от доблести,
Откупаем за золото.

Что, торговцы? Нет опыта?
Ужас алчи не вытеснил?
Что нам золото? – Прокляты
Будьте с ним, подавитесь им!

Не видали, что столько нас?
 Все запреты разорваны!
 Что осталось от стойкости,
 Откупаем за золото.

Не ручьями – потоками!
 Получайте с привесками!
 Руки девичьи тонкие,
 Руки женские, детские...

По подвалам не стариться
 Зарукавьям изогнутым!
 Что от чести осталось нам –
 Откупаем за золото.

Не спросивши, довольно ли
 (Им – считаться и горбиться!)
 От презренья и гордости,
 От всего полноводия –

Доставайте последнее!
 Выгребайте ладонями!
 Нашей славы наследие
 Оценил мирмидонянин.

.....

Чаша низко, до конца далеко –
 Отчего же ты глаза прикрыл рукой?
 Боги спят себе, и на небе тишь –
 Отчего же ты сквозь пальцы глядишь?

Отчего глаза рукою протер?
 Над потоком, что досель не иссяк,
 Это – на голову выше сестер,
 Это – голову, как факел, неся,

Шея вскинута, как мрамор – уста...
 И вот тут-то чей-то шут услужил:
 «Златоглавая, запястья оставь –
 Лучше косы на весы положи!»

... Не взглянула. Все сняла, до кольца.
 Ни слезы не уронила вослед.
 Переполнены весы твои, царь!
 Не видать тебе воды на весле...

.....

И потоками, реками,
 Со сверканием режущим –
 И дарить его некому,
 И беречь его незачем –

За кровавое месиво,
 За изломы колен его...
 Уж давно перевесила
 Чашу – чаша обменная,

Через край уже пролито!
 Подбирают горстями все!
 А то Трои, от Трои-то
 Вереница все тянется...

И щиты ваши прорваны,
 И мешки ваши лопнули –
 Не видали подобной вы
 Тризны, дети Пелоповы?

Не построили житницы
 На захваченной отмели?
 Что нам золото? Жрите все,
 Получайте, что отняли!

Не умели запрашивать
 За такое сокровище!
 Над обеими чашами
 Ни слезинки не пролито.

18

Эй, Приам, пересчитай-ка грехи:
 Али бог какой услышал мольбы?
 Ни брусочка на весах не забыв,
 Возвращает ваше злато Ахилл.

Так сказал, покуда солнце не село:
 Весь твой выкуп – за одну Поликсену!

...Но в ответ не дрогнули плечи,
 Страшный груз несущие прямо...
 Что за дело царю Приаму
 До какой-то холопией речи?

19

Спит и море, спит и Троя, спят и в лагере...
 Ночь шептались брат с сестрою – чем поладили?
 Ему – спать бы, ей – молиться, коли хочется...
 Что за дело у орлицы – с пестрым кочетом?
 Аль не выискала в Трое громче имени?
 Али вымерли герои? – То-то, вымерли.
 Кому камень, кому выстрел – стали реками...
 Знать, дошло и до Париса – больше некому!
 Доносил рассказчик-ветер, ночь ненастная,

Будто с ними кто-то третий вышел на стену...

20

Гей, Зевс, рассыпай грома!
С не - бес хохочи враскат!
Дру - гих пополам ломать –
Ме - ня по плечам ласкать!

А над берегом бьются ивы –
Ветви, лозы, Троил, Троил мой!
А с долины орлиным клетком –
Ай, гроза моя, Гектор, Гектор!

Мрак и пропасть оставя вдовам,
Обнимите без рук над домом!

Гей, смерть, попляши со мной!
Дру – гим под покров льняной!
Гей, свет, налетай волной!
Гей, шторм, расплетай руно!

Не пожар ли над кровлей отчей?
В руку золота не собрать мне! –
Ветер, крепче! Молнии, хлестче! –
За безглазое тело братне.

Хлеще, ливень! Плещи в ладони –
Для тебя пляшу, мирмидонец!
Ярче, Зевс! Хорошо ударил!
Чтоб из гавани увидали.

Гей, зверь, выходи на вой!
Гей, царь, выходи на вал!
Что – схожа с моей главой
Троилова голова?

То не пламя над стаей кровель,
То не саван, огнем объятый, -
Это выкуп тебе от Трои
За безглавое тело брата.

Два ножа тебе – в грудь и в спину:
По ножу за царского сына.
То не в гrome, а в звоне бляшек,
Мирмидонец, смерть твоя пляшет!

21

Пляшет, плачет – как под искрою трут!
Не напляшется – пока рассвело!
А поодаль, воробьем на ветру,

Меж зубцами притаился стрелок.

От дождя позатаились листы,
Поотыскивали птицы насест...
Что за тень, перелетев через тын,
По ничейной пронеслась полосе?

То ли морок огоньки показал,
То ли призрак, не мигая, глядит:
То ли волчьи, то ли песьи глаза –
Снизу вверх – на златоглавую дичь.

Так и светятся за тенью ускользающей,
И все ближе через луг – как околдованный...
Тише трепета стрелок с душонкой заячьей
Наложил стрелу холодными ладонями.

Кровь не греет, свет не светит, ночь не движется,
А над ухом кто-то третий шепчет: «Ниже цель...»

И – ввысь!
Прядай, ковыль!
Свист стрелы,
Звон тетивы.

И – шторм!
Дрогни, стена!
Слабый стон –
И тишина.

22

Вести грянули лихие –
До моря и до неба:
Правьте тризну по Ахилле,
Гости мирмидоняне!

От зари рабыни ноют
В полотняном тереме:
Отыскиали под стеною
Со стрелою в темени.

Незавидная погибель –
Не в бою, не на людях! –
Для наследника богини –
Быть в канаве найденным.

Не подменишь зад на перед,
Как не пересеивай!
Ну, а что уж там напели –
Дело Одиссеево.

.....
 Девять лет считали крысой –
 Распознали ястреба!
 Славьте храброго Париса,
 Воины троянские!

Дождались числа и часа –
 Девять лет не видели!
 С дозволения начальства
 Славьте избавителя!

И еще шептали, дескать –
 Наше дело темное! –
 Некто, обликом чудесный,
 Реял за плечом его.

Доносили – сном ли, явью –
 Звон пошел над крышами...
 Ну, а мы там не стояли,
 Мы того не слышали.

Как другие, так и все мы –
 Наше дело мирное...
 По царевну Поликсену
 Позабыли лирники.

23

Отомстила. Словно плот на мели.
 Отомстила – отзовись, не молчи!
 Не сквернит уже дыханьем земли,
 По которой твое тело тащил.

Отомстила – кабы раньше чуть-чуть!
 Ни кровинки в опустелой горсти!
 Все-то думала – тебя возвращу,
 Всех умерших воскрешу, отомстив.

Отомстила. Хоть глаза размежи!
 Отомстила – хоть привидься мельком!
 Вместо брата – окровавленный ком
 Под холстинами на чаше лежит.

Так и в память, ровно пальцем, воннут,
 Если встретимся – не спутать ни с кем:
 От меньшого – голова на тыну,
 От большого брата – кровь на песке.

Отпечатано – не смоешь водой,

Прежде прахом упадут рубежи...
 Будь ты проклята, такая юдоль –
 Видеть все это и сызнова жить!

Будь ты проклята, такая юдоль!
 Лопни донизу, скудельный сосуд!
 Все равно ведь не спасу тебя, дом –
 Слава вышним, хоть себя не спасу.

24

Троя! Светлокаменная Троя!
 Бог ли знает, кто тебя построил.
 Троя! Белоногая богиня!
 Кто не знает про твою гибель?

Как, в предошущенье новой крови,
 Золотом по бархату рисуя,
 Кудри над рядами черных кровель
 Разметала алая плясунья.

Был пожар. Виновника пожара
 Воспевать не следует, пожалуй.

Был грабеж, и смерть, и запустенье,
 И в конце осталось пепелище...
 Кто-то на судах спасенья ищет –
 Может быть, последовать за теми?

Рассказать, каких земель достигнув,
 Кровь и память расточили даром,
 Как потом до самой Палестины
 Жалкие остатки раскидало...

В стане победителя найдем ли
 Судьбы прихотливее и краше?
 Но всего гнуснее, воля ваша,
 Вспоминать о склоке мародеров,

Как звучала брань охотнорядца
 За рабынь на выжженном песке том...
 Судьбы пленниц до того воспеты,
 Что едва ли стоит повторяться.

Вызнаны не вами и не мною...
 Лишь одна осталась под стеною.

25

Не узнали? Чего скалитесь, пятитесь?

Али ботало к гортани приклеилось?
 Под курганом сном незыблемым спящего,
 Принимайте в долю сына Пелеева!

Чай, запомняли, племя братнее,
 Как на тризне моей клятвы рекой рекли?
 Пораздвиньтесь, мародеры-соратники,
 Принимайте, братья, в долю покойника!

Что ощерились-то, псы над отбросами?
 Али пришлому кусок выпускаете?
 Как до драки – приходили с упросами,
 Ка дошло до дележа – так без памяти?

Не для вас ли я дела таковы творил,
 Что за век не замолить заговорами?
 Ворон ворону, поют, глаз не выключает –
 Уступите мне мое, братья вороны!

Есть добыча между вашими станами –
 Та добыча, что на смерть обрекла меня.
 И за гробом, братья, плоть не сыта моя,
 И душа моя горит синим пламенем.

Ни земли мне, ни воды мне, ни места мне
 И мягчеет от огня камень пористый...
 Кто при жизни десять лет людоедствовал –
 После смерти ли вином успокоится?

Оттого под вами море колышется,
 Оттого корма от плеса не сдвинулась...
 Чтоб не треснула земля; чтоб не вышел я;
 Чтобы жажда моя мир не спалила весь;

Чтобы не было вам чести со славою,
 Что служил вам за Харонову денежку –
 Ту, что самая из всех златоглавая,
 Заколите на могилке, подельнички!

26

Крики чаек летят на запад –
 Панихида по теле бедном.
 Ай, вербена моя, вербена! –
 Треск огня да горелый запах.

Ай, рябина моя, рябина!
 Где они, кого ты любила?
 Мор унес и ветер рассеял
 Женихов твоих, Поликсена!

Кто же в пурпур тебя оденет?
 (Ярче пламени губы рдели...)
 Кто подаст на подносе кольца?
 (Ярче света играли косы...)

Так подхватывайте посев свой –
 Это прах бессонного сердца!
 Так развеивайте по свету –
 С ветром!

Окироэ! Где мое сердце?
 Улетело облачком серым!
 Полыхнула скошенным сеном
 Красота твоя, Поликсена!

Окироэ! Где мое солнце?
 Уплывает с пенною солью!
 Окироэ, где моя Троя?
 Где сестра моя, Окироэ?

Окироэ! Где моя ревность?
 От лучиночки загорелась,
 Улетела слава героев...
 Окироэ!

Ай, красотка, где твоя старость?
 Ни щепоточки не осталось!
 Унесло дыханьем весенним
 Легкий пепел твой, Поликсена!

27

Волны за кормой заводят танец
 (Все уйдут – но я с тобой останусь...)
 Белый след за белыми судами
 (Все покинут – я не покидаю...)

Ты стоишь легко и дышишь ровно,
 На руины глаз не поднимая.
 Как же скоро – легкая, прямая –
 Будешь ты стоять в ладье Харона!

Счастливы, кого настигнет старость!
 (Все уйдут – но я с тобой останусь...)
 Счастливы, кто знает увяданье!
 (Все покинут – я не покидаю...)

Уплывая за море и на смерть,
 Улыбаясь вдаль неистребимо,
 Маленькая женщина, сознайся,
 Ты меня хоть чуточку любила?

Ведь другого имени ночами
 Не шептали губы молодые?
 Это только юность и гордыня
 За тебя молчаньем отвечали?

Ты молчишь – и горькими устами
 Я целую отлетевший локон.
 Ты уходишь, ты уйдешь далеко –
 Корни лоз туда не прорастают...

Не оставишь веточки на память,
 Деревце со рдяными шипами!
 Не оставишь струн моей китаре,
 Чтобы о тебе не трепетали...

Следом за тобой туда не вниду –
 Вывести тебя для жизни новой:
 Боги не спускаются к Аиду,
 Это не дано нам, не дано нам...

Ни ручьи, ни камни не простонут,
 Как любил Кассандру сын Латоны!
 Ни холмы, ни реки не узнают,
 Как я хоронил тебя, родная...

Богу не дано туда спуститься,
 Богу суждена иная кара:
 Видеть обезглавленную птицей,
 Бьющейся на подступе алтарном,

Жалким окровавленным обрубком –
 Всю свою истерзанную душу!
 (До Микен далеко, ты не слушай,
 Я еще с тобой, моя голубка...)

Но как только этот день наступит,
 Но когда под свод кровавой бани,
 Улыбаясь дерзкими губами,
 Брови легкокрылые насупив,

Вступишь... Я клянусь, лица убийцы
 Не увидишь. Смертного хрипенья
 Не услышишь. Ласковой и быстрой
 Будет смерть на каменных ступенях.

Словно поцелуй коснется кожи,
 Будет утро ветреным и ярким...
 И моей улыбкою, быть может,
 Улыбнется смерть тебе, троянка.

Д О Н Ж У А Н
(скерцо)

Сцена представляет зал в доме покойного Командора, где многочисленные гранды ожидают выхода хозяйки.

Донна Анна (входя)

Я вижу цвет мадридского двора,
Опору и красу Эскуриала.
Здесь все, кого ждала и призывала.
Мое решение объявить пора.

Дон Оттавио

Мы ловим ваше слово на лету:
Кого из нас вы выбрали по праву?

Донна Анна

Меня несчастье принуждает траур
Сменить на подвенечную фату.
Десятки рук достойнейших – и вот
Не нахожу единственно желанной!

Один из грандов

Так кто же он?

Донна Анна Убийца дон Жуана

Меня своей по праву назовет.
Пока он жив – я не сменю наряд,
В котором столько дней уже скорбела!
И кто б ни пожелал увидеть в белом
Меня у родового алтаря,
Тот должен от него избавить свет.
Избавить целый свет – и эту душу!

(руку на грудь)

Клянусь – и этой клятвы не нарушу.

(пауза)

Так что же, гранды? О таком родстве
Вы не мечтали, сватаясь ко мне?
Отныне стала смерть моим приданым!

Гранды

Согласны все. – Хотя бы никогда нам
Не видеть больше света. – На коней
И в путь!

Один О донна Анна, ты одна

Средь жен и дев Испании несметных,
И если даже все заплатим смертью,
То это справедливая цена.

Дон Оттавио *(руку на грудь)*

Мы вашего наказа каждый звук
Храним вот здесь, как за стенами башен.

Донна Анна *(крестит воздух)*

Благослови Господь дороги Ваши!
Отныне ожиданием живу.

(Гранды уходят)

Дон Жуан *(впрыгивая в окно)*

Позвольте вас приветствовать!

(пауза)

Меня

Похоже, здесь не очень ожидали?
Все держат путь в неведомые дали,
И я подумал: кто же охранять
Вас будет здесь в течение ночей
И долгих дней? Охраны нет у дома,
И, может быть, сиятельная Донна
За мной пока оставит эту честь?

Донна Анна *(медленно; протягивая руку для поцелуя)*

С охотой. Подойдите.

Дон Жуан *(приближаясь)* С юных лет

Чту лишь один закон: желанье дамы...

(Вывхватив откуда-то пистолет, Анна стремительно спускает курок. Ошарашенный и оцарапанный Жуан ретируется за колонну.)

Сюрприз небезопасный и неожиданный!

Но вы лишь разрядили пистолет...

(собирается выйти)

Анна *(с улыбкой показывая еще один)*

Не утруждайтесь – есть еще второй.

Жуан *(отступая)*

А жаль! С одним бы кончилось быстрее.

Прекрасная рука меня застрелит,

Но что же будет делать ваш герой?

Анна

Какой?

Жуан Да тот, которому сейчас

Так пламенно вы руку обещали,

С такую страстью... Право, я в печали,

Что сам не в силах поиски начать!

И мне бы за дуэль с самим собой

Наградой был такой же пламень черный...

(показываясь из-за колонны)

Вы не могли бы выстрелить еще раз?

Анна

Зачем?

Жуан Чтоб не попасть, моя любовь!

Но, может быть, вы целый арсенал

Скрываете еще под кружевами?

Анна *(лучезарно)*

О, это ни к чему! Я вижу, вами

Вполне надежно я защищена.

Жуан *(выходя)*

Ах, вот как...

Анна Я бы поостереглась

На вашем месте покидать укрытье.

Жуан

Положим, хоть кому прибавит прыти

Прелестная насмешка ваших глаз.

Трагические сцены нас смешат –
Стреляйте, дона Анна!

Анна (*спокойно*) Вы все тот же.
Но вы неправы: я вас уничтожу,
Когда вы подойдете хоть на шаг.

Жуан
Вот это я уже могу понять –
Девическая самооборона.
А это значит... Это значит, Донна,
Что вы пока что любите меня.
(приближаясь)
Вы любите меня – да или нет?

Анна
Вас одного. И потому на свете
Вы не жилец.

Жуан (*с одобрением*)
Я видел пальцы эти –
Они не дрогнут, заносся стилет.
Такой я вас любил – да и сейчас,
Еще сейчас...

Анна (*играя пистолетом*)
Вот-вот, на этот случай.
Возможно, я теперь прицелюсь лучше –
Тогда уж не придется звать врача.

Жуан
Отважны, как всегда – и как всегда,
Как никогда – пленительны собою.
Кого бы удивило, что на бойню
Торопятся поклонников стада?
Три вызова на дню! Куда спешат?
С огнем в очах, как мотыльки на лампу!
К тому же, донна, до того галантны,
Что от дуэли остается шаг
До площадных подмостков... Просто жаль!
Ну, им ли обращаться с этой вещью,
(руку на эфес)
С которой мы срослись?

Анна Но вы не вечны.

Жуан
Ничто не вечно, Донна – ни кинжал,
Ни шпага – и однако же на них
Вы жизнь свою поставили вслепую.

Анна
Позатупились шпаги – ждите пулю.

Жуан
Ну, прежде поседает ваш жених
Неведомый... Бедняга! Для жены
Вы слишком хороши, моя отрада.

Анна
Однажды я глядела в пламя ада.
С тех пор мои глаза обожжены,
И чернота, что восхищает вас,

Осталась в них навек, как память встречи.
 От них погаснет золотистый вечер,
 Обуглится зеленая листва;
 Ничто – ни звездный свет, ни песни звук,
 Ни ночи опьяняющая ласка –
 Ничто не возвратит, ничто не властно
 Их возвратить живому естеству.
 Вернуть щекам умение краснеть,
 Вернуть глазам умение смеяться –
 Кто мог бы? Кто б осмелился?

Жуан Мне ясно,
 Что это значит.

Анна Это ваша смерть.
 Не от моей, так от чужой руки,
 Сейчас или на первом повороте –
 Одно я знаю точно: вы умрете,
 Мой дон Жуан, мой бедный Арлекин,
 А я, как верная Пьеретта, я
 Игрушечным кинжалом на могиле
 Себя ударю в сердце, что из пыли
 И шелкового красного тряпья
 Для кукол по дорогам и шатрам
 Сшивают белозубые цыгане,
 И занавес в лоскутном балагане
 Падет – но не поднимется с утра.

Жуан *(весело)*
 Но прежде, прежде тысячи юнцов
 И старцев, и бесчисленные франты
 Нарвутся по желанию Инфанты
(руку на эфес)
 На этот вертел. Так, в конце концов,
 Вы просто обескровите Мадрид!

Анна *(воинственный взгляд в зеркало)*
 Ну что же – переселимся в Севилью!

Жуан *(заливаясь хохотом)*
 Кого я слышу? Донна Анна, вы ли?!
 Кто вашими устами говорит?!

Анна
 Единственная воля, что влечет
 Меня по жизни, словно из могилы...

Жуан
 И все же вы убить меня не в силах –
 Иначе б вы давно сравняли счет.

Анна
 Тогда, дружок, Анны просто нет!
 Я потеряла все другие цели.

Жуан
 А я предвижу час, для вас бесценный,
 Когда, со мной покончив, наконец,
 Вы ощутите смутную тоску...
 А может быть, уже и ощутили?

Анна

Спросите кружева моей мантильи,
 Когда они влачатся по песку,
 Жуан, спросите каждый волосок
 В змеиных кольцах, каждый локон крупный
 Хотел бы одного: над вашим трупом
 Склонившись, заслонить мое лицо
 На миг и торжествующий оскал
 Прикрыть завесой черной и надменной...

Жуан

Так говорила некогда Химена.

Анна

А там – добро пожаловать, тоска!
 Когда я вас убью – а я убью
 Вас непременно – знаете и сами –
 Под нашим общим жизнеописанием
 Поставят точку.

Жуан (глухо) О, когда бы юн

Я был, как прежде, я б решился жить,
 Быть может, для тебя...

Анна Великий Боже!

Я слышу или ослышалась? Похоже,
 Вы растеряли все искусство лжи!
 Сплю или нет? Дышу или не дышу?
 Скажите, что ослышалась! Не верю,
 Чтоб дон Жуан хоть на одно мгновенье
 Заговорил как престарелый шут.
 Такие ли я слышала слова,
 Когда впервые в сеть меня ловили
 Горячечные губы, что в Севилье
 Призвали смерть, меня поцеловав?
 И голос был – как огненная нить,
 И смерть была – как порванные струны...

Жуан

Жизнь дешева, пока мы очень юны;
 Под старость – приучаемся ценить.

Анна

Ценить? – Какой солидный оборот!
 Коммерческий, весомый, как по смете...
 Я вас ждала, чтобы уйти в бессмертье,
 А надо было гнать вас от ворот,
 Как обнаглевшего ростовщика
 С его коммерческими словесами...
 И это – дон Жуан?

Жуан (уязвлен) Судите сами.

Анна

Вот эта пожелтевшая щека,
 Вот этих губ накрашенная щель,
 Вот этот взгляд – пустой, без выраженья...
 Я этому не верю.

Жуан (вне себя) Неужели?

А вас-то пощадил закон вещей?
 Когда бы не боялся утомить,

Напомнил бы и час, и ночь, и дату...
 Да, это он, которому когда-то
 Вы подарили счастье, mon amie!
 Скажите по-иному: вот и он,
 К кому меня влекла любовь слепая!
 Да, это он, с кем вы так низко пали...

Анна

О нет – карикатура на него!

Жуан *(с притворной иронией)*

Одних лишь крыльев лебединый шелк
 Запомнила обманутая Леда...

Анна

Тот был поэт – и страха он не ведал,
 И до брюзжания бы не снизошел.
 Вы – престарелый стряпчий, а не бог.
 Пускай его не сравнивают с вами!
 В его былых речах звучало пламя,
 А в ваших – скрежетание зубов.
 Таким ли предстоял моим очам?
 Где тот Жуан? Где растерял слова ты?
 Обычная мужская трусоватость
 Проглянула из-под поблекших чар.
 Снят петушинный бархатный берет,
 И лысина победно заблестала...
 Рука еще тверда, но сердце старо!
 Ты стар – и ты боишься умереть!
 Ты был всепожирающей душой
 И от тебя остались только мышцы.
 Ты стар – и ты любить меня боишься,
 Ты стар, ты осторожен... и смешон.

Жуан

Молчите, Анна!

Анна

Сдался так легко,
 Хотя виска не задевала проседь!
 Не смея ни любить меня, ни бросить,
 Ты кружишь возле дома, старый кот.
 А я еще во все колокола
 Звонить велела, двери отпирая...
(бросает пистолет)
 Да я ударом рук не замараю!
 Не подниму кинжала со стола!
 А я еще мечтала...

Жуан *(в ярости)* Замолчи!

Анна *(заливаясь хохотом)*

А я в мечтах рвала тебя на части!
 Да ты умрешь от старости, несчастный,
 Несчастнейший из всех земных мужчин!
 И этот размалеванный паяц
 Был демоном Севильи смуглолицым!

Жуан

Молчи!

Анна Не стану!

Жуан Анна! Дьяволица!

Молчи!

Анна Нет мочи!

Жуан *(хватая ее пистолет)*

Так умри, смеясь!

Выстрел.

Анна *(задыхаясь)*

Вот это месть! Живи или умри –

Теперь твой жребий никому не дорог.

Сегодня... превратился в Командора

Мой дон Жуан. Оставь... меня, старик.

(умирает)

Жуан один. Из глубины зеркала смотрит на него стареющий Командор.

Занавес.

1995

ТРИ ПОЭМЫ О РОБИН ГУДЕ

1

Кому сказывать досуг,
Кому петь не миновать –
Мала мельница в лесу,
Веселые жернова.

Много в старости седин –
То ли годы, то ль мука...
Стар на мельнице один,
Два у мельника сынка.

Две зеницы у очей,
Две опоры у ворот,
Как посмотрятся в ручей –
Воду оторопь берет!

Одна в поле борозда,
Один пахарь-коновод;
Одного птенцы гнезда,
Да пера не одного!

Один – будни, другой – сон,
Сладость горькая...
Один в батюшку лицом,
А другой в кого?

Один – правильный посев,
Другой – дикая лоза;
Один – парень, как и все,
Другой – сказом не сказать...

Али материн грешок?

Али рыцарский приплод?
 Один – к мельнице душой,
 Другой – черт не разберет...

Знай лишь по лесу бродить,
 Когти снашивать...
 И стоит-то, и глядит
 Не по-нашему!

А он был прям, как деревцо, -
 Все травы льнут к ногам! –
 Не мельник был его отцом,
 Не рыцарь, не цыган –

Его нашли в густом лесу,
 Как птиц и как лисят.
 Откроет только Страшный Суд,
 Откуда он взялся!

Ни Бог, ни поп, ни черт, ни лорд
 Не смогут известить,
 Звалось ли «Локсли» то село,
 Где поп его крестил,

И был ли он, гроза ночей,
 Крещен в простой воде...
 Он от рожденья был – ничей,
 Он родился – везде;

Зато на зов его, на взгляд
 Стрелой срывались с мест –
 Лететь за ним в огонь и в ад –
 Не только Мук, молочный брат,
 Но вся шпана окрест.

Он шел по свету, их восторг,
 Как легкий плащ, неся,
 Он был как все – и как никто,
 Он Робинот звался!

Лесной ли дух, земной ли тать
 Учил его читать
 Все партитуры певчих стай
 С зеленого листа?

Лесной ли дух, земной ли тать
 Оставил эту статью,
 И поступь – легче всех ветров –
 Какая дарит кровь?

Ни там, ни здесь, ни встарь, ни днесь,

Во веки всех веков
 Никто не знал таких чудес.
 Откроет только Судный день,
 Откуда он такой!

Зато куда бы он ни шел –
 Все птицы пели вслед,
 Все травы ластились, как шелк...
 Так вырос Робин Капюшон –
 Один на всей земле.

«Стены бы не влажные, да нары не жестки –
 Много было б чести для нас, горемык!
 От сумы-то в Англии не убережешься –
 Как же уберечься бедняку от тюрьмы?

Спину заломило, да не встал на работу;
 Год неурожайный, вот и вышел должок...
 А кому не мило, а кому не любо тут –
 Погоди, привыкнешь ужо!

Кто-то грешным делом и за пьяную драку,
 Кто и за покражу, и за смертный убой...
 А кто за бродяжество – такого добра тут!...
 Вон сидит за то, что рябой!

В Англии, скажу я тебе, кто не сиделец?
 Разве что доносчик да продажный монах...
 Остальные – все тут. Не тому подрадели –
 Хочешь отпираться, хошь вини времена.

Всех в одну кутузку, словно в печку поленья,
 Будь ты хоть апостол – кому проверять?
 Вы за что с братишкой?» – «Да мы за оленя.» -
 «Ничего, парнишка, будь ловчей вдругорядь.

Пошепту скажу для твоего интересу –
 Тут таких охотников не меньше пяти...
 Чей же был олень?» – «Да из баронского лесу.» -
 «Ну, барон, тот ведомо – не любит шутить.

Это, я скажу тебе, навроде крещенья:
 Не сидел, так сядешь – об чем разговор!
 А кто увильнул да отсиделся по щелям –
 Тот и есть первейший мошенник и вор.

Главное – не рыпаться. Дело привычки:
 Так или за дело, а сидеть будем все.
 Если даже рыцари, да что там – сам Ричард!
 А вернется Ричард – считай, брат его сел.

Ну, чего потупился, как красная девка?
 Дух людской не нравится, а может, клопы?
 Мы тут, брат, привычные к таким посиделкам –
 Привыкай и ты, следопыт!

Горевать да брезговать – не наша причуда;
 И не по карману, да и сошка мелка...»
 А в ответ как взарится бесовским прищуром –
 Аж на полуслове проняло старика.

Удаль да гордыня, вековечные сестры!
 Кто на вас посмотрит, того черт поберет!
 «Стало быть, сиди, пока петух не снесется?
 Жди, покуда вынесут ногами вперед?

Что ж, кому по нраву, с теми спорить не стану –
 Ждите, пока можете, а мне недосуг.
 У кого тут есть еще душа под кафтаном –
 Нынче заночуем в лесу!»

И на эту речь неровным строем
 К стенам подались настороженно...
 Но из темноты уже к чужому
 Без раздумья выступили трое:

Сразу видно, ни жены, ни пашни,
 Ни одра, ни печки, ни лежанки!
 Шалый сброд, рубашка нараспашку,
 Шкуры на спине, и той не жалко,

Из таких, что негде ставить клейма,
 Род и племя никому не ведом...
 И один с рожденья звался Клемом,
 А второму имя было Эдам;

Ну, а третий... Отчего сдавило
 Горло? – Что за детские вопросы!
 Оттого, что третий звался просто:
 Статли, Виллом.

До поры такого в яме
 Не водилось ни за кем:
 Белый свет вровень с краями
 И решетка на замке.

И достать-то вроде нечем –
 Еле светится огонь...
 Глядь – один подставил плечи,
 Руки вытянул другой...

Как сумели уместиться –
 Это спрашивай у них!

А вожак взметнулся птицей,
 На вершине очутился
 И к окошечку приник.

Скарб валялся на помосте,
 Выли смертники в дыре,
 Сторожа играли в кости,
 Дрых привратник у дверей...

Руки, шибче! Сердце, тише!
 Кровь приливами у щек!
 “Что-то дремлетя, братишки, -
 Али выпить бы еще?”

И не лязгнула решетка,
 И замок не громыхнул...
 “ – Что там слышно? – То ли шепот,
 То ли молятся ко сну...”

Коли правда припекло их –
 Наше дело сторона.
 Ой, ребята, в сон-то клонит,
 Так под лавку и хоронит...
 Хоть совсем не вспоминай!”

Не от матери-воровки,
 Не от прадедов-цыган –
 Десять пальцев тонких, ловких,
 И замочная дуга.

Дело, спорься! Смерть, не скалься!
 Не состаришься в тюрьме!
 Десять пальцев, десять пальцев –
 Богоданный инструмент!

Будь ты Цезарь, будь ты плотник –
 Не сидеть тебе в плену!
 А веревка из лохмотьев –
 Дело нескольких минут...

...Отдохнув от будней ратных –
 Тут и кошке не сбежать! –
 Спит тюремщик, спит привратник,
 Мирно дрыхнут сторожа...

Отомкнув засов толстенный,
 Легче тени сквозь кусты –
 Через стену! Через стену!
 Через стену, через тын!

Поутру – замок с решетки сорван,
 Стража в путах, некого к ответу!

И прозвание “Отомкни-засовы”
От тюрьмы к тюрьме пошло, как ветром.

А потом разнес народный гений
Уж такое, что и слушать дико:
Дескать, объявился в Ноттингеме
Некто по прозванию Невидимка...

Словом, замололи языками –
Чудеса посыпались как градом.
Как тут быть? Назначили награду,
Хоть и пустяковую покамест.

Привечай жильцов, зеленый Шервуд!
Так они в лесу и оказались:
Парень с соколиными глазами
Да еще четыре оглашенных.

Ветер не отыщет их на воле –
Людам и подавно не угнаться!...
...Было вожаку всего пятнадцать.
Было остальным немногим боле.

2

Ой, ночь густа –
Ни глазка, ни звездочки...
Не спи, привстань,
Чья беда и слезы чьи!

Ой, был купец –
Куда силы делися?
О-дин как перст
Усебя на мельнице.

Ой, тянет в сон –
Вертится колесо,
Ой, тянет вниз –
По-пробуй, распрямись...

Вста-вай с печи –
Лютым голосом кричи!
О-гонь трещит –
Скачут факелы в ночи!

Вста-вай, седой –
На запруду за водой!
Вста-вай, старик –
Беда, мельница горит!

Ой, стар – не хитер –

Кто же двери-то припер?
 Ой, стара голова –
 Пропадать не миновать...

Четыре стены,
 Взор от дыма заститя...
 Ой, где ж вы, сыны,
 Два сынка глазастые!

Такую свечу
 Справил в даль далекую!
 Аль сердце-вещун
 Ни разка не екнуло?...

...Ровно кто-то - за плечо среди ночи,
 Ровно сполохом по жилам набатным, -
 Тихим шорохом над ухом: “Сыночек!”-
 Ровно колокол над ухом бабахнул.

Ровно пламенем смело паутинку,
 Ровно вихрем отнесло покрывало,
 Ровно сна в очах вовек не бывало –
 В пол-дыханья на ногах очутился.

Каждой жилочкой дрожа, каждой порой,
 И неведомо, и Бог весть откуда...
 “Мук, братишка, заспались мы не впору,
 Подымайся, брат, на мельнице худо!”

Галоп ветвей, набат в груди,
 Ночная тьма – вдогон.
 - Эй, Робин, что там впереди?
 Как будто бы – огонь?

Но сброшен страх, оставлен страх,
 Молитвам свой черед!
 “- То дровосеки у костра.
 Вперед, малыш, вперед!”

А путь летит, а страх растет,
 Из жил свивая жгут...
 - Нет, Робин, это не костер!
 “- Должно быть, траву жгут.”

- Но как же, брат, не время, брат,
 Не осень на дворе!
 “- Так то торфяники горят”, -
 В губах ответ, в груди набат, -
 “Скорей, малыш, скорей!”

Все ближе путь, все тяжче вдох,
 Все ближе гром беды!
 - Ах, Робин, Робин, близок дом!
 Ах, Робин, горек дым!

Ах, Робин, Робин, дай вздохнуть –
 Последний поворот!...
 ...Но дорог миг, но близок путь,
 Хрипит измученная грудь:
 “Вперед, малыш, вперед!”

И с поворота, на бегу,
 Вам было суждено
 Изведать больше, чем беду,
 И горше, чем вино,

Испить до дна. Такой удар
 Равняет все года!
 Глаза, такое увидав,
 Погаснуть навсегда

Должны бы. Если там, внутри,
 Не сталь и не скала, -
 То грудь, издав подобный крик,
 Порваться пополам

Должна бы. Длань какой вдовы,
 Какого палача
 Тебя оставила в живых
 В тот непроглядный час?

Наградой никаких трудов
 Не будь, судьба моя:
 Увидеть с поворота в дол,
 Как догорает отчий дом
 В лощине у ручья.

Увидеть – и не улететь
 За ним до самых туч!
 И страшный крик:” – Отец! – Отец!”
 Два раза вспарывая тень,
 Уходит в темноту.

Глаза, как угли, горячи
 Под судорогой век...
 И ты кричишь, кричишь, кричишь,
 Покуда мрак черней ночи
 Нисходит к голове.

К тебе вернулся жизни ток
 Среди знакомых крон.

И ты спросил у брата: "Кто?"
И Мук сказал: "Барон."

Чуть шевелящийся язык
Был холоден и дик...
Но ты не пролил ни слезы,
Прижав его к груди.

И что-то зрело до поры,
Как слово, как пароль,
Как пламенеющий нарыв
Под черепной корой,

Как яд, разлившийся в крови,
Как ржавчина на ржи...
Молчали все. И первым Вилл
Сказал: "Ему не жить."

Ни суд, ни милость не даны
Тебе, - закон гласит.
Но есть святой закон войны –
Закон для малых сих,

Закон последнего из прав,
Попранных испокон, -
Закон сохи и топора,
Стрелы твоей закон,

Закон, пылающий огнем
Под траурной золой,
Закон от разоренных гнезд,
Отчаянных голов,

Закон Давида и пращи
Во веки всех веков,
Закон берущихся за щит
Израненной рукой,

Закон, на пепле всех руин
Вздымающий главу, -
Закон, что именем твоим
Однажды назовут.

И, словно сорок лет легли
На два худых плеча,
Ты молча поднял лук с земли
И молча взял колчан.

И, с той же волчьей худобой,
Бесшумные, как ртуть,
Четыре тени за тобой

Шагнули в темноту.

И не проглянула луна
 Ни разу в свой проем...
 А ночь была пьяным-пьяна,
 А ночь была черным-черна –
 Как на сердце твоём.

Бывает тишь перед грозой –
 Она всего густей.
 Над Ноттингемом как дозор –
 Верхи баронских стен.

Но в эту полночь тьма цвела
 Могильною травой...
 Пропела первая стрела,
 И рухнул часовой.

В зубец стены вонзился крюк,
 Мелькнула тень – и вот
 Уже снимают десять рук
 Засовы у ворот.

И как положено, во тьме,
 В час страсти и суда,
 В баронский дом вступила месть,
 Как тать и государь,

Под скрежет каменных опор,
 Под гул и дрожь моста,
 Вошла невидимой стопой
 И воцарилась там.

И, потревоженной главой
 Встряхнувши от толчка,
 Барон увидел приговор
 В нацеленных зрачках;

И ведом только лишь стене
 Его последний всхлип...
 И пять неслышимых теней
 Во тьме его несли.

А ночь звенела и ждала,
 Кусая удила;
 А ночь расплавилась дотла –
 Как кровь, текла; как смоль, текла;
 Но честь была белым-бела –
 Как белый плат, была.

Сплетня город, как ворона,
Облетела к ужину:
Ноттингемского барона
В петле обнаружили!

До чего народ бедовый,
Сто чертей бы в рот ему...
Возле собственного дома,
Прямо над воротами!

Конопляный шарф намотан
На башку баронову,
И углем во все ворота,
Черным по беленому:

“Всем любителям поджогов –
От беспштанной погани:
Хочешь жить – не трожь чужого,
Чтоб тебя не трогали!”

И в каких такое странах,
И когда ж, и где ж это –
Кто ж баронов, как баранов,
На деревьях вешал-то?

Вон, качается, родимый,
На ветру, что деревце!
Ой, сограждане-людьны,
Что на свете дается!

А слушок пошел-пошел уж
Въедливее извести:
Человека в капюшоне
Видели поблизости.

В городке богоспасимом,
На квашне замешанном,
Завелась нечиста сила,
Что-то вроде лешего...

И еще пошло шептанье
От хибары к терему:
Трех парней не досчитались
По цехам артельные.

Самы, сказывают, те, мол,
Те, что хуже язвы, мол...
А кого ловить – неведемо:
Имени не названо.

Постель тебе – лист,
 Дом – хоромы до неба;
 Ешь, пей, веселись,
 Молодость бедовая!

Полны закрома!
 Что ручей – то кубок!
 Зе-леная масть,
 Розовые губы.

Эх, жизнь задалась,
 Князь ты мой дорожный!
 Бе-совская власть,
 Вольная таможня.

Хоть чиновный, хоть военный, хоть барин –
 В полминуты от поклажи избавим!

Двадцать лучников – и каждый при деле,
 Каждый телом за тебя и душою...
 И идет себе в обход по владеньям
 Князь древесный – человек в капюшоне.

Рог серебряный на тонкой цепочке,
 Поступь легкая да лук за плечами...
 Только птицы – перелетная почта –
 Короля на всем пути величали.

На сто речей
 Разных, голосистых:
 Ты – чей? Ты – чей? –
 Флейты, лютня, сестры.

Весь лес, вся трава,
 Все лесные пажити...
 Да ваш я, ваш –
 Не признали, скажете?

Смешали? – С кем?
 Не признали? – Бросьте!...
 ...Тропа – к реке;
 Через реку – мостик.

Сно-пы лучей!
 В шелесте и в щебете:
 Ты – чей? Ты – чей? –
 Ваш я – и ничей еще!

Речные струи,
 Дождевые радуги...
 Я – ваш, вы – мои,

Третьего не надобно!

Все горы – с плеч,
Чудо-колыбельная!
А из лесу встречу,
А с другого берега....

- И ни друга, и ни дома -
Не с кем горе горевать!
Голова моя бедова,
Горемыка-голова.

И в плечах-то вроде сажень,
Да присажена к плечам
Голова-моя-пропажа,
Погремок для палача!

Ни зима тебе, ни осень -
Хоть бы разом в полынью!
Как земля еще выносит
Буйну голову мою?

Что ни скажут - в ус не дую,
Не согнусь на полвершка.
Голова моя-ты-дура,
Непоклонная башка!

Ни те барин не хозяин,
Ни монахи не закон -
Каково тебе, раззяве,
С эким дурнем-языком?

Да язык еще полхуда,
Каб не уши выше лба:
Кулачищи-то по пуду
У господнего раба!

И ни лорда, и ни черта
Даже в детстве не робел,
Видно, кончить мне с почетом:
На осиновом столбе.

Видно, путь до той осины
И сейчас коротковат...
Голова-моя-трясина,
Горемыка-голова!

Кто под стрехой голубиной,
Кто при теплом очаге,
Только мы сам-друг с дубиной
По дороге в Ноттингем.

И суму наполнить нечем
 Будет парню к январю...
 Ох, кого-то нынче встречу!
 Ох, чего-то натворю!

Разлетелись пестрой дробью
 Птичьи гости;
 Смотрят двое исподлобья
 Через мостик.

Речка голос затаила,
 К дну припала...
 Запришептывали ивы:
 Ну и пара!

Глянь из-под горсти,
 Да не перепутай!
 Тот – футов шести,
 Этот – семи футов!

Гля-ди веселей,
 Не побит, не съеден!
 О-дин как олень,
 А другой – с медведя!

Вода – не вода,
 Дрема или сплетня?
 Та-ких не видал,
 Лес тысячелетний!

Доска – не доска:
 Ножевое лезвие!
 Ой, стежка узка
 Над рекою резвою!

Как строчка – пунктир
 Надвое разложится?
 Дво-им перейти –
 Никакой возможности!

Не мост, а тупик –
 Тоньше, чем ресница!
 Ко-му уступить?
 Кому потесниться?

Переклинило куму у порога!
 «Дай дорогу!», - а кому «дай дорогу»?
 Коротенек через речку мосточек!
 « – Как зовут тебя?» - а тот: «Кто как хочет!»

Еле-еле двадцать лет – по усам-то!

« – Чей же будешь?» – а в ответ: «А ты сам кто?»
 Был покой тебе сердечный, да где он?
 « – Сам-то здешний?» – «А тебе что за дело?»

Во-прос для души -
 Помогите, братцы!
 Ни-как не решить,
 Ежли не подраться!

Не ты и не я –
 Нрав наш голубиный!
 О-дин нам судья –
 Честная дубина!

Во-прос не прост –
 Не пустая здравица:
 Ко-му через мост
 Первым перепавиться.

Кинуть жребий – ни гроша, ни червонца!
 « - Подеремся, что ли, гость?» – «Подеремся!»

На Север, Запад и Восток,
 Кругом, за веком век,
 Стремятся тысячи мостов
 Над тысячами рек.

И каждый свой почетный лист
 Имеет в Книге Книг...
 На них сражения велись,
 И Бог спектакли без кулис
 Разыгрывал на них.

Но не сравнят ни пушек гром,
 Ни смелый лязг мечей
 С полуобтесанным бревном
 Через лесной ручей,

Где вместо всех подлунных царств
 Царило пенье птиц,
 Где не сумели два юнца
 Однажды разойтись,

Где первый раз две пары глаз
 Сошлись глаза в глаза...
 Там не оспаривали власть,
 Но там легенда родилась
 Лет восемьсот назад.

Века уходят далеко,
 Давая крен земле.
 Ручей, быть может, стал рекой,

А может – обмелел;

И сгнил до щепочки давно
Тот мостик дровяной...
Но до сих пор передо мной –
Всегда передо мной,

Под сумасшедший перестук
Их боевых забав –
И мост, и драка на мосту,
И хохот, и труба,

И всплеск воды, и новый всплеск
Со скользкого бревна...
Их слишком мало, этих мест,
Но даже деревянный крест,
Ей-богу, не цена –

Ни даже тысячная часть
Цены за этот плес,
За плеск ручья, за блеск луча,
За бой на дровяных мечах,
За этот мост, за этот час,
За все, что он принес...

...Плащ наземь сбрось,
Тул к суку приладили...
От-куда гость?
Экая громадина!

Сошлись грудь в грудь –
Гнитесь, буки-ясени!
От-куда, друг?
Экая орясина!

В целой Англии не видели чище –
Ровно башня из господских хоромин!
Голова ему твоя – по плечище;
Поздороваешься – шапку уронишь!

Не-ровен час –
Ни скамьи, ни лестницы!
На тех плечах
Целый полк уместится!

Ма-хнет с душой –
Спьяну ли, стрезва ли, -
Аж свист пошел –
Поминай, как звали!

Пригнись! – Ни в жисть! –
Град быстрее дробы.

Держись! Держись,
Робин, Робин, Робин!

Бро-сай игру!
Не слабак, не хилый...
От-куда вдруг
Экая махина?

А дубина его – правда ли, сны ли? –
Кабы мостика-доски не тяжеле!
Ой вы шервудские дебри лесные,
Не видали вы такого сраженья!

Ровно в шутку, выше маковки метит:
Вровень собственной башке крутолобой.
И такой идет над мостиком ветер –
На ногах и удержаться не пробуй!

Тре-щит мосток:
Груз не по одежке!
« - Сда-вайся!» – тот;
Этот: « - Не дожدهшься!»

В клу-бок сплелись,
Грудь теснее груди.
Ди-вись! Дивись,
Все честные люди!

Близь в близь, горсть в горсть –
Затрещали кости...
« - Сда-вайся!» – гость;
Робин: « - Не таковский!»

Дро-жит листва
Вдоль ручьево́й пристани...
« - Сда-вайся, хват!
Все равно не выстоишь!»

Пле-чо в плечо,
Палки измочалены...
« - Сда-вайся, черт!
Экий ты отчаянный!

Не жди добра!
Кончится несчастливо!
Сда-вайся, брат!
Косточки трещат уже!

Мах-ну сплеча –
Прошевай, душа твоя!» –
...Молчит смельчак
Над доскою шаткою.

Уз-ка тахта,
Жесткая простынка!
А тот: « – Ах, так?!
Ну тогда остынь-ка!»

...Удар в плече –
Что твое копыто!
Ны-ряй в ручей,
Вольный следопыт мой!

Плы-ви в воде –
С плавниками, с ветками!
А тот: « – Ты где?» –
Перегнувшись вслед тебе.

А тот: « - Вернись!» –
Да в речное кружево,
Да с моста – вниз,
Свой трофей выуживать!

Что ж вы, птицы, не запомнили дату?
Что ж вы, ивы, не заметили место?
Вылез на берег мокрее ондатры
Вольный йомен из шервудского леса.

Лет семнадцать побродивши по свету,
Не терял еще земли под ногою!
А над лесом все разносится: «Где ты?»
А над речкою: «Ой, горе мне, горе!

И зачем ты меня, мать, отпустила!
Ох, доплачется по мне конопля-то!
Доигрался со своей хворостиной –
Загубил живую душу, проклятый!

Ти-ха листва,
Не расскажет дерево...
Ой, парень-хват,
Что же мы наделали?

Сда-вило грудь,
Руки-ноги предали...
Ой, ми-лый друг,
Как зовут, не ведаю...»

Зазвенело тут по соснам высоким,
Разлилось по-над водою приливом,
Раскатилось ветерком по осоке,
Зашуршало по кустам шаловливым,

Загудело, точно вешняя вьюга,

Словно шалая гроза среди лета;
И на этого на «милого друга»
То ли эхом, то ли вместо ответа,

Позамешкавшись ни мало, ни много, -
Надо ж вытрясти песок да водицу! –
От раската королевского рога
На сто миль дремучий лес пробудился.

И, уже напротив пришлого стоя,
Бросил с берега: «Дурак, чего ждешь-то?
Уж пора бы докумекаться, кто я,
Коли сразу не признал по одежке!»

Помутился небосвод бирюзовый
Словно в зеркале, в речушке журчащей –
То на звуки атаманского зова
Вся команда привалила из чащи.

Рвань лесная, всем картинам – картина,
Глаз насмешливый, котомка пустая –
Из опасности спастись побратима
Налетела соколиная стая.

На отчаянных плечах – капюшоны;
В растревоженных очах – половодье...
Налетели – и глядят на старшего
Да на пришлого глаза переводят.

Глядь – один среди реки, точно камень,
А с другого ил ручьем так и льется!
И промолвил: «Что за птица такая?»
Вильям Статли, вестовой полководца.

И, расстегивая мокрый до нити
Пол-кафтан полугосподского кроя,
Отвечал начальник пастве: «Воитель.
Вишь, какое мне купанье устроил?»

Те нахмурились, ключом закипая, -
Кулаки едва не до крови сжаты, -
«Ну, уж мы его сейчас искупаем...»
« – Только троньте», - отозвался вожатый.

А потом – слыхала братья лесная, -
Выливая сапоги по три пуда,
Буркнул пришлому: «Айда, что ли, с нами –
После боя просушиться не худо.»

Тот из речки – стала мелкою речка!
На вершок упала гладь водяная!
И едва-едва обретши дар речи,

Ажно головы назад загиная, -

« - Как зовут-то тебя, гость береженный?
За кого читаем нынче молитвы?»
« – Нарекли меня по батюшке Джоном,
А по прозвищу мы пишемся Литтлы.»

Вся ватага так и села на месте!
Ай да имечко, брательник родимый!
И промолвил тут: «Сейчас перекрестим!»
Вильям Статли, записной заводила.

Перемолвились над звонкой речонкой,
Перефыркнулись, потряхнув волосами,
И спросили: «Вилл, а как наречем-то?»
Что ответил он?...

...Да знаете сами.
1998 – 2003

ЛЕГЕНДА О ВИС И РАМИНЕ
(по мотивам грузинского народного эпоса)

Действующие лица:

Пахпур Джорджанели, рассказчик
Моабад, шах хорасанский и хорезмский
Зард, его побочный брат и визирь
Рамин, его младший брат и наследник
Шахро, царица страны Махи
Виро, ее сын
Вис, ее дочь
Кормилица Вис
Гуль, дочь наместника Рафеда
Мальчик, уличный торговец фиалками
Слуги, приближенные и невольницы Моабада

Пахпур Джорджанели

Вы хотите услышать песнь? Ей тысяча лет
И она стара, как вино, на моих губах:
В незапамятном веке в персидской славной земле
Жил могучий владыка по имени Моабад.
Моабад выходит и становится у рампы лицом к зрителям
Был он грозен в бою, был охоч до пышных пиров,
И на званом пиру однажды – так говорят –
Повстречал жемчужину жен, царицу Шахро,
Шахро выходит и становится напротив Моабада
Дочь царей и жену Кайрана, тоже царя.
И сказал: «Ты меня пленила, роза мечты!
Увлекли мою душу ресниц твоих невода!
О царица красавиц, уж если замужем ты,
То по крайней мере хоть дочь за меня отдай!»

И она улыбнулась, затмив сияние дня,
 Подняла свою бровь, словно шелковую пращу,
 И сказала: «Владыка, нет дочери у меня!
 Но уж если родится, то я тебя извещу».
 Вот прошло уже больше лет, чем сказано слов,
 Вот уже и тринадцатый год над землей навис...
 И второе солнце в тот год над землей взошло:
 Родилась у царицы дочь по имени Вис.

Вис выходит и становится к рампе

И клонилась трава, чтоб следы ее целовать,
 И цветы расцветали пышней от касанья рук...
 И забыла Шахро опрометчивые слова,
 Что когда-то сказала шаху там, на пиру.
 Но, на этом пиру с нерожденною обручась,
 Не забыл Моабад, в ожиданье ставший седым:
 Тридцать лет он за часом отсчитывал каждый час,
 Тридцать лет выжидал он зенита своей звезды.
 Вот уже миновала зима, весна расцвела,
 Вот уже несравненной пошел семнадцатый год...
 Был сверкающий день не яснее ее чела,
 Горный ветер не легче крылатых ее шагов.
 И задумалась мать: кто достоин такой красы?
 Где найдется такой награде равный герой?
 И пришел на ум ей лишь только собственный сын,
 Старший брат Вечерней Звезды, красавец Виро.

Виро выходит и становится рядом с Вис

И сказала она: «Будет дочерью мне сноха
 И воистину будет мне сыном желанный зять!»
 И, в подобных словах не найдя ни тени греха,
 Муж и сын согласились – язычники, что с них взять!
 И, готовясь к великому празднеству и пирам,
 Ни Шахро, ни Кайран не гадали, что впереди...
 Но услышал об этом в далекой стране Морав
 Моабад – и стеснилось сердце в шахской груди.

Все актеры, кроме Шахро, уходят

Входит Зард

Зард

Я проехал пол-Хорасана и весь Хойстан.
 Я летел, точно буря, что шла за мной по пятам.
 Я посланцем вступаю под сей благодатный кров...
 Где жемчужина дольных земель – госпожа Шахро?
 Ей, усладе очей и владычице здешних мест
 Повелитель и брат мой приветствие шлет в письме.

Письмо Моабада

Будь здорова многие лета, светоч дневной!
 Пусть счастливая весть прилетит ко мне соловьем!
 Я послал караван за обещанной мне женой,
 Что на свет тобой рождена на счастье мое.
 Как ковры, к ее легким стопам расстелю края
 Хорасан и Хорезм, и трижды славный Ирак.

До рожденья была мне обещана дочь твоя –
 Или нынче забыто все то, что было вчера?
 Или клятва в твоей душе успела истлеть?
 Или ждал понапрасну я целые тридцать лет?
 Или жатву мою собирать не пришла пора?
 Или гнев Моабада без страха встретит Кайран?

Зард

Я не ведаю, долгий ли путь мне глаза слепит,
 Или очи от старости стали не без греха?
 Госпожа, здесь похоже в разгаре свадебный пир –
 Не забыла ли ты на него позвать жениха?
 Отвечай мне, если как прежде, сердцем пряма!

Вис (*войдя, после паузы*)

Отчего так печальна моя госпожа и мать?
 Что за гость решил моей свадьбе честь оказать?

Зард

Я визирь венценосного брата, мне имя Зард,
 Я пришел за тобою.

Вис

Блаженна моя судьба.

Так меня пожелал поздравить шах Моабад?

Зард

Не такое здесь ждали увидеть мои глаза,
 И не этой бы свадьбе обрадовалась душа.
 Не посыльным, а сватом прислал меня шахиншах –
 Ты обещана в жены ему тридцать лет назад.

Вис

Вот неведомо откуда пришла на меня печаль!
 Тридцать лет назад! Это сколько ж ему сейчас?
 Ведь тебе серебрят седина украшенья щек!

Зард

Разве в юности сила мужа?

Вис

В чем же еще?

И деревья могучи, покуда срок не иссяк!
 Сколько лет ему? Сорок? Семьдесят?

Зард

Шестьдесят.

Вис (*всплеснув руками*)

Чтобы я, да ступила ногой на такой корабль!
 Шесть десятков лет! О душе подумать пора!
 У меня есть Виро, мы с ним – единая кровь!
 Неужели бросить его, расстаться с Шахро
 И поехать с тобой в никому неведомую даль?

Зард

Половиной мира владеет мой государь.

Вис

На здоровье ему! Пока со мною Виро,
 Мне ни в дар, ни в придачу не надо прочих миров.

Зард

Моабад городами играет, как в тавлеи.

Вис

А у брата ресницы такие же, как мои,
 И ни прядки серебряной нет у него в кудрях!

Зард

Нет владыки богаче его.

Вис

Ты приехал зря.

Зард

Не к добру ты смеешься, Сверкающая Звезда!
Страшен гнев Моабада.

Вис

Посланец, ты опоздал.

Разве ты, подъезжая еще к подножию стен,
Не слышал этой музыки? Видишь этих гостей?
Разве принято шахам высватывать жен чужих?

Зард (*уходя*)

Ну, до брачной ночи вам надо еще дожить.

Лагерь Моабада. Входят с разных сторон Моабад и Зард.

Моабад

Кем вернулся ты, брат? Каково у правды лицо?
Ты по-прежнему лев, или будешь юлить лисой?
Ты мрачнее грозы. Или это сон наяву?

Зард

Черный ворон я, брат мой. Позором меня зовут.
Приготовься услышать и гневом сердце скрепи,
Чтоб земля содрогнулась и гул пошел по горам:
На помолвку я шел, а попал на свадебный пир –
Солнцеликую деву за брата отдал Кайран.
И рекою там льется вино, и всюду цветы,
И цветами сейчас убирают брачный альков...

Моабад

Наготове ли войско? Не станем ждать темноты,
Пусть кровавую свадьбу поют во веки веков!

Пахпур Джорджанели

И войска поднялись на сражение все как один,
Бились так, как огонь; так, как сердце бьется в груди;
Бились так, как потоки срываются и поют,
Разбивая в горах ледяной последний засов...
Но случилось несчастье: погиб в неравном бою
Повелитель Кайран, благороднейший из отцов.

Плач Шахро

Горе мне! Смерть моя, отмой меня добела.

Горе мне! Проклят час, когда тебя родила.

Красоте, как пищи, надобно войн –

За твою красу я стала вдовой!

Горе мне! Я черней палача, могилы черней.

Горе мне! Проклят час, когда жить ты стала во мне.

Проклят час зачатия твоего –

За твою красу я стала вдовой!

Горе мне! Вдовья жизнь – перевернутые веса.

Горе мне! Что осталось у матери? Только сын!

У вдовы не будет иной брони –
 Боже правый, хоть сына мне сохрани!
 Горе мне! Пусть за это отсохнут мои уста!
 Горе мне! Дочь возьми, но только сына оставь!
 Как волчица, шлю этот смертный вой –
 За ее красу я стала вдовой!

Снова походный шатер. Зард и Моабад вдвоем.

Моабад

Я за правдою шел – и увяз по шею в грязи.
 Что мне делать теперь? Посоветуй, брат и визирь!
 Разве дочь и сестру отдадут убийце отца?

Зард

Не пора ли нам стать лисою, брат мой и царь?
 Напиши-ка царице. Напомним наши права,
 На ее легкомыслие спишем эту беду...
 Но в придачу к упрекам пошли такой караван,
 Чтоб от блеска сокровищ у ней захватило дух,
 Чтоб царица Шахро эту щедрость сочла за сон...
 Что не сделала сталь, то dokonчит желтый металл:
 Побойтесь отправить сына вслед за отцом
 И отдаст тебе в жены ту, о ком ты мечтал!

Хор невольниц *(по одной входя на сцену с подарками в руках)*

Сто тюков пурпурных тканей – рытый бархат и виссон.
 У кого цена такая – тот над всеми вознесен!
 В гроб с собой свое богатство не возьмешь, в конце концов –
 Сто тюков пурпурных тканей, рытый бархат и виссон!

Здесь ковры из Византии и китайские шелка –
 За кого бы так платили? Не за нас наверняка!
 Пусть жених с лица противен, но щедр его рука –
 Здесь ковры из Византии и китайские шелка!

Моабад

Все индийские алмазы в дар от пленника прими:
 Если я теряю разум, пусть теряет целый мир!
 Ты белей снегов Кавказа, ты румяней, чем кармин –
 Все индийские алмазы в дар от пленника прими!

Хор

Не мечтала ты о муже, превзошедшем все мечты?
 Океан обезжемчужен ради кос твоих густых!
 Будет сплетникам досужим, чем занять пустые рты:
 Океан обезжемчужен ради кос твоих густых!

Благовонья стран заморских – мирра, мускус и сандал –
 Род Джамшида полководца век такого не видал!
 Жениху, видать, нейдется: хоть немолод, да удал –
 Благовонья стран заморских, мирра, мускус и сандал!

Моабад

Аравийских аргамаков три отборных табуна –
 Если сердце ставлю на кон, то рука моя полна.
 Пусть для брата будут знаком, что окончена война
 Аравийских аргамаков три отборных табуна.

Хор

Три верблюжьих каравана с грузом слитков золотых.
 Если сердце страстью пьяно, что поможет? Только ты!

Моабад

Исцелят любую рану, проведут к тебе мосты
 Три верблюжьих каравана с грузом слитков золотых!

Хор

Трон властителей романских, драгоценный, как заир –
 Будь Шахро из адаманта, все равно не устоит!
 Разочтемся без жеманства, мы же все-таки свои –
 Будь Шахро из адаманта, все равно не устоит!

Пахпур Джорджанели

Уступил Моабад, и пошла его щедрость впрок,
 И смутилась Шахро, и сдалась царица Шахро
 Отдала Моабаду за этот червонный дождь
 Лучший перл на земле – свою родимую дочь.

Лагерь Моабада. Рамин со своими воинами. Входит Зард. Следом за ним слуги вносят расшитый паланкин.

Зард

Где наследник престола? Бесценнейший груз прими.
 И ни слова, Рамин, никому ни слова, Рамин!
 Испытать твою преданность брату пришла пора:
 Хоть по воздуху – завтра ж доставить это в Морав!

Зард уходит. В тот же миг занавески паланкина распахиваются, и оттуда с явным намерением сбежать выпрыгивает Вис; оказавшись лицом к лицу с Рамином, тотчас прячется снова. Подошедшие слуги уносят паланкин. Рамин остается неподвижен.

Часть 1

Покои, отведенные Вис во дворце Моабада. Голые стены, изящная утварь, узорные решетки на окнах. Атрибуты отвергнутой роскоши свалены как попало в углу. Вис полулежит на кушетке, кутаясь в черное покрывало. Моабад стоит перед ней на коленях.

Моабад

Хоть взгляни на меня! Хоть губами пошевели!
 Ты полгода меня отвергаешь, Солнечный лик,
 И тоска в мое сердце впилась подобно репью.
 Ты не ешь и не пьешь...

Вис (отворачиваясь) К сожалению, ем и пью.

Моабад

Ты подобна стала луне, убывшей на треть,
Ты худеешь и чахнешь...

Вис (*равнодушно*) А надо бы умереть.

Моабад

Ну, зачем ты меня терзаешь, радость моя?
Я прошу тебя, скушай хоть что-нибудь...

Вис (*так же*) Дай мне яд.

Моабад

Для чего добиваешь того, кто и так без сил?
Попроси мое царство! Луну с небес попроси!
Ни короны, ни жизни не жалко для милой Вис...
Что мне делать, скажи?

Вис (*пожимая плечами*) Раз не жалко – сам удавись.

Моабад

Где найти мудреца, чтобы вел моим бедам счет?
Я полгода чту твое горе – сколько еще?
Ведь прошло уж полгода со свадьбы!

Вис Свадьбы? Какой?

У меня было две их!

Моабад Твой брат теперь далеко,

Я твой муж, я тобою одной живу и дышу...

Чем утешить тебя?

Вис Если мне будет нужен шут,

Я сама позову.

Моабад Вот награда стольких трудов!

Чем смягчить твое сердце?

Вис Верни меня в отчий дом.

Моабад

Что прошло, то прошло. Но подумай, что впереди?

Чем я мог бы порадовать душу твою?

Вис Уйди.

Моабад

Отчего ты жестока?

Вис (*взорвавшись*) Каких ты ждешь новостей?

Я скорее змею или жабу возьму в постель!

Моабад (*в ярости*)

Истошили мое терпенье речи твои!

В этом сладостном теле бьется сердце змеи,

Но, как видно, судил мой горький рок на земле,

Чтобы ты мне во злобе казалась еще милей.

Пытается схватить ее; Вис выхватывает у него из-за пояса кинжал и приставляет к его груди.

Вис

Подбери-ка слюну и слушай, старый шакал!

У змеи есть зубы – ответить на твой укус.

Прежде, чем узнаешь, настолько ли я сладка,

Допьяна отведаешь стали в твоём боку!

Моабад (*не уstraшенный*)

Что ж, убей. Обломать тебе когти пришла пора!

Вис (*не сразу*)

Для чего твоей грязной кровью руки марать?

(оборачивает кинжал острием к себе и приставляет к горлу)

Лучше смерть, чем терпеть твою паршивую вонь.

Ты расслышал меня? – А теперь убирайся вон!

Моабад уходит. Вис опускает кинжал, и тут же вбегает Кормилица.

Кормилица

Ты жива, голубка моя!

Вис Кормилица, ты?

Кормилица

У меня затмилось в очах и голос застыл.

До сих пор не чую от страха сердца в груди.

Мне не жить, если ты убьешь себя! Пощади!

Вис

Ты боишься смерти?

Кормилица Голубка, отдай мне нож!

Что мне смерть, старухе? Мне страшно, что ты умрешь.

Ты одна – моя жизнь, и не надобно мне других...

Вис

Ну, так сделай хоть что-то! Спаси меня! Помоги,

Если завтра не хочешь увидеть могилу Вис!

Кормилица

Что мне сделать?

Вис Не знаю. Убей его! Отрави!

Кормилица *(раздумывая)*

Неприменно убить?

Вис Я не знаю! Злоба слепа.

Пусть живет хоть сто лет, лишь бы с ним никогда не спать!

Кормилица

Может, спать и придется...

Вис Что еще за дела?

Кормилица

...Но с кровати встанешь той же, что и была.

И помимо смерти есть на свете недуг –

Посещает даже царей в такие года.

Я такую немощь на плоть его наведу,

Что ему как своих ушей тебя не видеть!

Был огнем – а его сотворю холоднее льда...

(показывает на кинжал)

Только эту вещицу, дитя мое, мне отдай!

Другие покои в том же дворце. Обиталище воина или певца. Оружие, охотничьи трофеи, тигриная шкура, на ней – арфа. Моабад сидит у постели больного Рамина.

Моабад

Ты пугаешь меня. Уж которая ночь в бреду.

Не берешь свою арфу, мне не смотришь в глаза...

Сколько времени длится загадочный твой недуг –

И за все это время ты слова мне не сказал.

Словно кто-то сглазил весь дом на мою беду...

Что ж, прощай, Рамин. Я завтра снова приду.

(уходит)

Рамин берет арфу и начинает играть. Пока он поет, свет постепенно меркнет, и песня звучит в темноте.

Песня Рамина.

Ночь полна до краев,
Заклубился туман над осокой,
Вместо мирного сна разрывает мне душу печаль:
Где ты, счастье мое –
Золотой заблудившийся сокол?
Отчего до сих пор я на свете тебя не встречал?

Услыхать не даешь
Даже шороха крыл золотистых,
И пусты мои дни, и тоска мои сны бередит...
Где ты, счастье мое –
Неразумная, гордая птица?
Отчего до сих пор ты не здесь, у меня на груди?

Лунный свет как копье,
И холодные звезды лучатся,
И все глубже бессонную грудь заполняет тоска –
Где ты, счастье мое?
Может быть, я родился без счастья?
Но тогда почему я не в силах тебя не искать?

Свет возвращается. Снова покои Вис. Она стоит у окна спиной к Кормилице и смотрит в сад.

Вис

Нынче ночью кто-то так жалобно пел в саду...

Кормилица

Так сойди поглядеть!

Вис

Скорей в могилу сойду!

Пусть хоть пэри там поют на все голоса –

Дочь Шахро нельзя купить на эти дела.

Чтоб они решили – мне их паршивый сад

Так же мил, как тот, в котором я родилась?

Даже думать забудь!

Кормилица

Уж больно ты горяча...

Только чтобы муж певал в саду по ночам –

Небывалая вещь...

Вис (*фыркнув*)

Без этого мало зол,

Чтоб еще соловьем заблеял старый козел.

Ты такое скажешь – даже подумать жуть!

Кормилица

Ну, не хочешь ты – сама пойду погляжу.

Вис

Погоди, не смей!

Кормилица

Совсем лишилась ума!

Мне нельзя?

Вис Да ведь это то же, что я сама.

Кормилица

Ой, голубка! Да кто же за лошадь примет осла?

Вис

Даже дурень сразу поймет, кто тебя послал!

Кормилица

Ну, ни шагу сделать! Всюду десятки бед!

Ты с чего взяла, что пел-то он о тебе?

Вис

Так... не знаю, няня. Ясно, что ты права.

Как могло такое в голову мне прийти?

Будто я сама слагала эти слова,

Будто я во сне слыхала этот мотив,

Будто бы давно – а где, не могла решить...

Будто вот сейчас – из самой моей души.

Словно кто-то все мое горе в себя впитал...

Кормилица

И, голубка! Какое горе в эти лета!

Пахпур Джорджанели

Для какого преступления, наш Творец и господин,

Ты лихое это племя во Вселенной расплодил?

Ни один владыка в мире не спасен от их седин –

Огради нас от кормилиц, наш Творец и господин!

Кто с несатыми глазами близ дороги сторожит?

Кто с запиской на базаре? – Это нянька госпожи!

Кто обманет всех хозяев, от портного до раджи?

Ты не слышал, что сказали: это нянька госпожи!

Мир велик, спроси любого, скажут стар и молодой:

Нет истории любовной без кормилицы седой!

От надира до зенита все во власти их трудов:

Нет поэмы знаменитой без кормилицы седой!

Кто завяжет и развяжет нить рассказа моего?

Кто спрядет его, как пряжу, раскатает, как навой?

Кто искусней полководца, что силен годами войн?

Пусть к ногам твоим прольется мед рассказа моего!

От пустыни до залесья скажут стар и молодой:

Нам не петь бы этой песни без кормилицы седой!

Для какого преступления, наш Творец и господин,

Ты лихое это племя во Вселенной расплодил?

Сцена представляет сад. Рамин дремлет в тени. Входит Кормилица.

Кормилица

Чей-то голос знакомый послышался мне в ночи?

Отзовись, певец, выходи, певец, не молчи!

Кто тут моду взял поливать слезами цветы?
Выходи, пока все не высушил!

Рамин Няня, ты?!
Вот подарок судьбы! Сколько мы не виделись лет?
И какими судьбами ты вновь на моих путях?

Кормилица
У старухи-няньки один лишь насущный хлеб:
Быть повсюду там, где второе ее дитя.
В то же лето, как ты воротился под отчий кров,
Отдала твоей нянюшке дочь госпожа Шахро.
Вот мы с нею и здесь.

Рамин Я наверно схожу с ума!
Да неужто тебя подослала она сама?

Кормилица
От нее дождешься! Зла, горда, горяча –
Меньше гонора в той скале, чем в ее груди.
И меня-то насилу выпустила сейчас,
Так что ты пока с ума сходить погоди.

Рамин
Помоги мне, няня! Вылечи, иль умру.
Сам себе чужой, постылый гость на пиру,
Ничего не мило, сон глаза не межит...
Чем она меня опоила, няня, скажи!
Не шумят листья, вино течет мимо рта,
Словно сто пустынь иссушили мою гортань,
Что за ад наземный, няня! Всюду горит!
Помоги...

Кормилица
Отворотного зелья разве сварить,
Чтоб закрыл дракон свою несытую пасть?

Рамин
Позабыть ее?! Няня, няня... Лучше пропасть,
Лучше в ад попасть! Не ищи в этом море брод.
Лучше пусть дракон с потрохами меня сожрет,
Лучше так, словно раненый зверь, умирать в норе...
Не сердись, прощай!

Кормилица Вот теперь знакомая речь!
Словно старый пес, узнаю охотничий гон.
Кто-то впрямь влюблен!

Рамин То и смерть его, что влюблен!
Лекарь весел, а вот больному-то каково?
Ты смеешься, а мне хоть с башни вниз головой.
Помоги!

Кормилица
Уж не знаю, чем. Говорю, горда.
Для меня твои слезы – яд, для нее – вода.
Кто не мил, тому нет и входа, а кто ей мил?
Моабад полгода, как плачется под дверьми.

Рамин
Что сказала ты, няня?!
(пауза)

Убила. Вернула жизнь!

Хочешь знать или нет?

Вис Без этого мало мук:
Утром тошно, днем докучают, ночью поют –
Ты еще любопытством травишь душу мою!

Кормилица
Не сердись. Не в день и не за два ткется парча.
Расскажу, но позволишь издали мне начать?
Ты ведь помнишь брата?

Вис Няня, полно шутить!

Кормилица
Ведь полгода – больше! – год миновал почти;
Сердцем помнишь, но может, облик стерся в очах?

Вис
Только нынче ночью – вот как тебя сейчас –
И во сне, и въяве... Ах, на кого пенять!
Хоть и с бою, но он Моабаду отдал меня.

Кормилица
Ну, не только с бою – много взяли добра...

Вис
Ах, молчи, забудь! Теперь он мне только брат.
Лишь одно скажу: что есть царей на земле –
Мне его мизинец всей их земли милей.

Кормилица
Кровь своя – не шутка; та же мать родила!

Вис
У него ль глаза не зорки, как у орла?
У него ли черные кудри не круче волн?

Кормилица
Ну, а если б ты повстречала лучше него?

Вис
Ты к чему это клонишь, няня?

Кормилица К чему? – Да так...
(как бы продолжая прерванный рассказ)
...Так сошла это в сад я; и вижу, лежит в цветах
Человек; живой или мертвый? – в небо глядит...
У меня, поверишь ли, встало сердце в груди;
До сих пор трепещет – чувствуешь?

Вис Ну, так что ж?

Кормилица *(прерывающимся голосом)*
До того похож... До того...

Вис На кого похож?
Говори ты толком!

Кормилица Сердце, дай досказать!
Может, я стара, и слабы стали глаза,
Но на миг показалось – не описать пером!
Уж такое сходство...

Вис С кем же?

Кормилица С нашим Виро.

Пауза

Вис

Белены ты объелась, няня?

Кормилица (*поспешно*) Впрямь, белены.

Вис

Нет второго такого в мире!

Кормилица (*кивая*) Где ж ему быть!

Вис

Не растут дамасские розы в странах иных,
Не родятся дикие лани в стойлах кобыл,
Благородный конь не ходит в стаде коров
И нигде на свете нет второго Виро!

Кормилица

Не найдется, если искать-то, сидя в тюрьме.
Да к тому же наш господин ведь петь не умел?

(*смотрят друг на друга*)

Говорить ли дальше?

Вис (*поколебавшись*) Ладно уж, продолжай.

Кормилица

Подхожу, говорю: мол, диковинный урожай –
Между ландышей нынче шиповник цветет!

Вис А он?

Кормилица

Ничего не сказал.

Вис Невежлив.

Кормилица Или влюблен.

Вис

Или глуп.

Кормилица Или горд: неровня сокол псарю.

Я ведь, старая, не смекнула, с кем говорю.

Вис

Ну, и с кем?

Кормилица Кабы мне потом не сказал слуга,

И не знала б!

Вис Да с кем же?

Кормилица Ты снова станешь ругать.

У меня голова уж для брани твоей седа!

Вис

Нет, не буду, няня!

Кормилица Да полно! Все как всегда.

Поклянешься, вспылишь – и все из памяти вон!

Вис

Говори, не буду!

Кормилица Нет?

Вис Клянусь головой!

Говори, кто свил гнездо себе под дверьми?

Кормилица

Младший брат Моабада.

Вис Кто?!

Кормилица Наследник Рамин.

Пауза

Вис

Ну, семейство...

Кормилица Что?

Вис Я сама с собой говорю.

Старший брат чужую жену ведет к алтарю,
А меньшей – гляди! – старшого хочет предать!
Или впрямь совсем не стало в мире стыда?
И в такие-то воды ты завела мой челн?!

Кормилица

Погоди, голубка. Мы тут с тобой при чем?
Может, он и знать-то не знал о твоём окне.
Разве в песнях твоё упомянуто имя?

Вис Нет...

Кормилица

Если б так и было – стал бы он отрицать?
Может, он вовек не видал твоего лица!
Может, он это пел служанке, может – луне.
Разве он описал твои очи и кудри?

Вис Нет...

Кормилица

Для чего ж о юном царе судить сгоряча?

Вис

Ордзали его что-то ни разу не зазвучал,
Если здесь Моабад...

Кормилица Об этом ведать не мне.

Но ведь ты царю ничего не сказала?

Вис Нет...

Снаружи доносится пение Рамина.

Голос Рамина

На твоём пороге лег подобно плющу...
Был свободен я – тюрьма свободы милей.
Был здоровым я – здоровым быть не хочу:
Мне стократ дороже злая моя болезнь.
За стеною смерть, а я стою у двери –
Отвори мне дверь, любовь моя, отвори...

Подари мне гнев, пои тоской допьяна,
Подари клеймо рабов, позора печать;
Без тебя я нем, нетронут, словно струна –
Подари мне боль, чтоб слаще мне зазвучать!
Подари огонь, которым сердце горит –
Отвори мне дверь, любовь моя! Отвори!

Чтобы грянул гром, пустыня стала водой,
Чтоб качнулся мир и звезды сошли с орбит,
Я вложу руками сердце в твою ладонь
И сказав «спаси» подумаю: погуби...
Под твоим окном стою до самой зари –
Отвори мне дверь, любовь моя... Отвори...

Пауза

Вис

Поднеси ему яду, няня.

Кормилица Ну, ну! Огонь!

Вис

Он не смеет петь, не смеет петь для другой!

Не хочу чужим вином себя опьянять –

Он не смеет петь здесь... Если не для меня!

Кормилица (*подает ей письмо*)

Вот, возьми.

Вис Что здесь?

Кормилица Не знаю, сердце мое.

Пусть он сам расскажет тебе, для кого поет.

Письмо Рамина

Госпоже от преступника. Честь и рассудок истлели,

И углем эти строки рука моя чертит ночами.

Я тебе, как судье, поверяю мое преступленье,

Я тебя, как судьбу, не прошу о бесплодной пощаде.

Не хочу от тебя утешенья – безумцы не страждут!

Не молю у тебя снисхожденья – счастливыцы не молят!

Ста смертям я повинен за самую страшную кражу:

Я тебя полюбил. Это словно безбрежное море,

Словно буря в ночи, словно под гору мчишься с откоса,

И тебе не понять – преступление ли, торжество ли:

Я украл у тебя твои очи, и губы, и косы –

Я украл тебя всю, утаил, запечатал, присвоил...

Ты моя потому, что однажды в глаза твои глянув,

Я к тебе – или к смерти, не знаю – все ближе и ближе;

Ты моя, как болезнь; ты моя, как смертельная рана;

Ты моя потому, что я больше тебя не увижу.

И когда моя длань, угасая, навеки ослабнет,

И когда я пойму, что меня расстоянье сломило,

Может, чья-то рука передаст тебе это посланье –

Госпоже от раба, от безумца, от пса: от Рамина.

Вис

Няня, что это?

Кормилица То, для чего я ходила в сад.

Вис

Как он смеет, да как он смеет это писать!

Я его не видала – ни здесь, ни в иных краях;

Как он смеет мне даже во сне говорить «моя»!

Кормилица

Как он смеет?! – Уж это, дитя мое, чересчур!

Ладно петь, но как я любить ему запрещу?
Сто законов в любой стране для тысячи лбов,
Но управы покуда нет на сон и любовь!

Вис

Замолчи, не хочу и слушать!

Кормилица

Что ж, помолчим.

Вис

Я тебе от своей души вручила ключи,
Я тебе доверяла – и что ты мне принесла?

Кормилица

Так всегда: не по нраву посланье – мучат посла.
Ведь сама же хотела знать – узнала теперь!
(пауза)

Передать ли ему, чтобы здесь он больше не пел?

Вис

Будь ты мною, скажи, отомстила бы ты ему?

Кормилица

Рассказала бы мужу.

Вис

Какой он мне, к шуту, муж!

Кормилица

Разве ты не жена?

Вис

Жена? – Вода из ручья!

Пусть меня хоть на миг в руке удержит сперва!

Кормилица

Не его жена, голубка – значит, ничья;
Что ж за грех другому своей тебя называть?

Вис (не сразу)

Ты змея...

Кормилица

Ну, а ты, дитя мое, сущий тигр.

Никакой бы зверь сговориться с тобой не смог.

Вис

Запрети ему...

Кормилица

Нет уж, сама ему запрети.

Вис

Как?

Кормилица

Да очень просто: ответь на его письмо.

Вис (задохнувшись)

Ты... Да как ты смеешь! Прокляты будь уста,
Что сказали это! Нет у тебя стыда!
(кувшин об пол)

Кормилица (невозмутимо)

Я сказала, что будет так – и случилось так.
А письмо верни – я обратно его отдам.

Смена декораций. Рамин и Кормилица в саду.

Рамин

Няня, что?

Кормилица

Да чего уж хуже! Все как об лед.

Поищи уж, сынок, помоложе себе посла.

Мне, старухе, уже померещилось, что убьет...

(возвращает письмо)

На, возьми.

Рамин Но она прочла его?

Кормилица Да, прочла.

Говорилось тебе о ней – как огонь, дика!

И горда, и вспыльчива – враз не пересказать!

Рамин *(не слушая)*

Этот самый листок держала ее рука!

Эти строки сейчас читали ее глаза!

Няня, сердце вот-вот разойдется, как старый шов...

Передашь ей еще одно?

Кормилица Что?! Ты с ума сошел!

Рамин

Я тебя отдарю по-царски! Няня, спаси!

Кормилица *(поколебавшись)*

Ну, ин так и быть. Уж больно, подлец, красив!

Покои Вис. Вечер следующего дня.

Вис

Ты опять онемела, няня?

Кормилица Чего мне ждать?

Чуть открою рот – из него выходит беда.

Вис

Ну, прости.

Кормилица Дождалась почета под старость лет!

Вис

Говорю, прости! И так уж ночь не спала!

Кормилица

У тебя, дитя, словцо подобно стреле:

И забыть бы рада, да сердце-то пополам.

Вис

Не пойму сама: ведь я же кругом права –

Отчего собачкой теперь на тебя гляжу?

Кормилица

Оттого, что как на старых зубах кунжут,

Так налипла ложь на этих твоих словах.

Раз права, так зачем же просишь не от души?

Если нет, то за что вчера пострадал кувшин?

От святого гнева ворочалась ты в ночи,

Навертела себе, как шайтан, колтуны в кудрях –

Или дело в том, что сад под окном молчит,

Первый раз молчит за много ночей подряд?

Вис

Пусть хоть корни пустит! Чем хотел напугать!

Пусть сидит здесь изо дня в день, пусть ночует ночь –

Все равно за порог не преступит моя нога,

Все равно мои очи не глянут в это окно,

Все равно ни слова о нем не сорвется с губ...

Кормилица

Кто из вас глупей – ей-ей сказать не могу!
Зарастайте мхом, как два столба у межи!
И была охота двум дуракам служить?
Измотали душу – грех пожелать врагу!
Где курильница? – Я эту глупость сама сожгу!

В сердцах бросает письмо на угли и, не оборачиваясь, уходит. Оставшись одна, Вис тут же выхватывает его из огня.

Там же. Вис у окна с лютней в руках, напевает; входит Кормилица.

Вис (поет)

Не кладите на покрове роскошном,
Киньте ворону да волку седому.
Погоди клевать глаза мои, коршун –
Долети сперва до милого дома.

Расскажи, что мои очи незрячи,
Роза красная под левою грудью...
Может, матушка по мне и поплачет,
Только, видно, через час позабудет.

Солнце выпило до дна мой румянец,
Иссушили красоту мою зимы...
Может, братец обо мне и вспомнёт,
Только милый не прольет ни слезинки.

Только ветер просвистит себе мимо,
Только небо надо мной голубое,
Только нянюшка, что грудью вскормила,
Хоронить меня придет за тобою.

Кормилица (ворчит)

Развела тут сырость – слушать берет тоска...

Вис

Няня, нам ли с тобой надеждой себя ласкать?
Пусть уж мне печали сердце покроют льдом –
Наяву очами вряд ли увижу дом.

Кормилица

И права, и нет. Права, что сердце не рот:
Что не мило, того не примет, как ни корми.
Неправа же в том, что вовсе бы вымер мир,
Если б каждая Вис в тоске о каждом Виро
Засыхала насмерть...

Вис (рассеянно) Я уже не о нем...

(спохватившись)

А когда б о нем – то кто бы мне помешал?
У него ли тул заплечный не воронен?
У него ль глаза не ясны, как его душа?
У него ли волны кудрей не густы, как дым?

Кормилица (*улыбаясь*)

Одного его и видала из молодых.

Вис (*вспыхнув*)

Что я, кошка, что ли? Женщина или тварь?
 Чуть завиху смазливые брови – и хвост трубой?
 Много в мире красивых, да только одна любовь.
 И глаза не глядят уже, если душа мертва.

Кормилица

Не гляди, пожалуй – мало ль иных забот?
 Всем врагам назло состаримся от скорбей.
 Твой названный муж умнее себя ведет:
 Посреди друзей глушит тоску по тебе.

Вис

Посреди друзей?

Кормилица

Покуда ты слезы льешь,
 Он вздохнул да затеял пир на былой манер.
 Коли душой быть, так было б все же умней
 Поднести ему яду в питье, или в сердце нож –
 Хоть, по крайней мере, вместе пошли б на дно...
 Нет, тебе милей за все заплатить одной!
 Как дитя, разодрав коленку, бьет по столбу –
 Не его ты бьешь – свою ломаешь судьбу!
 Не его укусишь – свой расшатаешь зуб!
 Ты сидишь, как сыч, а он пирует внизу.

Вис кидается распахнуть окно; спохватившись в последний миг, приоткрывает щель и смотрит в нее; снизу доносится беготня слуг и звук настройки инструментов.

Пауза.

Вис (*руку на лоб*)

Няня, здесь горит. Потоки вод не спасут.
 Хуже смерти – как будто ударили по лицу.
 Я презреннее шлюхи, няня, хуже рабы,
 Я сама отныне в лицо себе не взгляну,
 Если можно было и впрямь обо всем забыть,
 Разорвав мне жизнь, как платье, во всю длину!
 Больше жизни, няня, - честь готова отдать!
 Почему я впрямь не убила его тогда?!

(рвет ворот возле шеи)

Няня, здесь ярмо! От груза гнется спина,
 Не могу дышать, рычу, как раненый тигр...

Кормилица

Что прошло, прошло – к чему теперь вспоминать?
 Чтоб ударить, дочка, надобно подойти.
 Все равно ведь ему не под силу тебя обнять –
 Притворись же царицей Морава в течение дня!
 Обольсти всех женщин, всех покори мужчин,
 Будь, как ты умеешь, слаще, чем горный мед –
 Тем сильнее старик измучается в ночи
 От того, что видело око, да зуб неймет!
 На рассвете покажется сахаром сулема...

Вис (*серьезно*)

Ты достойна шахом над шахами быть сама.

(обнимает ее)

Ты права, и чем я упрямей, тем ты правей.

Чем, скажи, могу отдарить тебя за совет?

Кормилица *(вздыхнув)*

И прошу-то зря, да слово тяжеле гирь...

(вынимая из рукава письмо)

Ну, в последний раз – прочти, а там хоть сожги.

Вис *(проглядев письмо)*

Не носи мне их больше, няня.

Кормилица В последний раз!

Вис

Не хочу это видеть, слышать, знать не хочу!

Как он мог подумать, будто еще чуть-чуть,

И моя решимость лопнет, как кожура?

Что запрет мой – слово, а слову можно не внять?

Кто ему дал право так презирать меня?

Кормилица

Презирать? – Этот мальчик алтарь для тебя воздвиг!

Презирать? – Несмышлениш! Что знаешь ты о любви?

Уж нашел бы путь, когда бы шел не в бреду!

Да чего писать? Даров прислал бы сундук!

Чуть надень кольцо – уже на золотой цепи...

Вис

Что я – шлюха, что ли, чтобы меня купить?

Вон их склад в углу – надевала я хоть один?

Кормилица

Ну тогда сознайся – чем же не угодил?

Вис

Да ничем и всем! Ты знаешь, и знает сам!

Не самим письмом, а тем, что снова писал!

Тем, что ждет в засаде, пока принесут ключи!

Тем, что прежде пел, и тем, что теперь молчит,

Что отказом ни вот на столечко не смущен...

Кормилица

Тем, что любит...

Вис

И тем, что любит! Я тут при чем?

Разве братних жен любить позволяет честь?

Кормилица

Но на самом деле...

Вис

Мысли сумел прочесть?

Что «на самом деле», знаем лишь мы втроем!

Или тут закон – что братнино, то мое?

Или тут о таких делах на весь мир трубят?

Кормилица

На кого ты зла – на него или на себя?

Пауза

Вис

Что ты хочешь, няня?

Кормилица

Я? – Тебе угодить.

Вис

Я живу, как хочу.

Кормилица Не монашка и не вдова...

Вис

Ну, смелее, няня! Державшая у груди –
 Выводи теперь на базар меня продавать!
 Размалой мои щеки, волосы расплети!
 Предлагай царям и купцам за их барыши!
 Уж тебе ли не знать, что птица не улетит
 От единственной в целом мире родной души!

(пауза)

Ты одна осталась со мной на моих путях;
 Ты мне мать: удержи от паденья твое дитя!
 Ты мне мать: удержи от скверны мои уста!

Кормилица

Нет, голубка моя. Отпусти меня в Хузистан.

(горестно)

Я всего только старая сводня, и ты права.
 Без тебя я иссохну от горя, сгину, как тень,
 Но я больше не в силах и мыкаться между вас,
 Разрываясь, как старая мать между двух детей.
 Я тебе лгала. Я знаю его давно.
 До тебя я его растила целых шесть лет.
 И не чаяла думать тогда, что увижу вновь,
 И затмится мне день, и покажется горьким хлеб.
 Для тебя отреклась от него много лет назад...
 Пусть себя убивает – но не на моих глазах!
 Он замыслил злое, чует моя душа...

Вис

Что ты хочешь, няня? Няня, тебе решать!
 Ни руля, ни весел – разом пойду ко дну,
 Если ты в этом мире покинешь меня одну!
 Без тебя я здесь – будто рыба на берегу...
 Что мне сделать, чтоб ты осталась?

Кормилица

Я не могу.

Ты его не любишь. Сердцу не надо лжи.
 Не хочу, чтоб ты упрекала меня всю жизнь.

За окном слышатся голоса.

1-й голос

Без тебя, Рамин, веселья нет под луной!
 Без тебя нам пир не в пир, вино – не вино,
 Разверни крыла, неси нас прочь от земли!

2-й голос

Отчего молчит любимый твой ордзали?
 Без него из этого дома уходит жизнь!
 Сколько дней ты арфу в руки не брал, скажи?

(Свет постепенно гаснет и голоса звучат в темноте.)

3-й голос

С ней румяным был – теперь, как тень, бледнолиц...

Спой, Рамин!

Рамин Сыграл бы. Струны оборвались.

Свет возвращается. На сцене сад и пиришественные столы. За столами – Зард, Моабад, Рамин и гости, поодаль – музыканты.

1-й гость

Так возьми другие! Струн полны закрома.

Рамин

Не могу, дружище: пальцы переломал.

2-й гость

Ну, так я сыграю, или вон тот слепой!
Да любой тебе подыграет – ты только спой!

3-й гость

Пробуди, как в былые дни, богов в вышине!

Рамин

Не тревожь былого. Голоса больше нет.

Моабад

Нет покоя мне. До срока вянут цветы.
Подменил ли кто, иль вправду при смерти ты?
Был утехой царства – стал мертвей мертвеца...

Рамин (*в упор глядя на него*)

А тебе-то какое дело, брат мой и царь?
Буду жить или нет – не так уж важно сейчас!
Ты женился, и царство есть кому завещать.

Моабад (*мрачно*)

Нет детей у меня.

Рамин

Так будут!

Моабад

Кто может знать?

(*взглянув на Рамина*)

Умираешь от горя, не рано ли?

Рамин

В самый раз.

Только знай, что не этой грязью душа грязна.
Не от этой печали я вздумал бы умирать.

Моабад (*насмешливо*)

От какой же тогда? И впрямь пробирает жуть!

Рамин

Перед самой кончиной спросишь – тогда скажу.

Зард

Вот, чума на обоих – нашли застольную речь!
Спой, Рамин. Моабату перечишь – мне не перечь.
Хоть вполголоса спой!

Рамин

Поет ли птица с земли?

Моабад повелел – да вот смерть моя не велит.

Моабад

Ты покорен ей, брат?

Рамин

Мы ей покорны вдвоем.

У меньшого и старшего брата одна судьба.
Только ты понадеялся сам покорить ее –
Удалось тебе это, державный брат Моабад?
Разве нас не одна стрела ссадила с коня?

Моабад

Я тебя не пойму.

Рамин Мне себя мудрено понять!

И молчать неумно, и смеяться толк невелик...

Сверху незамеченной спускается Вис. Останавливается поодаль. Она и Рамин смотрят друг на друга

Моабад

Ты не пьян ли?

Рамин Вино уж давно меня не хмелит!

Моабад

Или бредишь...

Рамин Вот это скорей похоже на явь!

(повышая голос)

Значит, брежу – ты слышишь это, гибель моя?

И когда на загробный суд меня приведут,

Я смогу отвечать отнявшим душу мою:

Если я и нарушил запрет, то только в бреду,

И в бреду я в последний раз для тебя пою.

Третья песня Рамина

Я пою один, как эхо в горах.

Для чего мне лгать на пороге тьмы?

Только раз я видел тебя, только раз –

И вовеки с очей слепоты не смыть.

И куда бы взор я не обратил,

Для чего, не знаю, не помню, с кем –

Ты повсюду стоишь на моем пути,

Ты клеймом отпечаталась на зрачке.

И недолго мне в огне догорать,

И недолго знать при свете дневном:

Только раз я видел тебя, только раз,

И вовеки второго не суждено.

Но когда предстану перед Творцом,

Обрету ли я утеху скорбям,

Если глядя прямо ему в лицо,

Я опять увижу только тебя?

И на что мне нужен райский Шираз

С той поры, как я тебя увидал?

Только раз я видел тебя, только раз,

И за это проклят я навсегда.

Вис бежит вверх

1-й гость

Богохульство!

2-й гость Храни мою душу!

3-й гость Ты что, Рамин?

Рамин

Вы хотели песню? Я спел, а теперь – аминь!

(обрывает струны)

Ни в рассветный час, ни к вечеру, ни в ночи
Ни одна струна здесь больше не зазвучит!

1-й гость

Нехорош напев.

2-й гость Как траур, горьки лады.

3-й гость

То ли пел ты раньше, нам веселье даря?

1-й

От подобных песен долго ли до беды?

2-й

Лучше выпей с нами!

3-й Пьем за здравье царя!

(Поднимают кубки и, по очереди вставая, говорят)

1-й

Моабад владычит повсюду, где светит свет!

2-й

Под его лучами любой да забудет грусть!

3-й

Только тот и царской крови, кто с тобой в родстве,
Только тот и живет в покое, кто тебе друг!

1-й

Широки, как небо, славы твоей крыла!

Рамин

Завели теперь на неделю – спаси Аллах...

(Свет снова начинает меркнуть по мере того, как голоса переходят в хор).

Хор

Мир от края и до края во владеньях Моабада;
Океан волной играет во владеньях Моабада;
По пустыне ходят бури, с гор несутся водопады,
Выбирай страну любую – все во власти Моабада!

Ни вблизи и ни далече нет счастливей Моабада;
Меж любимцами Предвечных нет счастливей Моабада;
Лик Луны тебе покорен, мед богов – твоя услада;
Средь мужей в своих покоях нет счастливей Моабада!

Кто дарует и карает? – Все во власти Моабада!
Двери ада, двери рая – все во власти Моабада!
Меж бессмертными благими чей удел настолько сладок?
И блаженство, и погибель – все во власти Моабада!

Голоса сливаются в неясный гул; свет возвращается. Комната Вис. Кормилица стоит спиной к дверям, Вис возвращается, закрывает дверь и прислоняется к ней спиной

Вис

Что за пытка, няня? Это и есть любовь?

Кормилица *(отвернувшись от нее)*

Ты святая, Вис. Мне не место рядом с тобой.
 Я, покуда мне старость водой не затмила глаз,
 Никогда от этой напасти не береглась,
 Не умела без этой отравы прожить ни дня...
 Видно, ты не из плоти. Тебе не дано понять,
 Ч т о царит над землею и движет родом людским:
 Этой страстной истомы, этой смертной тоски,
 Что волною нахлынет, пройдя всего тела вдоль...

Вис *(тихо)*

Ты сказала: брат, а он совсем молодой...

Кормилица поворачивается к Вис. Смотрят друг на друга

Руки бледны, губы как мел, лицо без крови...

Кормилица

Это он.

Вис

Это он... Будь что будет! Ступай зови.

Кормилица выходит; Вис неподвижна. Через минуту на пороге появляется Рамин, делает шаг и молча опускается на колени. Вис тут же отходит к противоположному краю сцены, спиной к нему.

Не могу. Я не знала, что это такая боль.
 Ты хотел меня видеть, верно? Я пред тобой.
 Говорю и стою, словно нет у меня стыда...
 Что же ты молчишь? Ты хотел меня видеть?

Рамин *(с невероятным усилием)* Да.

Вис

Прежде был разговорчив. В письмах – пел соловьем!
 Кто теперь так надежно склеил тебе уста?
 Или я тщеславье мелочное твое
 Утолила разом, перед тобой представ?
 Или мой позор насытил тебя, чужак?
 Или ты от смеха губ не в силах разжать,
 Что сдалась без боя дочь царей и цариц?
 Ты хотел меня видеть. Вот же я. Говори!
 Недоволен? Успех желанье опередил?
 Иль желанья попросту не было?

Рамин *(закрыв лицо руками)* Пощади!

Вис

Твой язык едва ли не звонче, чем ордзали –
 Им обоим не было дела, кого пленять.
 Или просто брату ты хотел насолить,
 Перед всеми его ославив через меня?

Рамин *(отнимая руки)*

Нет!

Вис Так что же?

Рамин Ты знаешь.

Вис Ум с умом не в ладах!

Угадай, а что – опять должна угадать!

Видно я глупа – загадки мне не понять.

Рамин

Оглянись тогда.

Моабад (*мрачно*)

Да, я стар и бессилен, и все же люблю! Пойми!

Вис

Ты такой же влюбленный кот, как брат твой Рамин,
Только зубы обломаны.

Моабад Ты вернешь мне весну.
Дай мне руку твою, чтобы слаще было уснуть.

Вис ложится рядом; он берет ее руку и засыпает. Снаружи доносится песня Рамина:

Нет ни зелья, ни эссенций
От моей проклятой скорби:
Не с моим играешь сердцем –
С лютой ревностью мужскою!

Ты мне шепчешь: «Успокойся», -
Не могу, моя святая!
Я лелеял эти косы –
Он в них жемчуг заплетает!

Вис

Тс-с-с! Кормилица!

Кормилица Что, моя звездочка?

Вис (*указывая на Моабада*) Этот спит.

Кормилица

Ну, и что?

Вис На полночи избавь меня от цепи!

Там Рамин.

Кормилица Ну, и что же?

Вис Умру, но выйду к нему.

Кормилица

Стой, с ума ты сошла!

Вис А не то так яду приму,

Ты же знаешь!

Кормилица Голубка, зарезала без ножа!

Подожди, как уйдет, не пожар ведь!

Вис Няня, пожар.

Ты же знаешь: без этого в грош не поставлю жизнь.

Кормилица

Ну, так что же я сделаю?

Вис Тс-с-с! Вот сюда ложись.

Если в целом дворце не найти одного огня –

Что мешает в потемках принять тебя за меня?

Кормилица

Что-о-о? Совсем оглашенная!

Вис Нянюшка, мой дружок!

Помоги!

Кормилица

И себя и меня погубишь ужю,

Ведь заметит проклятый, проснется, подымет крик!

Вис

Притворись, будто спишь, как убитая! Да смотри –
Ни словечка ему...

Кормилица Не учи-ка птицу летать!
(ложась на место Вис)

Помереть мне на плахе с тобой, да в мои лета!
Вот помянешь тогда меня!

Вис Няня, сердце мое!

Кормилица
Ну, ступай. А не то опять сейчас запоет!

Вис целует ее и гасит лампаду. Полная тьма. Во тьме – голос Рамина:

Кто в беде моей виновен?
Не спасти от этой страсти!
Грудь, целованную мною,
Он алмазами украсит!

Кто счастливее на деле,
Знает ненависть людская:
Руки, что меня ласкали,
Он браслетами оденет!

Но постой, настанет случай –
Разочтемся как мужчины:
Нож, который наточил я,
Прямо в сердце он получит!

Из темноты проступают очертания плоской дворцовой кровли. Рамин бродит по ней в одиночестве.

Рамин

Что я делаю здесь? Для чего пытаю судьбу?
Ах, луна, луна, посоветуй мне что-нибудь!
Я совсем обезумел в петле ее черных кос!
Сколько можно бродить под стеной, как побитый пес,
Днем и ночью, зимой и летом, в жару и в дождь...

Что мне скажешь, Луна?

Вис (подкравишись сзади и закрыв ему ладонями глаза)
Если любишь, то подождешь.

(затемнение)

То же самое место час или два спустя. Вис и Рамин вдвоем.

Рамин

Говорят другие любимым: «солнце мое».
Что слова эти значат, любовь моя, объясни?

Вис

Царский сын не знает того, что знает весь мир?
Это значит, что ты вошел – и солнце встает;
Это значит – возлюбленный в дверь, а солнце в окно...
Разве ты не заметил?

Рамин (*серьезно*) Я – нет.
(*Вис замахивается ударить, он перехватывает ее руку*)

Но в одном клянусь:

Стоит только любимой в толпе на меня взглянуть –
Среди самого ясного дня наступает ночь,
Среди шума людских голосов наступает тишь,
Среди самой густой толчеи – мы с тобой вдвоем...
Ты в ладони, как мячик, держишь сердце мое:
Чтобы я тебя видел, тебе не надо войти.
И куда бы ни скрылся я, сушей или водой,
И о чем бы ни думал, скитаясь между людьми,
Ни к чему окликать меня – просто сожми ладонь;
А захочешь меня убить – посильней сожми.

Затемнение. Освещается спальня Вис и ложе, где на ее месте рядом с царем лежит Кормилица.

Моабад (*поднимая голову*)

Спишь, дитя мое?... Ну прости, я только спросил.
Неужели мой голос настолько невыносим?
Разве трудно ответить?... ..Гордячка! Дерзкая тварь!...
Ну прости, моя Вис. Не хотел тебя обвинять.
Ты же знаешь – во мне душа едва не мертва,
Если вдруг да приснится, что ты не возле меня.
Я не буду навязчив – только ты отзовись...
Вис! Ты спишь, моя Вис? Проснись! Или ты не Вис?!!

(*рванув ее за руку*)

Кто со мною?! Кого ты подсунула мне в кровать?!
Мало было измены – теперь взялась колдовать?
Чем себя подменила – метлой или кочергой?

(*кричит*)

Слуги! Чертово племя! Скорей несите огонь!
Слуги, эй! Никого? Ни в доме, ни у ворот?!
Слуги! Шлюхины дети, всех велю запороть!!!

Под его вопль спальня снова меркнет и освещается крыша.

Рамин (*вскинувшись на крик*)

Я убью его.

Вис Нет.

Рамин Тогда скажи, почему.

Вис

Я сказала: не смей.

Рамин Оттого, что он тебе муж?

Я его ненавижу – о, если б ты знала, как!

Дай свободу себе: дай свободу моим рукам.

Я клянусь тебе, сердце, всего лишь один удар...

Вис

Никогда.

Рамин ...Мы свободны и счастливы!

Вис

Никогда!

Рамин (*с болью*)

Почему?!!

Вис Мне пора.

Рамин Я к нему тебя не пущу.

Вис
Я сказала – пусти.

Рамин Куда?! На верную смерть?

Вис
Не твоя забота – сама задула свечу,
И теперь в темноте самой придется краснеть.
Отпусти.

Рамин Не могу.

Вис Отпусти.

Рамин Не хочу.

Вис (*уже грозно*) Пусти!

Рамин
Значит, ты его любишь?

Вис Глупец! Деревянный лоб!

Рамин
Ну тогда объясни мне – да так, чтобы я постиг:
Что ему в добычу навек меня отдало?
Он владеет тобою весь день, а я – полчаса!
Почему я блуждаю по крышам, как тать в ночи,
За минутой любви – а счастливейший из мужчин
Спит как бог на твоих распущенных волосах?
Почему ты к нему милосердна, а не ко мне?!

Вис
Почему? - О, глупец! – У него и этого нет!
Я его ненавидела, да, свидетель Аллах!
Но взгляни на него – я же все у него взяла:
Честь, довольство, покой! Над ним смеются рабы!
До меня он брата имел – ведь ты не забыл?
Где теперь его брат? Где все надежды его?
Я разбила их все – не тебе меня укорять!
В этом доме и он не хозяин, и ты не вор:
Он слепой, попрошайка, тень бывшего царя!
Гром без молнии – все, что осталось от той грозы!
И его-то убить?! – Повернулся же твой язык!

(после паузы, другим тоном)

А хорош бы удар, чтобы месть мою довершить!
Брат на брата – погибель для царства и для души!
Никакой бы дьявол не спас и бог не соблюл,
Потекли бы кровавые реки в пустыне лжи...
Но – не знаю, за что уж – я слишком тебя люблю,
Чтоб такое клеймо тебе на душу наложить.

Снова из темноты проступает спальня.

Моабад

Кто ты? Что ты такое? Здесь не видно ни зги.
Кто ты? Нежить ночная? Оборотень? Мертвец?
Говорят, что колдуньи тела крадут из могил;
Кто ты – дух или плоть? Заклинаю тебя, ответь!

Слуги! Дайте мне меч – рассечь ее пополам!
 Слуги, эй! Или эта тварь вас всех сожрала?
 Слуги, эй, огня! Огня, вы, стадо ворон!
 Зажигайте костры! Запалите дворец с четырех сторон!
 И кадавра, и ведьму поджарьте, словно гиен!
 Слуги! Дети шайтана!

Вис (*подкравшись во тьме и бесшумно улегшись рядом с Кормилицей*)

Как ты мне надоел...

Моабад

Как?! Ты здесь?...

Вис А где же еще?

Моабад Если это ты,

То зачем молчала?

Вис Затем, что звенит в ушах.

Шахиншах, как баба, бояться стал темноты,

А его жене надлежит его утешать?

Добудился бы слуг – было б смеху для всей страны...

Моабад

Ты еще смеешься?! – Ведьма! Дочь Сатаны!

Я изжарю тебя на огне, на дыбе согну!

Я тебя...

Вис Окажи мне милость. Только одну.

Моабад

...Проведу босую по крошеву из стекла!

Вис (*невозмутимо*)

На другую руку. Эта совсем уже затекла.

(*Протягивает ему свою левую руку вместо правой Кормилицыной*)

И веди куда хочешь. Пытай, убивай, трави –

Все равно. Я устала.

Моабад (*хватает ее руку и целует, выпустив Кормилицу; та исчезает*)

О Вис... Прости, моя Вис!

Моя девочка... Сердце... Какой же я негодяй!

Лучше обе руки отрубили бы у меня,

Чем на этой – вот этой руке – хоть один синяк...

Вис

Все слыхала. И все повторится чуть погодя.

Занавес

Часть 2

Хор невольниц (*проходя по просцениуму*)

Ураган ворвался в двери, все надежды разгромил:

Как теперь мужчинам верить, раз неверен сам Рамин?

По майданам, где торгуют, слух неслыханный повис:

Взял Рамин жену другую, позабыл о светлой Вис!

Слух прошел, позорный, низкий, слух растекся, как вода:

Если сам Рамин женился, что от прочих ждать тогда?

Скажут птицы, скажут змеи, скажут реки, обмелев:

Если сам Рамин – изменник, где же правда на земле?

Скажут горы, скажет ветер, скажет эхо всех равнин:

Видно, нет любви на свете, раз неверен сам Рамин!

Входят с разных сторон Моабад и Вис.

Моабад

Он женился.

Вис Кто – он?

Моабад Безрассудная нежность твоя.

Вис

Значит, царский престол унаследуют их сыновья.

Моабад

Это все, что ты скажешь?

Вис А что еще можно сказать?

Моабад

Без огня твои очи похожи на черный базальт.

Ничего в них не вижу...

Вис Пустое занятие, шах.

Моабад

Говори, что желает душа?

Отозвать ко двору его? Или отдать палачу?

Хочешь, я отравлю его?

Вис *(после паузы)* Нет. Не хочу.

Незнакомая местность. Пышный сад, выходящий почти к самой дороге. У фонтана Гуль с розой в руках. Входит Рамин.

Рамин

На пороге зима – а цветы, как весной, пьянят.

Неужели достиг я предела земель своих?

Кто ты, девушка?

Гуль Кто ты такой, что не знаешь меня?

Рамин

Напой меня!

Гуль Кто ты такой, чтоб тебя поить?

(напевает)

Ноги отпрянули, мимо идут –

Иди, если сердцем не слаб.

Роза румяная, роза в саду

Близ царского дома росла.

Рамин

Говоришь, моя роза, таинственным языком,

Но раскрытые губы твои – гранатовый плод...

Покажи мне лицо твое!

Гуль Солнце невысоко,

Но тебе, я заметила, голову напекло.

Рамин

Так подай напиток и гибель мою отсрочь!

Гуль

Разве я рабыня – тебе наполнять меха?

Рамин

Три минуты назад я готов был уехать прочь,

А теперь не могу, твое имя не услышав.

Гуль *(напевает)*

Рук не заламывай, зря не колдуй –
 В колодце простая вода...
 Роза желанная, роза в саду –
 Тот слеп, кто ее не видал!

Рамин

Так намеки и сыплются, словно весенний град!
 Ты играешь со мною?

Гуль

Кто ты, чтоб с тобой играть?

Рамин

Тот, кому доселе нужен был поводырь,
 Оттого, что ноги не знали, куда идти.
 Тот, кого сейчас без яда и без воды
 Опоила ты, даже лица не оборотив!

Гуль

Славен род мой, по всей стране кого ни бери –
 Ни один не посмеет худого слова сказать.
 Мой отец – властелин, мои братья – богатыри
 И за сестрину честь любому вырвут глаза!

Рамин

Отчего же о них не слыхал я в краях чужих?

Гуль

Уж тебе ли не ведома славы мирской тщета?
 Обо мне же успели столько песен сложить,
 Что у братьев не хватит досуга пересчитать.
 Ты один их не слышал!

Рамин

Наверное, был глухим.

Гуль

Для столичного гостя молва – пустые листы.
 А вот я так слыхала о том, кто в стране Махи
 Заодно с рассудком и честью оставил стыд!

Рамин

Что тебе известно?!

Гуль

Да то, что знает весь свет:

О неверной жене, о старухином колдовстве;
 Знает каждый бездельник, кому есть дело до вас,
 Как семью и родню свою ты навек осрамил,
 Как себя безотказно позволил околдовать
 Старой ведьме и блудной жене, шахзаде Рамин!
 Как ты шею подставил безропотно, точно вол...
 Вот и все, что слыхала, а более ничего!

Рамин

Кто ты?! Я тебя знаю? Открой мне свое лицо!
 Ты шайтан или пэри?!

Гуль

Нет, истина посреди:

Твой наместник Рафед, что приходится мне отцом,
 О твоём приезде всю землю предупредил.

Рамин *(слегка разочарованный)*

Значит, вот как...

Гуль

Прощай!

Рамин

Постой! Как имя твое?

Гуль

Вот невежда! Здесь каждая птица его поет.

Дивны дела мои, жизнь коротка –
 Водой утеку из горсти...
 Роза желанная, роза в руках –
 Слепой, кто тебя упустил!

А засим прощай – рассказала все, что могу...

Рамин

Погоди! Эта роза – ты?! Твое имя – Гуль?!

Гуль

Наконец-то! Спасибо, что думал не целый год.

Рамин

Пусть отец твой сегодня же вечером гостя ждет.

Письмо Вис к Рамину

Отнеси мою весточку, сирый голубь лесной,
 Отнеси мою весточку, ворон в ночной степи:
 Добрый путь, мой возлюбленный! Долгих и сладких снов!
 Вечных роз на стезе, на которую ты ступил!

Да устелен будет коврами путь твой земной,
 Да безоблачны будут дни в семейном кругу!
 Да не дрогнет рука твоя. Свадебное вино
 Да не прынет в испуге от клятвопреступных губ.

Да изведает досыта счастья в краях чужих,
 Да купаешься в радостях, как в медвяной росе!
 Да течет твоя жизнь без оглядки и безо лжи,
 Без позора, без страха, без горечи... как у всех.

Да сумеет другая твой рай тебе указать!
 Да целует тебя в *мои* губы, в *мои* глаза!
 Да уснет твоя совесть за каменной стеной!
 Да упьешься блаженством, какого не знал со мной!

Но прими мое слово, мой последний «аминь»:
 Ты вернешься, Рамин, ты еще вернешься, Рамин.
 И тогда, ненаглядный, возлюбленный, не спеши:
 Да спасут тебя боги от гнева моей души.

Рамин и Гуль на крыше башни. Гуль в горделивом восторге озирает горизонт; Рамин, стоя у самого края, смотрит вниз на стену.

Гуль

Всюду наши владенья, доколе хватает глаз –
 Погляди на восток или к западу обернись...
 Отчего ты невесел?

Рамин

Скажи, а ты бы могла

В темноте по стене этой башни спуститься вниз?

Гуль

По стене? В темноте? Что ты хочешь этим сказать?
Обезьяна я, что ли, или, может, коза?

Рамин

Извини меня, Гуль; я спросил не то, что хотел...

Гуль

Или кошка я, чтобы карабкаться в темноте?
Или я воровское отродье, а не княжна?
Или впрямь голова твоя с разумом не дружна?
Или ты... Или та болезнь вернулась опять?!
По ночам жене подобает в постели спать,
Со своим желательно мужем, а не с чужим!

Рамин

Ты прости. Уж неделя, как сон от меня бежит,
Как чугунная гиря, качается голова...

Гуль

Уж неделя?! Медовый месяц не миновал,
А уже соскучился муж на ложе моем?!
(глядя ему в глаза)
Разве я не моложе ее? Не лучше ее?!
Погляди и скажи! Разве краше есть на земле?

Рамин

Ты о чем говоришь, моя роза? Я не пойму...

Гуль

Если шлюха и дочь колдуньи тебе милей,
То ступай, возвращайся снова в старый хомут!
Может, лет через десять и правда станешь умней!

Рамин

Гуль! Чем я тебя оскорбил?

Гуль *(бросаясь ему на грудь)* Ты думал о ней!

Смена декораций. Моабад и Рамин вдвоем.

Моабад

Падаль. Пес. Как ты смеешь жить еще на земле?
Для чего седины дождалась моя голова?
Я состарился, да. И наследник мой осмелел.
Так же молод шакал, укусивший старого льва,
Так же молод мерзавец, в ночи убивший отца...

Рамин

Господин мой и царь...

Моабад

Замолчи! Я тебе не царь!

Я твой брат и я стар, мы с тобою одной крови,
Твоему преступленью нет имени, нет числа;
Как ты мог это сделать! Как мог посягнуть на Вис!
Лучше б ты втихомолку убийц ко мне подослал!
Лучше б нож твой кровавый торчал у меня в спине!
Ты хитер, как Иблис; ты, как змей, рассчитал удар...

Рамин

Ну, а ты, Моабад? Как ты мог жениться на ней?
Или разум и честь предводили тобой тогда?
Или хором тебе не кричали: «Остановись!»?
Для чего же лукавить, когда мы с тобой вдвоем?

Для мужчины, который однажды увидел Вис,
 Нет закона, нет чести, нет правды, кроме нее!
 Ни Аллах, ни Иблис не судья меж мной и тобой...
 Хочешь – руки положим в огонь за свою любовь?

Моабад (*поколебавшись*)

Не хочу. Сумасшедший!

Рамин Ты можешь меня казнить.

Моабад

И казню! Мне повесить собаку не тяжелей!

Рамин

Пусть же скажут: она предпочла не того из них,
 Кто сильней, а другого, кто жизни не пожалел!

Моабад

Негодяй...

Рамин Это правда.

Моабад Змея!

Рамин И это не ложь.

Моабад

Погляжу я, на дыбе так ли ты запоешь!

Рамин

Ты премилостив с теми, кого пригрел у груди –
 Ты мне пытку сулишь, чтобы имя ее твердить!
 Стану славить тебя до предела земных краев –
 Ты даруешь мне честь умереть во имя нее!

Моабад

Ты совсем обезумел...

Рамин Твой меч – голова моя.

Моабад

Как могу я убить помутившегося в уме?

Рамин

Ни в безумье, ни в гибели нет для любви помех.
 Как желанных объятий, шея ждет остря.
 Как огонь, ее имя, как солнце в моей груди –
 Умертви меня, брат мой, и солнце освободи!

Моабад

Так клянись же дыханием жизни, светом зениц,
 И душой, если есть душа у тебя в груди,
 И отцовской могилой, и матерью поклянись –
 Да позор не коснется священных ее седин!
 Поклянись и державой, и блеском отцовских риз,
 И богами, чья власть на земле еще велика,
 Поклянись отказаться от пагубной страсти к Вис,
 Или вырезать сердце не дрогнет моя рука!

Рамин

Я клянусь тебе адом и бездною ледяной,
 Я клянусь тебе раем и душами всех святых,
 И отцовской могилой, и матери сединой;
 Я клянусь тебе всем, чем еще не поклялся ты:
 Я клянусь тебе силой безумья в сердце моем
 И – стократ дороже души и света очей –
 Я клянусь волосами Вис, губами ее
 И ее дыханьем на сонном моем плече:

Пусть померкнут глаза, пусть рассудок мой отлетит,
 Пусть иссохну и стану прахом как тлен, как лист,
 Если здесь, на земном безрассудном своем пути
 Я хотя бы на миг перестану стремиться к Вис!
 Пусть услышат меня каждый камень и каждый куст:
 Даже в утро Суда, Джебраилу глядя в глаза,
 И тогда не забуду ее и не отрекись.
 А теперь убивай меня, брат мой. Я все сказал.
Затемнение.

Пахпур Джорджанели (*появляясь в круге света*)

От страны Ромеев до евфратских долин,
 От кавказских гор до самой страны Китай
 Сотни тысяч певцов повторяли из уст в уста,
 Как ответил влюбленный воин царю земли.
 До сих пор огонь этих слов по земле бежит,
 Ибо мы, певцы, - владыки правды и лжи,
 И меняется лик земли, когда мы поем...
 И не стало покоя шаху в доме своем.

Просцениум. Входят Моабад и Зард.

Моабад

Выручай меня, брат. Как покину я свой дворец?
 Мое сердце в осаде, в коросте, сердце в коре,
 И недобрые мысли в нем – как сотня гвоздей...
 Я иду на войну – а она остается здесь!
 Хоть под каждым окном поставь обученный взвод –
 Будет камни глодать, но ход себе прогрызет!

Зард

Но Рамина-то ты отсылаешь?

Моабад

Да ты пойми –

Я боюсь любого – Рамин или не Рамин!
 Я боюсь даже тени – дожил царь Моабад!
 Я боюсь часового, торговца, боюсь раба!
 Перед евнухами трепещу, как овечий хвост!

Зард

А скалы не боишься? Месяца, ветра, звезд?
 Вис взяла твое сердце; но память куда девал,
 Если ты позабыл цитадель Ашкуптидеван,
 Что стоит на горе, как у Господа на плече?
 Там не надо ни лампы, ни топлива, ни свечей,
 Там над башнями небо настолько недалеко,
 Что звезду или солнце возможно достать рукой!
 Заклучи твою Вис туда, как вино в кувшин,
 И воюй сколько хочешь. Не медли и не спеши.
 Пусть душа ее так же горька, как трава полынь,
 Но ведь крыльев-то нет, чтоб слететь с отвесной скалы!

*Комната в крепостной башне. Роскошное убранство в чудовищном беспорядке.
 Разъяренная Вис и испуганная Кормилица.*

Вис

Мразь! Подлец! Чтоб тебя чума побрала в пути!
 Чтобы ста сорока горячкам тебя скрутить!
 Чтобы смраднй шакал твою голову уволок!
 Чтоб тебя, как лягушку, на части разорвало!
 Сколько радостей в пекле шайтан для нас приберег –
 Всех тебе желаю, мой названный муженек!
(садится на пол, охватив руками голову)
 Чтоб ты заживо сгнил, как гниют мертвецы в гробах!
 Чтобы черви тебя изгрызли, шах Моабад!
 Чтобы адской жаровнею стала тебе постель!
 Чтобы мясо клоками слезало с твоих костей!
 Чтобы слезы мои стали ядом в твоей крови!
 Чтобы сон навсегда покинул глаза твои!
 Чтобы стала каждая ночь могилой без дна!
 Чтобы ты отныне вовек покоя не знал...

Затемнение. Смена декораций. Наружный вид замка на вершине почти отвесной скалы. По скале к воротам вьется узкая тропа. Входит Рамин.

Рамин

Где ты, Вис? «Ашкуптидеван» - не сказал ли старик?
 Где ты, Вис? Если б сила души моей двери могла отворить!
 Вдохнови меня, Вис! Хоть единым намеком меня образумь!
 Если б знала ты, кто здесь без отдыха бродит внизу...
 Где ты, Вис? Я нашел твои двери, но где же ключи?
 За которым из этих окон мое сердце стучит?
 Я умру здесь под стенами! Чем эту жажду залить?
 Выручай повелителя, преданный мой ордзали...

Настраивает инструмент и начинает петь; под его песню свет постепенно гаснет и несколько минут царит темнота.

Я один. Надо мной – только свод, от созвездий рябой.
 Эта ночь не оставит в покое того, кто отравлен тобой.
 Я один под пустынным шатром безразличных небес.
 Я один. Я пою о тебе.

Я один. Мои губы сухи, как пустынный песок.
 Как река без воды, этот мир без тебя пересох.
 Я один, ибо нет на земле ни единой души,
 Если ты мне навстречу по этой земле не спешишь.
 Я один. Я игралнице тысячи тысяч скорбей.
 Я один. Я пою о тебе.

Свет возвращается. Мы снова в башне. Кормилица стелет постель, Вис приникла лбом к окну.

Вис

Что-то душно, няня. Может, будет гроза?

Кормилица

Да какая уж там гроза! Скорее метель.

Вис

Нет покоя с утра. Будто кто-то руки связал,
И одно только это мешает телу взлететь.
Вся душа затекла, истомился каждый изгиб...
Будто музыка слышится где-то в звоне пурги...

Кормилица

Что ты, сердце! В такую-то стужу? Какой чудак
Поплетется на край земли по этим камням?
Даже стражи на стенах попрятались кто куда,
Даже пес на теплую кухню двор променял –
Позабудешь про службу, когда заставит нужда...
Нет, сегодня нам нашего сокола вряд ли ждать!

Вис (*прислушиваясь*)

Слышишь? Снова...

Кормилица Наверное, ветер там, в низине.

Вис

Нет ни ветра там, нет ни пурги, ни метели нет!
Тишина и мороз; небо в звездах, как решето...

Кормилица

От мороза тебе и послышалось черт-те-что.
Дай-ка ставень прикрою...

Вис (*открывая створку*) Постой. Хочу подышать.

Кормилица

Завернись потеплее, отчаянная душа!
Загорелось послушать, как воев в горах зима...

Вис (*вслушивается, и вдруг, распахнув окно во всю ширь*)

Ты не верила мне? Ну, так слушай теперь сама!

Вместе с холодом и свистом сквозняка в комнату врывается голос Рамина:

Пощади! Если время не стерло меня из груди –
Белоснежной рукою сомненья мои отведи.
Не помеха любви – ни засовы, ни каменный шлак.
Та, что любит меня, для меня бы дорогу нашла.
Я по трепету сердца найду тебя в бурю и в дождь –
Так подай же мне знак, если ты меня все еще ждешь!
Я один. Я готов устремиться навстречу судьбе.
Я один. Я пою о тебе.

Кормилица спешит захлопнуть окно; Вис кидается ей на шею.

Кормилица (*всхлипнув*)

От дурак, прости меня Боже! С детства дурной...

Вис (*смеясь и плача*)

Что нам делать? Он насмерть замерзнет там, под стеной!
Что нам делать, няня? Няня, сердце, не трусь!
Твой приемыш, твой сумасшедший ждет на ветру,
Не нашел потеплее ночи мой властелин...
Отыскался чудак: притащился на край земли!

(хватает лампы – одну, другую, третью – и выставляет их в ряд на окне; сквозняк гасит их, она зажигает снова и уже ищет глазами, чтобы еще поджечь, когда Кормилица наконец-то приходит в себя)

Кормилица

Ты с ума сошла? Весь замок сейчас сожжешь!

Вис

Няня, сердце горит! Не погасит ни гром, ни дождь!

Что нам делать, родная? Прогоним его назад?

Кормилица *(открывая сундук и выбрасывая рулоны тканей)*

Что нам делать?! Да что же еще-то: узлы вязать!

Затемнение. Музыка, прерываемая лязгом оружия и топотом приближающихся солдат. Загорается свет. Мы опять у подножия стен. Входят Зард и Моабад.

Зард

Мы неслись по стране, как ифриты в туче песка,

А теперь мы крадемся в ночи, как шайка воров.

Для чего ты привел войска к подножию скал?

Захватил бы тогда уж и весь остальной народ!

Посмотри, затянуло пылью каждый порог!

Посмотри, заржавели замки у внешних ворот!

Посмотри, часовые на башнях вдали кричат!

Посмотри, здесь на каждой решетке твоя печать!

Неужели по-твоему, брат, хоть одна душа...

Моабад

До чего же прекрасен визирь у моей страны:

Похвальные тем, как хитро завязан кушак,

И не видит, что из-под него упали штаны!

Скудоумец несчастный, на что тебе голова?

И на что мне кушак, если нет под ним шаровар?

Не совет, а горе; уж лучше б ты был немым!

Я опять в позоре по самый узел чалмы!

Проверяй карманы, мой заботливый брат –

Я опять обманут жалким куском ребра!

Не нашел ключа ты, чтоб запереть скандал?

Обрывай печати, все равно опоздал!

Быстрая смена декораций. Башня. В спальню Вис и Рамина врывается Кормилица.

Кормилица

Спите оба? Какой же еще потребен набат,

Чтобы с этого ложа да на ноги вас поднять?

Собирайтесь живей! Дождались рокового дня –

У ворот цитадели беснуется Моабад.

Три недели всего довелось отдохнуть душой...

Вис *(Рамину)*

Ты сумеешь укрыться, чтоб он тебя не нашел?

(Кормилице)

Няня, полно скулить! Без шипов не бывает роз.

Рамин *(у окна)*

Ну, а ты?

Вис Я ведь женщина, милый. Что за вопрос?

Рамин вылезает в окно. Моабад и Зард врываются в дверь.

Зард

Знает горний, знает дольний, что в походе государь –
У себя в родимом доме что находит государь?
Ты преступница прямая!

Вис (*Моабад*)

Ничего не понимаю –
Ты же сам, своею волей заключил меня сюда!
Сам на карте выбрал место – на строителей пеняй!
Сам привез сюда невесту – на хранителей пеняй!
Иль не по сердцу убранство? Или вор сюда забрался?
Если так, спроси у братца, но не впутывай меня!

Моабад

Ты, прекраснейшая станом, горе сердца моего!
Ты – наследница шайтана, горе сердца моего!
Ты презрела узы брака, ты бесстыдней, чем собака,
Что тебе стена из шлака? Ровным счетом ничего!

Вис

Царь с визирем выбирали неприступную тюрьму,
От столицы до окраин – неприступную тюрьму;
Чтобы смерть была повсюду, чтоб не выдержал рассудок,
Чтобы не было отсюда хода сердцу моему!
Не оплошка, не случайность – выбирали на года;
Отчего ж теперь примчались, как вороны на скандал?
Если выбрано на совесть, так живи не беспокоясь!
Кто жене развяжет пояс на заоблачных грядах?

Моабад

Ты, как язва, бесполезна – ненавижу твой язык!
Ты бездушна, как железо – ненавижу твой язык!
Он сродни змеиным жалам, он беда моей державы,
Если б кто его отрезал, я б не пролил ни слезы!

Зард

Слов и слез напрасны траты – говори, пока жива!
Где сообщник твой проклятый? Говори, пока жива!
Я вот этими руками здесь просею каждый камень –
Если меч его не встретит, так настигнет тетива!

Вис

Вы умом, уж не взыщите, оскудели, мой супруг!
Если надо, так ищите хоть неделю, мой супруг!
Все дела свои забросьте, расшибите лбы до кости,
Не забудьте, известите, если кончите к утру!

Моабад

Лучше б я тебя, блудница, никогда бы не встречал!
Этой шлюхи яснолицей никогда бы не встречал!
Ты души моей убийца! Как я мог в тебя влюбиться?
Перед кем мечу я бисер? Ты достойна лишь меча!

Зард (*останавливая его*)

Есть для этого препона – погоди, любезный брат!
Все должно быть по закону – погоди, любезный брат!
Делай все, что сердцу мило, но сперва найдем Рамина!

(ей)

Вместе с ним, в одних оковах, ты не будешь так храбра!

Вис

Проищите хоть до ночи – не найдете ничего!
 Если бог того не хочет – не найдете ничего!
 Если бог вам крыльев не дал, то ищите до победы –
 Кроме собственного бреда, не найдете ничего!

Хор невольниц (*входя по одной и вереницей дефилируя по сцене*)

В добрый час, мужья и стражи, - не найдете ничего!
 Меж перин в пуху лебяжьем не найдете ничего!
 По укладкам, кроме пряжи, в дымоходе, кроме сажи,
 Если женщина не скажет, не найдете ничего!
 Кто в сетях удержит воду? Потягайся с госпожой!
 Кто kota за лиса продал? Потягайся с госпожой!
 Ста мужьям, пустому сброду, по губам помажет медом –
 Не бывало, дескать, сроду вора в комнате чужой!
 Мудрый, мудростью не хвастай – ни один не устоит!
 Ни змея, ни лев гривастый – ни один не устоит!
 Ни один, ни два, ни двадцать – не извольте сомневаться!
 Против женского коварства ни один не устоит!
 Нам сдаваться не по чину – нас придумал сам шайтан!
 На погибель всем мужчинам нас придумал сам шайтан!
 Наша лживая личина от лица неотличима –
 Проищите до кончины, не найдете ни черта!

Комната в башне. На окнах решетки. Снаружи стук молотков. Вис и Кормилица вдвоем.

Вис

Няня, ставят решетки на окнах нашей тюрьмы!
 Как же нынче залетного сокола я впущу?

Кормилица

Не сегодня, дитя. Обожди, потерпи чуть-чуть.
 Хоть неделю прикинуться надо, что мы – не мы.
 Хоть неделю смирнее воды и тише травы
 Последить, что задумала шахская голова:
 Не сегодня, так завтра – попомни мои слова –
 Он вернется к полуночи, втайне от часовых.
 Лишь неделю, дитя, для тебя же прошу, ей-ей!

Вис

Лишь неделю? Неделю короткой жизни моей?
 Целых семь жемчужин от нити моей судьбы,
 Что не нынче, так завтра обрежет удар меча?
 Я совета бесстрашной тигрицы ждала сейчас –
 Я взамен получила совет трусливой рабы.
 Пусть проведает шах во главе своих воевод –
 Я ни часом любви не пожертвую для него!

Кормилица

Ой, не минет плаха злосчастных моих седин...
 Ну, а как же решетки, дитя?

Вис

Не знаю. Уйди.

Кормилица, вздохнув, уходит. Вис мечется по клетке, пока не натывается взглядом на слуховое окошко под потолком, не забранное решеткой. Темнеет. Снаружи доносится пение Рамина:

Ночь... Весенняя ночь, сохрани, возврати мой рассудок –
 Далеко ли от света очей мне уйти удалось?
 Здесь повсюду фиалки, повсюду фиалки, повсюду –
 И у всех этот запах единственных в мире волос.

Ниспошли мне забвение, ночь! Наколдуй мне усталость!
 Притупи мои чувства, как нюх у бездомного пса!
 Но дыханием страсти моей вся земля пропиталась
 И глазами любимой глядят на меня небеса.

Наверху мое сердце, внизу я брожу, неприкаян,
 Я охвачен безумьем, отравлен до самых глубин –
 Пресеки мне дыхание, ночь! Обрати меня в камень!
 Или запах проклятых цветов на земле истреби!

Решившись, Вис, как кошка, взбирается по портьерам и протискивается в окно.

Хор невольниц (*входят поодиночке и начинают собирать вещи, разбросанные Вис*)

Ай, любовь, заклятый демон, хуже пламени в золе!
 Где золотая диадема? - Позабыта на столе.
 Острый гвоздь порвал на части платье греческой парчи;
 Где узорные запястья? - В темной пропасти ищи!
 Пробираясь вдоль карниза, поскользнулась по пути –
 Где бахромчатые ризы? Южный ветер подхватил!
 Развевал он, целовал он волны шелковых волос –
 Три дамасских покрывала на три стороны унес!
 По стене отвесной башни из последних слабых сил...
 Где исподняя рубашка? – У шиповника спроси!
 Не открыл певец захожий, речь земля не обрела,
 Как любовь сдирает кожу, чтобы дать нам два крыла!
 И пока луна не выйдет, не заблещет на листьях,
 Ни единый глаз не видит, что тюрьма твоя пуста.
 Каждый прут решетки прочен, только птицы нет внутри...
 Где она? – Спроси у ночи, у полыни вдоль обочин,
 У листов, древесных почек... Только в доме не смотри!

Смена декораций. Сад. Рамин дремлет, лежа на земле. Появляется Вис, и, подкравшись, трогает его за плечо.

Рамин (*проснувшись и хватая ее в объятия*)

Вис! Мой сон, мое сердце, три звука моей судьбы...
 Вис! Подобных чудес не бывает, не может быть!
 Как ты сделала это, пока я бродил в полях?...
 ...Твои ноги в крови!

Вис (*улыбаясь*) Пустяки. Уже не болят.

Рамин

Твое сердце во мне. Мое сердце в твоей горсти.
 Ты с высот мирозданья спустилась меня спасти.
 В неизвестности я бы не пережил эту ночь...

...Что с твоими руками?!

Вис *(так же)* Не знаю. Было темно.

Рамин *(снимает плащ и накидывает ей на плечи)*

Ты дрожишь, моя Вис. Завернись поплотнее в плащ.

У меня на двоих достанет жара в груди,

У меня на двоих в крови достанет тепла...

Вис! Ты сон или птица?

Вис Кошка, мой господин.

Рамин

Я согрею губами босые твои ступни,

Я верну твоим пальцам тепло, а щекам огонь;

Ничего говорить не надо – только вздохни...

Вис! Ты тень или ангел?

Вис Ведьма, мой дорогой.

Ты делил свое ложе с ведьмой весь этот год.

Рамин

Пусть теперь эта ведьма на небо меня ведет...

В круге света появляется Вис в черном, с распущенными волосами.

Вис

Ворожу тебе в горести,

Духов ста печалей зову на помощь:

Да забудешь ты голос мой,

Да во сне лица моего не вспомнишь.

На востоке, на западе

Будешь век искать и найти не сможешь,

Если б только не запах тот,

Что витал однажды над нашим ложем...

Все, что силою отнято,

Пусть берут другие, коли нужда им!

Твое сердце и плоть твою

От себя навеки освобождаю.

Отпускаю на волю все –

Прошлогодним снегом, водою талой, -

Если б только не волосы,

Что земля цветущая пропитала.

Все, чего мы ни алкали,

Улетело дымом, лампадным чадом –

Кроме чащи фиалковой,

Что в саду измяли мы так нещадно...

Комната Рамина в его дворце. За окнами снег. Рамин сидит в одиночестве у очага и смотрит в огонь. Рядом с ним стоит кувшин и кубок с вином.

Рамин

Третью вечность зима коснеет
 В усыпленном моем краю,
 Негашеной известью с неба
 Засыпает память мою.

Из-под снега сухие былья,
 Словно знаки чьих-то смертей...
 Я не помню, что позабыл я!
 Я забыл, что вспомнить хотел!

Выливает в кубок остаток вина и бросает пустой кувшин об стену. Входит Гуль.

Гуль

Сколько можно пить? Ты мужчина или бурдюк?
 За героя шла я – и чьею стала женой?
 Чем тебя опоили? Отродья каких гадюк,
 Подменив тебя, насмеются надо мной?
 От красы и славы остался один помин!
 И вот это – Рамин?

Рамин Рамин? Кто такой Рамин?
 Кто ты, женщина?

Гуль Спятил?! Я Гуль, я твоя жена!

Рамин
 Гуль – моя жена?! Я, забывший все имена,
 Я, поправший обеты – все, что мне суждены –
 Помню только, что это – не имя моей жены!

Гуль
 Ты с ума сошел?

Рамин Я, забывший, кто я таков,
 Я, забывший молитвы на тысяче языков,
 Я, забывший дороги, какие успел пройти,
 Я, забывший каждую ноту, каждый мотив,
 Я, забывший какое-то имя, голос, черты, -
 Я бессилён вспомнить, но знаю – это не ты!
 Уходи.

Гуль Будь ты проклят! Зачем ты меня завлек?
 Для чего обольстил своей славой? Своим лицом?

Рамин
 Уходи. Не плачь. Мой рассудок слишком далек.
 Я не знаю, кто я. Наверное, только сон.

Гуль уходит. Рамин сжимает голову руками, словно от боли.

Занесло весь мир, забросало,
 Заровняло каждый изгиб –
 Все бело, как сон или саван,
 Ни следа, ни знака, ни зги.

Только вьюга хвостом кобыльим
 Заметаёт остатки чувств...
 Я не помню, что позабыл я!

Я забыл, что вспомнить хочу!

Я песчинка в этом просторе,
Я мертвец, я сон наяву...
Для чего я здесь? Что я? Кто я?
Отчего я еще живу?

Для чего я здесь? Кто я? Что я?
Ни следа, ни зги, ни пути...
Накажи меня слепотою,
Только память мне возврати!

Комната в башне. Моабад, Кормилица и слуги.

Моабад

Так и знал, так и думал! Все щели разят стыдом,
От позора все струны души сорвались на визг.
Так и знал, что застигну пустым оставленный дом.

(Кормилице)

Отвечай мне, мерзавка! Куда ты девала Вис?

Кормилица

Я оставила здесь ее, право, мой государь!
Поглядите сами: цела печать на двери...

Моабад

Так и знал, так и думал: все втуне, все как всегда!
Как она ускользнула? Где она? Говори!!!
Дверь цела, ни единый ставень не отворен,
Как могла она выйти, скажет мне кто-нибудь?!!
Обернулась птицей? Мышью? Нетопырем?
Притворилась дымом и вылетела в трубу?

(Кормилице)

Ты ее научила, ты, бесстыжая тварь!
Я доверился той, что меня превратила в тень!
Я же знал, что в науке проклятого колдовства
Вы вдвоем превзошли шайтана и всех чертей!
Ничего, ты узнаешь, как в пламени горячо...

Кормилица *(на коленях)*

Я клянусь, государь мой, сегодня я не при чем!

Моабад *(слугам)*

Обыщите замок! Проверьте каждую щель:
Дымоходы, печи, каждый ларь платяной...

Зард *(входя)*

Господин! Тут нашли кое-что из ее вещей...

Моабад

Где нашли?!

Зард

У подножья скал под этой стеной.

(Указывает на стену со слуховым окном и протягивает Моабладу головное покрывало Вис.)

Моабад *(хватает его, как безумный, и смотрит то на покрывало, то на окно)*

Быть такого не может! Вы лжете, вы все пьяны!
Вис... Дитя мое... Девочка... Кость моего ребра...

(Зарду)

Ты глупец! Не могла она броситься со стены!

(остальным)

Да ищите, ищите же, чтоб вас шайтан побрал!
Все ищите, когда не хотите трупами лечь!

(Зарду)

Без нее мне конец. Лучше сразу грудью на меч.
(закрывает лицо руками)

Кормилица *(про себя)*

И поверить не верю, и слушаю трепеща,
И додумать свою догадку храбрости нет...

Гонец *(входя)*

Господин, мы нашли обрывок ее плаща!

Моабад *(отнимая руки)*

Где нашли?!

Гонец Меж зубцами щели в Южной стене.

Кормилица *(про себя)*

В темноте! У орла бы, и то захватило дух!

Слуга *(входя)*

Господин, мы нашли ее пояс.

Моабад *(мрачнее тучи)* Где же?

Слуга В саду.

Затемнение. Действие переносится в сад. Вис лежит на земле, притворяясь спящей.

Слуги ищут вокруг.

Один из слуг

Вот она, господин!

Моабад *(входя)* Жива?

Слуга Похоже, что спит.

Следом за Моабадом входит Зард.

Моабад *(бросаясь к ней)*

Вис! Цела? Невредима?

Вис *(открыв глаза)* Где я, мой государь?

Моабад *(ей)*

Ты проклятая ведьма!

(слугам)

Ищите следы копыт –

Не иначе, как дьявол доставил ее сюда!

Да найдите сообщника! Хоть расшибите лбы,

Но доставьте живым или мертвым к моим ногам!

(трясет ее за плечи)

Как ты здесь оказалась?! И кто тут с тобою был?!

Твой язык за сегодня достаточно мне налгал –

Я клещами велю его вырвать на площади!

Говори и молись, чтобы я тебя пощадил.

Вис *(озираясь)*

Что сказать, государь? – Отчего тут столько людей?

Где одежда моя?

Моабад Я не знаю. Ты мне скажи!

Вис

Как могу я сказать, если толком не знаю – где

Я сама нахожусь?

Моабад На сегодня довольно лжи –

Я устал от насмешек. Я выжгу тебе глаза,
Я готов обезглавить тебя своею рукой!
(*хватает ее за волосы и заносит кинжал*)

Вис (*спокойно*)

Что ж, другая смерть ничем не лучше такой...

Зард (*удерживая его руку*)

Господин и брат, позволь мне слово сказать!
Недостойно царя вершить расправу в ночи;
Отложив до утра, чем рискуешь ты, государь?
И к тому же ты в исступленье, она молчит,
А Рамина вокруг, похоже, нет и следа!

(*понижив голос*)

Я бы первый вонзил в это черное сердце нож –
Но ведь ты без нее и недели не проживешь!

Моабд (*мрачно*)

Что ж, пускай говорит. Я послушаю. Не впервой.
Измышлять небылицы у ней достанет ума.

Вис

Государь, я в смущенье. Подумай сам, каково
Объяснять тебе то, чего не помню сама?
Я уснула в слезах, но уснула в своей тюрьме!
Мне привиделся ангел – два зеленых крыла...
Я не знаю дороги, не знаю даже примет
Почивальни, где ложе сегодня я обрела!

Моабд (*Зарду*)

Ну, ты выслушал это? Я сам поверить хочу,
Но возможно ли верить, скажи, в подобную чушь?

Кормилица

Не позволишь ли, царь? Тут дурного умысла нет.
Это лунной болезнью зовется в наших краях:
Так бывает с людьми, что порой при полной луне
Не проснувшись, пройдет вдоль кинжального острия,
По стене перелезет в соседние рубежи,
Через пропасть по тонкой досточке перебежит...

Моабд (*недоверчиво*)

Сговорились вы, что ли?

Кормилица

Спроси своего врача!

Уж ему-то поверишь, владыка целой земли?
Вис, бывало, малышкой ходила так по ночам,
А теперь вот опять мое дитяtko довели...

(*плачет*)

Моабд (*в сердцах, обращаясь к Вис*)

Ты отродье суки, дочь нечистой свиньи!
Ни души, ни сердца нет у тебя в груди!
Ты отвергла Бога для похоти чресл твоих,
Погасила бы солнце ты, чтоб во тьме блудить;
Вот четыре ветра, а вон четыре пути –
Уходи и мое проклятие захвати!
Может, мне от разлуки полегчает хоть чуть-чуть...

Вис

Ты не шутишь, царь Хорасана?!

Моабд

Нет, не шучу.

Вис (*вскочив и всплеснув руками*)

Да цветет Хорасан твой розами, как Шираз!
 Да пошлют тебе боги жену прекрасней в сто раз!
 Да пребудет удача вовеки твоей рабой!
 Ухожу, все молитвы мои оставив с тобой!
 От великого счастья не верю себе самой...
 Няня, сердце! Скорей собирайся – едем домой!
 (*убегает*)

Моабад сидит неподвижно, закрыв лицо руками.

Просцениум. Звуки труб. Входят Шахро и Виро с одной стороны, Вис и Кормилица – с другой.

Вис (*припадая к руке Шахро*)

Госпожа и мать...

Шахро Дорогое мое дитя...

Вис (*тихо*)

Как же сердце мое тосковало все эти дни...

Шахро

Все печали остались в прошлом. Ты не в гостях –
 Ты теперь у себя, под защитой своей родни.
 (*смотрит на нее*)

Ты прекрасна, как я в твои годы – кость от кости...
 Как же муж без охраны одну тебя отпустил?

Пауза

Виро

Отпустил и спасибо – пускай он живет сто лет!
 И чего ей бояться здесь, на своей земле?
 Мое сердце – защита, а руки – ее кордон...
 Ты не счастлива, мать? Наше солнце вернулось в дом!

Шахро (*ему, нежно*)

Ты ведь молод, Виро. Молодое сердце горит.
 (*ей*)

Проходи же, дитя мое. После поговорим.

Позже. Вис и Шахро в саду. Продолжают прерванный разговор.

Шахро

Ты ушла насовсем?

Вис Ты не рада?

Шахро Да как сказать...

Вис

Непохоже, чтоб дома хоть кто-нибудь ликовал.

Шахро

Получается, шах возвращает тебя назад,
 Как вернул бы купцу не понравившийся товар.
 Если жизни не знаешь, поверь, по крайности, мне:
 Ни товару, ни лавке от этого чести нет.
 Погости здесь, подумай, а после с ним помирись...

Вис

На каком языке говорит царица цариц?
 Да куда же вернулась я?! Узнаю с трудом –
 Тут, выходит, не отчий дом, а торговый дом?
 На разлив и на вес красота и царская кровь!
 Так ли я поняла повелительницу Шахро?

Шахро

Не дерзи мне, дитя! Хорошо трепать языком,
 Если сам до конца науку жизни постиг.
 У царя, у купца и у зверя один закон:
 Устоять на ногах и накопленное спасти!
 Мы с тобой не мать и не дочь – за нами страна!
 За нее кое-чем поступиться стоит труда!
 Что нам делать, когда Моабад нападет на нас?

Вис

Да не хочет напасть и не думает нападать!
 Он же сам отпустил меня – сколько раз говорить?

Шахро

Передумать успел еще до первой зари!

Вис

Разве сын твой не воин?

Шахро

Мой сын у меня один!

Если он пострадает, кому достанется трон?
 У кого мне приюта искать для моих седин?

Вис

Лишь теперь я узнала, что значит любовь Шахро;
 Вот беда, не ко мне.

Шахро

Оборвется род, и тогда

Где найти нам царя, чтобы спас от смуты страну?
 Во второй раз прикажете замуж тебя отдать?
 Где найти отщепенца, что руку бы протянул
 К той добыче, что раз побывала в лапах у льва?
 Ты отныне вовеки соломенная вдова!

(берет ее за руку)

Не вверяйся ветрам; воротись к подножью скалы...

Вис *(горько)*

Не боишься ли ты, что придется вернуть калым?

Смертельно оскорбленная, Шахро удаляется. Входит Виро.

Виро *(проводя мать взглядом)*

Что сказала ты матери?

Вис *(горько)*

Что мне сказала мать...

Виро

Вы, как жерла вулканов, обе с ней горячи.
 Если близко к сердцу слова ее принимать,
 То подумаешь – гром катастрофы уже звучит;
 А на самом деле всего-то шумит вода...

(обнимает ее)

Не тревожься, дитя. Никому тебя не отдам.

Вис

Мать боится, что шах опять разорвет союз.

Виро

Мать пускай боится. Я-то ведь не боюсь!

Вис

Каждый взгляд или слово колом в сердце стоит...

Мать не любит меня!

Виро

Я люблю тебя за двоих.

Не бывает на свете сильнее такой любви,

Если голос крови и сердца слились в одно.

Хороша или нет – ты останешься мне родной;

Если ты со мною, я буду неуязвим.

Муж наскучит, любовник изменит, бросит жених –

Только сын твоей матери может ли изменить?

Не бывает в неверном мире любви иной,

Чтоб смеялась над всеми превратностями судьбы!

Вис

Даже если я так и не стану твоей женой?

Виро

Но сестрою от этого не перестанешь быть!

Страсть – бегучий ручей, а родство не имеет дна;

Страсть иссякнет, оставив тебя в океане бед...

Вис

Кровь родная, мой милый, прекрасна, но холодна;

Ты прости, я не верю ни матери, ни тебе.

Уходят вдвоем

Дворец в Хорасане. Зард увещевает Моабада.

Зард

Все ты сделал как надобно, брат. Довольно тужить,

Что исчадие зла не вернется в наши места.

Есть принцесса в Китае, есть в Индии дочь раджи,

И персидской царицей любая достойна стать!

Сколько в мире прекрасных собою, знатных девиц –

И любая пойдет за владыку наших степей...

Свет не клином сошелся на этой бесстыжей Вис,

Что, наверное, сызнова с братом сошлась теперь.

Моабад (*пробуждаясь от задумчивости*)

Как сошлась? Ты уверен?!

Зард (*пожав плечами*)

У шлюхи же нет стыда –

Что развратнице делать дома, как не грешить?

Да и что нам за дело до этого, государь?

Моабад (*решительно*)

Я тебе продиктую письмо. Садись и пиши.

(откуда-то доносится пение Рамина)

Рамин

От степей на восходе до гор на вечерней заре

Все твое на земле, повелитель земель и царей!

Все твое, от Аравии знойной до стылых Саян –

Все твое. Только Вис не твоя!

Все твое на земле. Отдаю тебе дом и войска.

Все твое на земле, где не сможешь меня отыскать!
 Все твое – и военная слава, и мирный уют.
 И покой, и богатство, и мудрость тебе отдаю.
 Пусть рога изобилия вдосталь тебя напоят –
 Все твое. Только Вис не твоя!

Все твое в этом мире, владыка мой и господин –
 Все твое в этом мире, а я в этом мире один.
 Все богатство изгнанника – плащ да сума за плечом,
 Все богатство изгнанника – вечность... и что же еще?
 Все твое на земле. Отчего же мне трубы трубят,
 Что сегодня на этой земле я богаче тебя?
 Все твое в этом мире, покуда он будет стоять, –
 Все твое. Только Вис не твоя!

Смена декораций. Мы в покоях Вис в материнском доме.

Виро *(вбегают с письмом)*

Это правда, сестра?

(Вис наклоняет голову)

Это правда?

(пауза)

Мне повторить?

Это правда? Все то, что мне написал старик?

Ты имеешь любовника?

Вис Да.

Виро Ты забыла честь,
 Ты покрыла позором семью и Джамшидов род,
 Ты утратила стыд и лицо. Десятки ночей,
 Не стыдясь ни отца, ни меня, ни нашей Шахро,
 Как блудница, что вышла из дома ночной порой,
 Как грошовая девка на площади...

Вис Да, Виро.

Пауза.

Виро

Я когда-то считал тебя чище горного льда...

Вис

Да, Виро. Так оно и было, Виро... Тогда.

Виро

А теперь ты упала в грязь.

Вис Выходит, что так.

Виро

И, похоже, не хочешь раскаиваться.

Вис Ничуть.

Виро

Ты была мне сестрой. Ты была светла, как мечта.

А теперь...

(отворачивается, словно хочет уйти)

Вис Чего ты хотел?

Виро Чего я хочу?!

Как ты можешь не знать?! Да хотя бы простых вещей:

Чтобы ты обрела себя и вспомнила честь,

Чтоб жила по закону женщин, а не кобыл!
 Чтобы твой жеребец все дороги к тебе забыл,
 Чтоб о нем позабыли с сегодняшнего числа!
 Чтобы сплетня хотя бы до матери не дошла!
 Чтобы имя мое не трепали по всей земле!
 Чтоб жила, как замужней женщине Бог велел,
 И тебя считали достойной женой царю...

Пауза. Протягивает руку.

Повинись перед мужем. Хочешь, вас помирю?

Вис (*оборачивается, как ужаленная*)

Что сказал ты?!

Виро Мой первый совет. А еще второй...

Вис (*перебивая*)

Что сказал ты? И это слова... моего Виро?!
 Это голос, что только сейчас меня упрекал?
 Ты назвал моим мужем вот этого старика?!
 Ты один меня мог обвинить – помимо небес!
 Я тебе изменила – ты слышишь? – только тебе!
 Лишь тебе – не ему – приносила я клятву жен!
 И теперь ты меня называешь женой чужой?!
 И, отрехшись, ты судишь меня за мои дела?
 Я ждала тебя с войском – почти полгода ждала!
 Я ждала как спасенья, как воздуха, день и ночь,
 Я ждала час за часом... Как это было давно!
 Да, теперь я блудница. И что же тому виной?
 Я ему не жена – я была твоею женой,
 Я полгода хранила верность – мало, скажи,
 Для того, кто забыл меня пару недель спустя?
 Я любила тебя. Я была бы твоей всю жизнь,
 Не взглянула бы на другого...

Виро Молчи, дитя!

Я не мог иначе, не мог, пойми же меня!

Этот старый бурдюк как былинку меня согнул!

Вис

Ты иначе не мог – ну, так нечего мне пенять
 За того, кто всему предпочел бы меня одну!
 Вот она, моя совесть, во всей ее наготе:
 Вис была для Виро, да минули те времена!
 Я была бы твоею, если б ты захотел,
 Как теперь я – Раминова...

Виро Сердце, не вспоминай!

Я хотел бы забыть, но яд остался в крови...

Ты еще меня любишь, Вис? Ответь, моя Вис!

(обнимает ее; смотрят друг другу в глаза)

Вис

Говорила я няне на давней-давней заре,
 Что за твой мизинец отдам всех земных царей;
 А сегодня, уста свои ложью не оскорбя,
 За один мизинец Рамина – всего тебя!

Виро

Ты смеешься, несчастная?!

Вис Да, Виро, извини!

Как припомню, во сколько меня оценил жених...
 Куча рытого бархата, три табуна коней,
 Сундуки серебра, византийский старый альков...

Виро (*едко*)

Твой Рамин тебя ценит дороже?

Вис

Может, и нет;

Только он-то не брат мне – с него и спрос не таков!

Виро

Он шенок и мерзавец! Чем он тебя опоил?

Ты ему отдала, что по праву было моим!

Вис

Я ему отдала всю душу, всю свою страсть,
 Над собой и над миром его возвела в цари –
 А тебе я сестра, а тебе я только сестра,
 И с сестрою, мой брат, неуместно так говорить!
 Ты не рад? Ты обрел сестру, утратив жену!

Виро (*вне себя*)

Я верну тебя, ведьма! Убью его – но верну!

Вис

Не спеши горячиться, мой лев, мой каменный барс:
 Может статься, не так-то легко он меня продаст!

Виро (*выхватив нож*)

Я убью вас обоих!

Вис (*спокойно*)

Что ж, Виро. Убивай.

Виро (*мрачно*)

Твой мальчишка, бренчащий сладко на ордзали, -
 Он дороже и брата, и матери, и земли...

Вис

К Моабаду ты так вполонину не ревновал.

Виро

Моабад! Что такое старик! Подождать чуть-чуть...

Вис

А Рамина ты мне простишь?

Виро

Забудешь – прощу.

(Виро уходит, в бешенстве хлопнув дверью; Вис берет лютню и начинает играть. Входит Кормилица).

Вис (*поет*)

Запечатан ставень мой золота литого,
 Полоса червонная льется посреди...
 Я силки расставила на дороге торной –
 Попадались вороны; сокол – ни один.

Стены высоки мои; ни дверей, ни окон;
 Лишь вершины горные в синей мерзлоте...
 Сети я раскинула на лугу широком –
 Попадались голуби; сокол – не слетел.

Знать, судьба недобрая запретила петь мне,
 Куковать кукушкою, стоя на стене...

Высоко за облако бросила я сети –
Ветер в них запутался; сокола все нет.

(внезапно опустив лютню и обернувшись)

Отчего он не едет, няня?

Кормилица Ты не звала.

Вис

Неужели мне вечно его призывать самой?
Где отвага его? Где рассудок его прямой?
До чего я измучилась – знает один Аллах.
Вдруг жестокая смерть поразила его в ночи?
Вдруг он ранен? Вдруг шах в тюрьму его заточил?
Вдруг лежит, умирая, на ложе тверже кремня?
Вдруг он весел и счастлив, няня... Там, без меня?
Я обучена тайнам, я знаю пути планет –
И не знаю лекарства от яда в моей крови...

Кормилица

Слушай сердце, дитя. Сердце скажет, жив или нет.

Ну, а если он жив, то услышит – лишь позови.

(направляясь к двери и оглянувшись напоследок)

Не гляди на дорогу, как праведник на Коран –
Если надо, так он пешком пройдет по горам.

(уходит)

Оставшись одна, Вис принимает прежнюю позу, глядя в окно. Через некоторое время рука ее вновь тянется к струнам и она принимается напевать.

Вис

Вешняя пора моя до цветенья сжата,
Ни красы, ни юности – вечная тоска...
Отыщи мне равного, ветер-проводжатый!
Ветер пригорюнился, но не отыскал.

Внезапно ее голос крепнет, мелодия набирает силу и разносится далеко за пределами дворца:

Небеса померкнули над горой высокой,
Вдаль умчался ветер мой, ветер-звездочет...
Я спросила зеркало: «Где же он, мой сокол?»
Зеркало ответило: «Прямо за плечом».

Дверь настезь, на пороге Рамин – исхудавший, запыленный, измученный, - в прямом смысле «одни глаза». Вис не оборачивается, не подает вида, не обрывает песни; только голос ее звенит, как не звенел еще никогда:

Зарешечен ставень мой, бережно хранимый,
Кони звонко цокают, стража по местам...
Я силков не ставила, в сети не манила –
На груди у сокола день меня застал.

Допела. Опустила лютню. Затворила окно. Все как в первую их встречу – она спиной к нему, он у двери, на коленях. Наконец обернулась – и вновь, как тогда, по мановению ее взгляда он поднимается с колен и делает первый шаг...

Затемнение.

Покои Вис. Она и Рамин поглощены друг другом, но при звуке шагов за дверью Вис отталкивает его. Рамин отступает на просцениум и на протяжении всей сцены остается там, скрытый за кулисой, но прекрасно видимый зрителю.

Входит Шахро.

Шахро

Он сзывает войско! Твой брат поднимает рать.
Ты теперь понимаешь, куда это завлечет?
Умоляю тебя, ни слова, ни время не трать,
Убеждая себя и меня, что ты не при чем.
Ты меня обездолишь!

Вис Мы обе себе верны.

Шахро

Дочь, опомнись, молю, если я тебе дорога!
Ты еще раз готова стать причиной войны!

Вис

Ты еще раз готовишься выдать меня врагам.

Шахро *(на коленях)*

Посмотри, это мать умоляет тебя, дитя!
Это мать на коленях в пыли по твоей вине!

Вис

У тебя лишь одно дитя, и второго нет –
Я товар на продажу, я мясо в твоих когтях.
Если будет нужда, не задумавшись ни на миг,
Ты мне вырежешь сердце, чтоб первенца накормить!

Шахро *(встает)*

Ты обрушишь пожар на кровли нашей земли,
За твою свободу сто сотен сгинут в плену,
Те, что некогда чуть не к богам тебя возвели,
Через месяц на всех площадях тебя проклянут!

Вис

Я два года гнила на чужбине, словно в дыре.
Я не в силах вернуться. Должна ли я умереть,
Если смерть моя сохранит вожделенный мир?

Шахро *(направляясь к выходу, уже в дверях выпускает последнюю стрелу)*

Да, не скажешь ли: что тут забыл шахзаде Рамин?

Шахро выходит, разминувшись в дверях с Виро.

Виро *(проводя ее глазами)*

Что здесь делала мать?

Вис

Умоляла меня уйти.

Виро

Захотела лишить меня радости госпожа?

Вис

Нет, боялась печали.

Виро

Не той, что я задолжал
Моабаду, и нынче готовился уплатить?

Вис

Этой самой.

Виро

Но ты не дала себя убедить?
Ты меня не покинешь? Ведь мы же мстим за отца...

Вис

Ничего не могу – ни смириться, ни отрицать;
Умоляю тебя, мои раны не бреди.

Виро

Разве ты не со мною?!

Вис *(пылко)*

До тла, до конца, до дна!
Я с тобою, мой брат, но только... я не одна.

Рамин выходит и становится рядом с нею.

Виро *(изменившимся голосом)*

Значит, вот как...

Вис

Да, так. А иначе не стоит жить.

Виро *(горько)*

Я опять у старухи удачи плетусь в хвосте:
От кого мне хранить приграничные рубежи,
Если в собственном доме не знаю таких гостей!

(к Вис)

Тот заказывай саван, кто сердце вверит тебе!
Ну, и что мне с ним делать?

Рамин *(протягивая свой нож)* Хочешь убить? Убей!

Можно вырезать сердце, в прах развеять меня,
Можно братскую клятву сейчас от меня принять.
Кто нам страшен, когда мы с тобою плечом к плечу?
За такого друга я реки вспять поверну...

Виро *(к Вис)*

Если ты моя – ото всех тебя защищу;
Но Рамина ради ввязываться в войну...
(яростно обернувшись на звук отворяемой двери)

Было сказано, чтобы к нам никто не входил!

(и, при виде Шахро, бледной и испуганной)

Госпожа моя, что с тобой?!

Шахро

Шах у ворот. Один.

Плач Моабада

Я один в пыли, сума легка у меня –
Постучаться в дверь дрожит рука у меня.
Прогоните прочь глупца неприкаянного –
Поднимите на смех, кидайте камни в меня!

Залила позором страсть седину мою –
Не живу, не сплю, не слышу, не думаю!
Насмеялась жизнь: почти на самом краю

В госпожи дала негодницу юную!

Я утратил честь, горит лицо у меня,
Только хрип несется из горла сорванного.
Поливайте грязью, сыпьте сор на меня,
Из глупцов глупец я – спустите псов на меня!

Не закрасить хною седые нити мои,
Шестьдесят годин мои жилы вытянули,
Старый пес и ворон мне повелителями –
Поднимите на смех меня, гоните меня...

Вис и Моабад у ворот дворца.

Вис

Ты зачем пришел?

Моабад Говори... Говори еще...

Вис

Говорить, когда сказано все? Подскажи, о чем!

Ты же сам тогда свободу мне подарил!

Моабад

Это правда. Но ты говори еще... Говори...

Вис

Ты зачем пришел?

Моабад Я и сам не в силах сказать.

Вис

Ты зачем пришел?

Моабад Чтобы слово забрать назад.

Вис

Слово держат даже разносчики на торгу!

Моабад

Я пытался жить без тебя.

Вис

И что?

Моабад

Не могу.

Смена декораций. Морав. Вис и Кормилица.

Кормилица

Ты молчишь?

Вис

Ну и что же?

Кормилица

А то, что бросает в дрожь:

Как ты раньше ждала его – и как сегодня ждешь!

Прежде ты не таила от няньки свою нужду...

Вис

Ты ошиблась, кормилица. Я никого не жду.

Кормилица

Прежде ты не лгала мне...

Вис

О чем ты?

Кормилица

Знаешь сама.

Вис

Ничего не знаю. Зима... Повсюду зима...

Кормилица

Хоть поплачь!

Вис О чем? Душа белей облаков.

Под покровом снега спится так глубоко...

Кормилица

Хоть прикрикни, жаль моя!

Вис Спящего не буди.

Ледяное сердце в сугробе моей груди.

Кормилица выходит. Вис одна. Свет медленно меркнет, оставаясь только вокруг ее фигуры. Звучит эхом голос Рамина:

...И куда бы ни скрылся я, сушей или водой,
И о чем бы ни думал, скитаясь между людьми,
Ни к чему окликать меня – просто сожми ладонь;
А захочешь меня убить – посильней сожми.

Медленно, медленно Вис поднимает ладонь на уровень лица и внезапно сжимает ее в кулак.

Затемнение. Музыка и свет меняются, обозначая весну. По тропинке мимо садовой ограды идет мальчик-торговец с корзиной фиалок.

Мальчик (поет)

По дворам брожу вперевалочку,
Богатею, как Алладин –
Покупай, господин, фиалочки –
Не раскаешься, господин!

Из себя не так чтоб осанисты
И росточком невелики –
Но зато ни одна красавица
Не откажется от таких!

О ширазских розах слышали мы,
Что Аллах посадил в раю –
Но такого благоухания
Эти розы не издают!

А ценою сравнится мало что –
За пятак себя услади...
Ай, купи, господин, фиалочку,
Не раскаешься, господин!

(держит в руках фиалку)

Я нашел на таком лугу ее,
Где кончается оком;
У твоей ненаглядной гурии
Чай, глаза не ярче нее!

Уж такой цветок небывалошный –
 Удовольствие для души...
 Покупай, господин, фиалочки –
 Ай, фиалочки хороши!

Рамин, перемахнув ограду, заступает дорогу мальчику.

Рамин

Ты откуда?

Мальчик Купи фиалочки, господин!

Рамин

Ты откуда?

Мальчик Чем я господину не угодил?

Продаю цветы! Какая в этом беда?

Рамин

Где ты взял их?

Мальчик (*опасливо*) Далече – отсюда не увидеть!

Рамин

Ты откуда взял их?

Мальчик Где взял, там уж больше нет!

Рамин

Не дразни...

Мальчик (*плаксиво*) Господину грех пугать сироту!

Рамин

Я отдам тебе все, что есть у меня в мошне,

Только ты скажи...

Мальчик Да они повсюду растут!

Просто я местечки знаю в здешних горах...

Рамин

Кто послал тебя?

Мальчик Что?!... Господин, мне домой пора!

Рамин (*хватая его за плечи*)

Кто послал тебя?!

Мальчик (*ревет*) Отпусти меня, господи-ин!

Рамин

Подожди, постой. Не пугайся. Не уходи.

Дай понюхать...

Мальчик (*в сердцах сует ему корзину*)

Да на – хоть даром их забирай!

Рамин (*пряча лицо в фиалки*)

Это было в прошлом столетье – или вчера?

Что со мною, судьба моя? Что у меня в горсти?

Как я здесь оказался сам?

Мальчик (*ревет*) Отпусти меня-а!

Рамин

Отпустить тебя? – Да во мне все жилы звенят

От одной крупницы их запаха!

Мальчик (*воет*) Отпусти-и!

Рамин (*держит его перед собой за плечи*)

Погоди. Что она поведала на словах?

Та, что их прислала?

Мальчик Никто меня не прислал!

Рамин *(с безумной улыбкой)*

Говоришь, никто? Понимаю – честь ремесла!

На, держи *(дает ему кошелек)*.

Мальчик *(убегая)*

Бесноватый! Помешанный! Беснова...

Айй!!!

Рамин *(снова одним прыжком преградив ему дорогу, срывает с рук перстни и сует ему)*

Возьми еще, мой маленький Алладин!

На за то, что мое безумье освободил!

На за то, что огнем горит моя голова!

На за то, что мое проклятье расколдовал!

На за то, что не дал забыть, как оно звалось!

У твоих фиалок запах его волос...

Сад. Вис и Рамин вдвоем. Вдали мелькание факелов.

Рамин

Снова ищут.

Вис И вновь не найдут.

Рамин Мне опять бежать?

Я рожден не для бегства, знаешь...

Вис Да, мой смельчак.

Только память о прежних мытарствах еще свежа,

А кровавые жертвы мне жизни не облегчат.

Рамин

Я ушел и пришел невредимым – а ты в крови...

Вис

Кто твоя госпожа?

Рамин Ты же знаешь.

Вис Кто?

Рамин Перестань...

Вис

Я хочу, чтобы внятно сказали твои уста:

Кто твоя госпожа? Назови ее имя!

Рамин Вис...

Вис *(шепотом)*

Громче...

Рамин Вис...

Вис *(так же)* На колени...

Рамин *(на коленях)* Вис!

Вис Во веки веков?

Рамин

До могилы. Я раб твой.

Вис Будешь впредь бунтовать?

Рамин

Никогда...

Вис Для раба у хозяйки закон таков –

Исполнять, как святую волю, мои слова.

Ты исчезнешь, как тень, ты уйдешь, не примяв траву...

Поезжай в Хорасан. Я сама тебя позову.

Рамин

Уезжать без тебя?!

(склоняясь под ее взглядом)

Госпожа, отправляюсь в путь.

Вис *(срывая фиалку и протягивая ему)*

На, возьми. И моих фиалок не забудь!

Рамин уходит. Вис ложится наземь и притворяется спящей.

Смена декораций. Рамин выходит из дверей своего дома, уже снаряженный в дорогу. За ним следует Гуль.

Гуль

Наконец-то проснулся! Под хвост угодила вожжа?

Рамин

Я проснулся, дитя. И теперь мне пора уезжать.

Гуль

То сидел, то сорвался... Какая случилась беда?

И когда тебя ждать?

Рамин

Никогда.

Бьет копытами конь и призывно звенят стремяна...

Гуль *(переменившись в лице)*

В чем вина моя?!

Рамин

Ты – не она.

Твои косы – как ночь. Твои очи – как звезды в ночи.

Как случилось, что в этой ночи мое сердце молчит?

Ты как сад по весне, ароматами рая полна,

Ты прекрасна. Но ты – не она!

Я за все благодарен – за ласку твою и за быт,

Но, прости, не тебя я полгода пытался забыть!

Не тобою, как цепью, душа моя оплетена.

Ты – блаженство. Но ты – не она!

Ты ни в чем неповинна, дитя. Твои руки чисты.

Как болезнь, мою душу и плоть источила не ты.

Не тобою отравлена кровь и навеки пьяна –

Ты добрее. Но ты – не она!

Не тебе я обязан просветами ранних седин,

Не тебя, словно шрам и клеймо, я ношу на груди,

Не тебе моя боль отзывается, будто струна;

Не тебе. Ибо ты – не она!

Мне пора, моя роза. Копыта о камни звенят.

Ты услада богов, только все это не для меня!

Я отдам тебе все, что имел. Разочтемся сполна.

И... прости мне, что ты не она!

Вис и Рамин в ее покоех. Молчат. Не глядят друг на друга.

Вис

Облетели деревья, бесплотные, как скелет –

Не пройдет и недели, как горы будут в снегу...

Что сказать нам? Что место для нас на этой земле
Лишь тогда найдется, как реки вспять побегут?
Облетела надежда, и выкошены луга...

Рамин

Отпусти меня, Вис. Я не в силах более лгать.
Черный демон обмана всю душу мне отравил –
Лучше смерть и безумье, тоска и бессильный гнев,
Чем дышать твоим воздухом... Видеть окна твои...
И за сутками сутки гореть на адском огне.

Вис

И куда ты поедешь?

Рамин

Не знаю. Куда глаза.

Если негде жить – умереть отыщется где!
У меня на востоке – четыре жизни назад –
Были земли, от деда завещанные в удел.

Вис

У тебя есть владенья?

Рамин

Пол-фарсанга степи,

Где земля как мангал, где песок на зубах скрипит,
Где потоки звезд не дают уснуть по ночам...

Вис

У тебя есть владенья – и ты до сих пор молчал?!
Значит, мы не бездомные? Значит, рано еще
Нам готовить покров на гроб и медь на глаза,
Если есть на краю Вселенной земли клочок,
Где никто не посмеет на дверь тебе указать?!
Пол-фарсанга пустыни, да крепость из кирпича...
А войска ты найдешь – было б только, что защищать!
Значит, есть нам убежище в этой жизни земной?!

Рамин

Есть!

Вис

Тогда приготовь его – и приезжай за мной.

Хорасан. Моабад и Вис во дворце в ее покоях.

Моабад

Твой Рамин уезжает.

(пауза)

Ты слышишь?

Вис

Я не глуха.

Моабад

Отпросился на год посетить родные места.
Я и сам бы хотел отослать его от греха,
Но хитрец дожидаться намеков моих не стал.
Больше некому ни по ночам под окнами петь,
Ни у всех на глазах разговаривать между строк...
Ты молчишь, моя девочка. Думаешь, я глупец,
А мальчишка вернется домой в назначенный срок?
Ты поверь, не злорадством сердце мое полно –
Я и сам ведь когда-то был таким же юнцом;
В молодые годы, ты знаешь, любовь – вино:
Прошумело в твоей голове и прошло, как сон.

Уж доверься не опыту горькой моей судьбы,
 Так хотя бы тому, кто Рамина знает с пелен:
 Он уехал, бедняжка моя, чтоб тебя забыть
 И едва ли вернется, покуда не исцелен.

Морав. Дворцовый сад. Ночь. Последний весенний снегопад. Рамин под окнами Вис.

Рамин

Вис, открой! Покаянный преступник явился на суд.
 Я к тебе на расправу повинное сердце несу.
 Сорок демонов ада меня пропустили сквозь строй –
 Вис, открой!
 Я скитался по свету, куда уводили глаза –
 Беспощадная цепь за ошейник рванула назад.
 Мне за эти полгода тоска моя стала сестрой...
 Вис, открой!
 Вис, открой! Я на брюхе приполз, как побитая тварь,
 Моя воля развеяна в дым. Моя гордость мертва.
 Мой рассудок давно затерялся в неизвестных зыбях –
 Ничего не осталось на свете помимо тебя!
 Ты присвоила все – мое тело, и душу, и кровь...
 Вис, открой!
 Вис, открой! Не затем ты меня превратила в раба,
 Чтобы выгнать меня, как за дверь выгоняют собак!
 Словно пес, я под окнами вою ночью порой –
 Вис, открой!

Пауза

Вис, открой! Ты моим унижением не сыта?
 Вис, открой! Я же знаю, ты слышишь! А если так,
 То сойди и упейся мезтью! Чего мы ждем?
 Оба знаем – ты победила, я побежден!
 У твоих дверей как нищий стою в снегу,
 Оттого что жить не могу, дышать не могу
 Без тебя! Оттого что сил не хватит уйти!
 И покуда день не забрезжил, снег не утих,
 Никуда не сдвинусь – за ночью ночь, до зари,
 До могилы... Тебе недостаточно? Говори!
 Я пушу здесь корни к рассвету, прямо во льду!
 Ты упряма, а я упрямей. Я не уйду!

Смена декораций. Вис и Кормилица наверху в своих покоях. Кормилица у окна, Вис расчесывает волосы, сидя на постели.

Кормилица

Сжался, девочка!

Вис Прочь.

Кормилица Отвори!

Вис Я сказала, прочь!

Кормилица

Если ты сейчас не откроешь, ты мне не дочь!

Вис

Уходи, не держу.

Кормилица Как ты можешь?

Вис Я все могу.

Кормилица

Пощади!

Вис Я зарыла сердце в этом снегу,
В нем осталась власть твоя. Хочешь – иди ищи.

Кормилица

На дворе мороз, под ногами иней трещит,
Он замерзнет насмерть!

Вис Кто – он?

Кормилица Ты впрямь сатана!

Вис

Если хочешь, ступай, а не хочешь – хватит стонать.
Я устала и спать хочу.

Кормилица Явь это или ложь?

Вис

Ты о чем?

Кормилица Ты и впрямь не ты, коли ты уснешь!

Вис

Все, что хочешь, думай.

Кормилица Скажи, где мое дитя?

Ты ее подменила?

Вис Какие хлопья летят...

Возле дома славный сугроб к утру нанесет...

А дитя твое попросту выросло – вот и все.

Рамин

Вис, ответь!

Твоя дверь неподвижна, а ночь миновала на треть.

Ты не можешь уснуть: два конца у железной цепи...

Неужели ты спишь?

Даже стены и те не поверят в такие дела...

Голос (из окна)

Твоя Вис умерла.

Рамин (бросаясь к окну)

Вис, я знаю тебя. Ты горячка, ведьма, змея,

Но *моя* змея, и ведьма – тоже моя!

На краю могилы, в тисках, что кости дробят,

Я пришел тебя потребовать у тебя.

Нет судьбы между нами, и Бог нам не господин –

Так давай померимся силами. Выходи!

Вис (из окна)

Проходи себе, странник. Зачем ты тревожишь немых?

Твоя Вис умерла еще в самом начале зимы.

Ты убил ее страшную вестью из дальних равнин,

Если впрямь твое имя Рамин.

Рамин

Кто же ты?

Вис Я преемница Вис. Ее дом разорен.

Я на троне сажу с пожилым и бесплодным царем.

Я советница мужа, наместница здешних краев

И спокойно в ночи одинокое ложе мое.
 Но и это не все. Ты мечтал о наследстве, мой враг?
 Я рожу ему сына, когда подоспеет пора!
 От раба, от юнца, от любого, кто сможет помочь,
 И отправлю помощника к праотцам в эту же ночь!
 Ничего твоего не останется в здешних местах...
 Твоя Вис поступала не так?
 Жаль, она умерла. Этот мир не для нежных сердец.
 Видишь сам – делать нечего здесь.
 Уходи, как пришел, и бесценное время не трать...
 А не хочешь – так стой до утра.

Рамин

Будь ты проклята, Вис. Ты и правда исчадие зла.
 Что, помимо позора и горя, ты мне принесла?
 Для чего я вернулся? Чтоб раны свои беречь?
 Вместе с сердцем я вырву тебя из груди –
 Ты на это сегодня дала мне достаточно сил...
 Я глупец, что вернулся, глупец, что о чем-то просил,
 Я забыл, что ты демон! У вас не бывает души.
 На могиле моей попляши,
 Если будет она у того, кто исчез без следа...
 Вис, прощай навсегда!
 Я за сотню фарсангов отныне твой дом обойду –
 Вис, прощай до скончания века, до встречи в аду,
 Если правда, что нас и туда призовут сообща...
 Вис, прощай!
 Проклинаю тот день, что судьбу мою переломил –
 Вис, прощай же!

Вис *(на пороге)* Рамин!!!

Некоторое время спустя. Покои Вис во дворце. Она и Рамин вдвоем.

Рамин

Ты простила меня?

(Вис кивает)

Что же дальше, моя любовь?

Вис

Ничего. Ничего, что уже не знали бы мы с тобой.
 Ничего, с чем уже мой возлюбленный незнаком:
 Униженья, ложь и разлуки, встречи тайком,
 Поцелуи украдкой, обман и слезы в ночи...

Рамин

И доколе?

Вис Пока мирной смертью не опочил

На своей постели мой муж.

Рамин

Опять за свое?

Вис

Да, опять за свое! И пока мы с тобой вдвоем,
 Я не стану иной. Не затем я тебе нужна.
 Нам не знать покоя и скуки тоже не знать.
 И настанет день, когда явится Азраил
 К Моабаду; и ты взаправду станешь моим;

И тогда убедишься, что слава моя – не ложь,
И тогда наконец ты судьбу свою проклянешь...

Рамин (*закрывая ей рот*)

Замолчи! Я счастливее всех на этой земле!
Я сегодня впервые готов его пожалеть...

Вопль Моабада (*где-то за сценой*)

Вис! Для этой чумы не помеха ни снег, ни дождь!
Вис! Зараза проклятая, ведьма, сукина дочь!
Ты холера, ты язва, ты плеть на моей спине –
Чуть засну, и опять этой твари на месте нет!
Вис! Да где ж эта женщина! Царь я или не царь?

Пахпур Джорджанели

И на этом закончим историю без конца.
Ибо целый мир, как цепями, ею обвит;
Ибо кроме смерти, нет конца у любви;
Да и смерть порою - всего только чистый лист,
Ожидающий чьей-то руки, что начнет писать
Для забавы столетий, для зрителей и певца
Песнь о верном Рамине и дивно прекрасной Вис...

2003 – 2011